

**РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
«ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»**

СБОРНИК РАБОТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

**ИД «НЕ СЕКРЕТНО»
МОСКВА-2016**

УДК
ББК
Л34

Сборник работ победителей Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». – К.: ИД «Не секретно», 2016. – 240 с.

ISBN 978-5-9908894-2-2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Мединский В. Р. – председатель совета, министр культуры Российской Федерации, председатель Российского военно-исторического общества;

Пуликовский К. Б. – заместитель председателя, генерал-лейтенант;

Буздыган В. Д. – директор Департамента культуры Министерства обороны Российской Федерации;

Рябов О. И. – генеральный директор Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы».

В сборнике представлены работы победителей Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы», а также работы участников конкурса, отмеченные жюри.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-9908894-2-2

УДК
ББК
© ИД «Не секретно», 2016

ПРОЗА

Колпаков Фёдор	
Перо, обожжённое войной.....	9
Андреев Анатолий	
Сопки в огне	16
Любестовский Пётр	
Обелиск	23
Юркевич Игорь	
Последний бой.....	28
Солонова Галина	
Афганский путь рядового Конохова.....	33
Бирюлина Юлия	
Фронтовой кот	40
Захарова Вероника	
Не плачь, Глафира.....	42
Шалаева Акулина	
Боец невидимого фронта (Странник)	50
Макурин Денис	
Сорока.....	57
Масловская Алёна	
Дом, в котором родился и вырос Даниил Прытков	63
Семёнов Игорь	
Тишка.....	67
Соловьёв Юрий	
Дело случая.....	72
Филичкин Александр	
Штурм крепости	80
Марьина Елена	
Война и мир доктора Шалыго	87
Мусаткина Анастасия	
Живи и помни	91
Травникова Нина	
Прекрасная судьба!.....	96
Филиппов Алексей	
Подвиг лейтенанта Осокина	104
Степанова Елена	
Разговор с дедом.....	108
Талызин Николай	
Пряники для кобылы.....	111

ПОЭЗИЯ

Вашина Светлана	
Бессмертный полк.....	116
Мартьянова Мария	
Бессмертный полк.....	117

Шумаков Владимир	
Солдаты Родины моей	118
Янкова Ирина	
По соседству домик старенький	120
Герасимов Владимир	
Провожая с грустью журавлей	121
Голубева Анна	
Разговор с отцом – встреча у братской могилы.....	123
Григорьев Андрей	
Друг	124
Гусев Игорь	
Деду	125
Попова Вера	
Пропал без вести	127
Миронкин Юрий	
«Откопали немца у оврага»	129
Рыкова Нина	
Я – «Ласточка»	130
Белокобыленко Владимир	
Генералы.....	134
Смирнова Маргарита	
Песня о доблестном герое Иване Марикове.....	135
Козлов Артём	
Что я знаю о войне?	137
Тихонова Нэлли	
Минута молчания	138
Поваляева Людмила	
Обелиск.....	140
Кожевникова Екатерина	
О войне.....	141
Гаврилова-Мамонтова Галина	
За брата.....	143
Крылов Валерий	
Брат.....	145
Коваленко Валерий	
В День Победы.....	147
Корнилов Владислав	
Дрессировщик.....	149
Товарищи по несчастью	151

ПРОБА ПЕРА

Савин Данила	
Посвящение Бессмертному полку	154
Григорьев Георгий	
Воин-освободитель	155
Кулпин Матвей	
Он для всей семьи – Герой.....	158
Коновалова Марина	
Победа	159

Лобанов Ишполит	
Медсестра	161
Нестеров Андрей	
Небесный полк	163
Сайфуллова Алсу	
В нашем сердце – Победа!	168
Заболоцкий Фёдор	
Призраки войны	169
Хирвонен Полина	
Чтобы помнили	175
Доильница Дарья	
Нет в России семьи такой, где б ни памятен был свой герой	178
Шпурикова Анна	
Её зовут Ёлкой.....	181
Комаровская Юлия	
Голос из прошлого.....	184
Вольский Александр	
Война оставила след на всю жизнь	186
Яковлев Денис	
Случайная встреча	188
Кузнецов Владислав	
Дневник краснофлотца Павлова	190
Данилкин Руслан	
Бойцы невидимого фронта.....	194
Александров Иван	
Память	198
Козельская София	
Воспоминания моего прадедушки.....	200
Бабкина Марина	
Солдат неба	203

РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА, ОТМЕЧЕННЫЕ ЖЮРИ

Кузнецова Ольга	
В воскресенье объявили войну... ..	208
Шпакова Мария	
О земляке Иване Григорьевиче Калининко.....	214
Романова Анна	
Запах Победы	219
Дружинина Анастасия	
Я вернусь	223
Пивульская Анастасия	
Герои Великой Победы.....	225
Пивульский Вячеслав	
Неуловимые	227
Овдиенко Илона	
Сквозь годы.....	230

БИОГРАФИИ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА,
ОТМЕЧЕННЫЕ ЖЮРИ

Щербакова Елена	234
Кашин Вячеслав	234
Долгушин Юрий	235
Сухих Дарья	235
Мезенцева Юлия	236
Бажина Валентина	236
Мильгунова Алина	237
Чемерис Алина	238

Проза

Колтаков Фёдор Николаевич

Родился в 1974 году в посёлке Мурыгино Кировской области. В 1991 – 1996 годах обучался в ВКА им. А. Ф. Можайского. В 1996 – 2012 годах проходил службу в воинских частях Космических войск России, подполковник запаса.

В настоящее время научный сотрудник Воркутинского музейно-выставочного центра. Член Союза журналистов России, Российского военно-исторического общества.

ПЕРО, ОБОЖЖЁННОЕ ВОЙНОЙ

2015 год в нашей стране, безусловно, запомнился празднованием 70-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне и проводимыми в городах и весях России мероприятиями Года литературы. В воображаемом пересечении этих двух событий, как мне кажется, стоят поэты и писатели военной поры.

Особой группой среди них выделяются те, кто не дожил до Победы, попав уже в не воображаемое, но настоящее перекрестие прицелов вражеских солдат. На память сразу приходят имена Аркадия Гайдара и Муссы Джалиля, судьбы которых разительно отличались друг от друга, но литературная и воинская слава каждого из которых бесконечно спорили между собой. Однако были десятки и сотни других поэтов и писателей.

Светлой памяти тех, кто навсегда уравнил между собой меч и перо, посвящён этот рассказ.

И первым в этом мартирологе стоит имя пролетарского эстонского писателя **Йоханнеса Лауристина (1899 – 1941)**. С юных лет включившись в революционную борьбу, он не раз бывал в тюрьме. Именно там Лауристин создал свои главные произведения – романы «Ниспровергатели» и «Республика». Первый был тайно передан из Эстонии в Советский Союз, где и был опубликован в 1929 году. Йоханнес всё же был больше революционером, нежели писателем, поэтому после присоединения в июне 1940 года Эстонии к СССР он стал председателем созданного Совета народных комиссаров Эстонской Советской Социалистической Республики,

секретарем ЦК Коммунистической партии Эстонии. Погиб Лаурстин 28 августа 1941 года во время эвакуации из Таллина на эсминце «Володарский», подорвавшимся на mine.

20 сентября 1941 года в бою погиб советский прозаик и киносценарист **Юрий Соломонович Крымов**. Творческая звезда Крымова засияла после публикации в 1938 году его повести «Танкер «Дербент» и экранизации произведения, которую выполнил коллектив Одесской киностудии. Премьера фильма состоялась за две недели до начала войны – 9 июня 1941 года. Название повести и имя этого судна, можно сказать, стало нарицательным, во всяком случае, памятным и в литературе, и в кинематографе.

Юрий Соломонович ушёл на фронт добровольцем 26 июня 1941 года. Он был корреспондентом газеты «Советский патриот» 26-й армии Юго-Западного фронта. Солдатам и командирам этого воинского объединения одним из первых пришлось испытать на себе силу фашистской стратегии блицкрига. Силы фронта были окружены и почти полностью разбиты в Киеве.

В одном из авиаударов по столице, ставших почти каждодневными к началу октября 1941 года, погиб советский драматург **Александр Николаевич Афиногенов (1904 – 1941)**.

В 1924 году Александр Николаевич окончил Московский институт журналистики и написал свою первую пьесу. В 1927 – 1929 годах работал заведующим литературным отделом 1-го Московского рабочего театра Пролеткульта. В начале 1930-х годов он стал одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей. В 1934 году был избран в президиум правления Союза писателей СССР и назначен редактором журнала «Театр и драматургия».

Афиногенов как по лезвию бритвы прошёл через период политических репрессий 1937 – 1939 годов. Он даже написал себе защитительную речь, которой, к счастью, не пришлось воспользоваться. С началом войны Александр Николаевич возглавил литературный отдел Совинформбюро. Во время бомбардировки столицы 29 октября 1941 года Афиногенов погиб в здании ЦК партии, куда попала одна из бомб, сброшенных на город немецкими лётчиками.

Пётр Александрович Блинов (1913 – 1942) – удмуртский прозаик, автор, пожалуй, самого популярного в середине XX века удмуртского романа. Он родился и вырос в небольшой удмуртской деревеньке. Обучался в Новомултанском педагогическом техникуме. Трудился в самодеятельном театре как актёр и как автор коротких пьес.

Впоследствии, будучи уже журналистом в республиканских газетах «Удмурт коммуна» и «Егит большевик», Блинов накопил материал, который позволил ему обратиться к жанру романа. «Повесть о сироте» – так назвал Пётр Блинов свой первый роман. Бывший сирота, беспризорник и строитель поневоле Беломорканала Демьян Буров – главный герой романа.

С первой частью романа в 1939 году ознакомились читатели журнала «Молот». Отдельным изданием книга вышла в 1940-м. Роман и по сей день является одним из самых популярных произведений удмуртской литературы.

После нападения фашистской Германии на СССР Блинов добровольцем ушёл на фронт. Писатели, журналисты и друзья, знавшие Петра Александровича, утверждали, что на фронте им была завершена и вторая часть романа. К сожалению, эта рукопись до настоящего времени считается утерянной. Политрук стрелковой роты Пётр Александрович Блинов погиб в районе деревни Павлицево под Смоленском 7 января 1942 года.

8 февраля 1942 года в бою на Смоленщине погиб 22-летний русский поэт **Николай Петрович Майоров (1919 – 1942)**, вступивший добровольцем в армию в октябре 1941 года.

Майоров родился в семье рабочих. С десяти лет жил в городе Иваново. В 1937 году поступил на исторический факультет Московского государственного университета. С 1939 года одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького, занимался в поэтическом семинаре Павла Антокольского.

Несколько его стихотворений было опубликовано за время учёбы в газете «Московский университет». Две поэмы, написанные Майоровым в 1939-м и 1940-м годах, не сохранились.

Николай Петрович служил политруком пулемётной роты 1106-го стрелкового полка 331-й дивизии. Поэт и красный командир Николай Петрович Майоров похоронен в братской могиле в селе Карманово Гагаринского района Смоленской области.

Государственные архивы и частные коллекции в России и за рубежом хранят порой неизвестные работы ушедших литераторов довоенной поры. Иногда они дарят культурному сообществу неожиданные и дорогие подарки, как было с творчеством Н. Майорова и Е. Червякова.

Евгений Вениаминович Червяков (1899 – 1942) родился в селе Абулино Самарской губернии. Учился в мужской гимназии. В 1917 году в составе Красной Армии принял участие в нескольких боях.

В 1918 году учился на актёрском отделении драматургической школы Уфы и с 1919 по 1921 год служил в рабочем театре Ейска. В 1924 году переехал в Ленинград, где работал актёром и ассистентом режиссёра «Севзапкино». Одновременно Червяков учился и в 1925 году окончил государственный техникум кинематографии.

С конца 1920-х годов работал режиссёром, поставил фильмы: «Девушка с далёкой реки» и «Поэт и царь». Эта совместная с Владимиром Гардиным работа стала не только первым фильмом о А. С. Пушкине, но и первой советской кинопостановкой на историко-биографическую тематику, открыв новый жанр в отечественном кинематографе.

Начало Великой Отечественной войны застало Евгения Червякова в Ленинграде. Вместе со студией «Ленфильм» он подлежал эвакуации, но написал заявление с просьбой оставить его для участия в защите города. В 1941 году режиссёр выпустил сюжет «У старой няни» для Боевого киносборника № 2, а также в качестве актёра снялся в главной роли сюжета «Случай на телеграфе».

В начале осени 1941 года Евгений Червяков ушёл на фронт. Был младшим командиром, помощником командира взвода. С 18 ноября 1941 года обучался на краткосрочных командирских курсах. В декабре 1941 года был назначен командиром стрелковой роты 163-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии 54-й армии, ему было присвоено воинское звание – «лейтенант». Евгений Червяков 16 февраля 1942 года в бою получил смертельное ранение в живот, почти как любимый им Александр Сергеевич Пушкин. На следующий день Евгений Червяков скончался.

Второго июля 1942 года погиб военный корреспондент, писатель-сатирик **Евгений Петрович Петров (Катаев) (1903 – 1942)**.

В довоенное время Евгений Петрович был одним из самых популярных писателей нашей страны. Созданный им совместно с Ильёй Ильфом роман «Двенадцать стульев» был опубликован в 1928 году и сразу же стал популярным. Ещё до войны по мотивам романа были осуществлены постановки в нескольких европейских странах, включая Германию, Италию и Великобританию. В 1931 году они написали продолжение похождения «великого комбинатора» – роман «Золотой телёнок».

Совместно с Ильфом Евгений Петров писал фельетоны для газеты «Правда» и «Литературной газеты», журнала «Крокодил». Ими были подготовлены новеллы «Необыкновенные истории из

жизни города Колоколамска», «Тысяча и один день, или Новая Шахерезада», фантастическая повесть «Светлая личность», сценарии фильмов: «Цирк», «Иван Антонович сердится», «Воздушный извозчик». Итогом небезопасной в то время поездки в США стала повесть «Одноэтажная Америка», вышедшая в 1937 году.

В 1937 – 1939 годах Е. П. Петров входил в редакционную коллегию набиравшей популярность «Литературной газеты». В 1939 году он был награждён орденом Ленина.

Евгений Петрович принимал живое участие в судьбах молодых литераторов. Помог своему старому гимназическому другу Александру Козачинскому покончить со старой преступной жизнью, подтолкнул его к написанию повести «Зелёный фургон», которая выдержала несколько публикаций, была дважды экранизирована в нашей стране.

Самолёт, на котором Е. П. Петров летел в Москву, был сбит немецким истребителем у села Маньково Ростовской области.

23 сентября 1942 года в разведке под Новороссийском погиб поэт **Павел Давидович Коган (1918 – 1942)**.

В 1936 – 1939 годах Коган учился в Московском институте филологии, литературы и истории, затем занимался в Литературном институте имени А. М. Горького. При жизни его работы не публиковались, хотя творчество Когана было популярным в кругу московской литературной молодёжи. В 1940 году с отрывками своего романа в стихах «Владимир Рогов» он познакомил Иосифа Уткина, руководителя объединения молодых поэтов при Союзе писателей СССР. Иосиф Павлович Уткин переживёт своего нового друга лишь на два года и также погибнет в годы Великой Отечественной войны.

По состоянию здоровья, а Павел Давидович страдал близорукостью, он мог быть освобождён от военной службы, но добился отправки на фронт. Служил Коган помощником начальника штаба по разведке одного из полков, которые сражались в районе Новороссийска. 23 сентября 1942 года на сопке Сахарная Голова Коган и возглавляемая им разведгруппа попали в перестрелку, в которой Павел Давидович был убит.

14 ноября 1943 года в бою у деревни Турки-Перевоз, недалеко от города Невеля, погиб известный писатель и журналист **Владимир Петрович Ставский (Кирпичников) (1900 – 1943)**, военный корреспондент газеты «Правда».

После окончания Гражданской войны, активным участником которой был Ставский, с 1924 года, он занимался журналист-

ской и литературной работой, был редактором ростовской газеты «Молот». В 1925 году – инструктор крайкома ВКП(б), с 1926-го – секретарь Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей. В 1927 году Ставский стал главным редактором ростовского журнала «На подъёме». В 1932 году по поручению ЦК участвовал в организации Союза писателей СССР, с 1936 года – генеральный секретарь Союза писателей страны. В 1937 – 1941 годах он, кроме этого, трудился главным редактором журнала «Новый мир». В 1937 – 1939 годах являлся членом редколлегии «Литературной газеты».

Очень напряжённые отношения складывались у Ставского со значительной группой писателей страны. Он резко отрицательно относился к творчеству О. Мандельштама. Критиковал Иосифа Прута и Валентина Катаева, поддержавших поэта в эти дни, находил «грубые политические ошибки» во взглядах М. А. Шолохова.

Военный корреспондент Ставский освещал события на Халхин-Голе и на финской войне, где получил тяжёлое ранение. Владимир Петрович – единственный из советских писателей, кто ещё до войны был отмечен двумя орденами Красного Знамени и боевым орденом Монгольской Республики. С первых дней Великой Отечественной войны на фронте.

«На передовой писатель и журналист вёл себя достойно, да и в личном мужестве ему не откажешь», – вспоминали о Ставском знавшие его командиры. Владимир Петрович Ставский погиб во время вылазки за нейтральную полосу вместе со снайпером Клавдией Ивановой.

Полгода не дожидая победы самобытный и талантливый русский поэт **Иосиф Павлович Уткин (1903 – 1944)**.

Он родился на станции Хинган, на КВЖД, которую строили его родители. После рождения сына семья вернулась на родину, в город Иркутск, где будущий поэт прожил до 1920 года. В 1919 году во время антиколчаковского восстания в Иркутске вместе со старшим братом Александром вступил в Рабочую дружину, в которой состоял до становления Советской власти. В начале 1920 года вступил в комсомол, а в мае того же года в составе Первой добровольческой группы иркутского комсомола выехал на Дальневосточный фронт.

В 1922 году становится репортёром газеты «Власть труда», в которой появляются его первые стихи. Затем работает в молодёжной газете Иркутска «Комсомолия», в губкоме комсомола – секретарём комсомольской газеты. Стоял у истоков зарож-

дения творческого объединения молодых литераторов в Иркутске. В 1924 году по путёвке комсомола как наиболее способный из молодых журналистов Уткин был послан учиться в Москву в институт журналистики.

С 1925 года работал в «Комсомольской правде» заведующим литературным отделом. В 1925 году вышла его первая книга «Повесть о рыжем Мотэле...» – поэма о переменах, внесённых революцией в жизнь еврейского местечка. Это был первый настоящий успех молодого поэта. После создания Союза писателей СССР руководил объединением молодых поэтов при союзе.

С началом Великой Отечественной войны уходит на фронт. В сентябре 1941 года в бою под Ельней Уткин был ранен. Осколком мины поэту оторвало четыре пальца правой руки. Иосиф Павлович был отправлен на лечение в Ташкент, где, несмотря на ранение, он настойчиво продолжал литературную работу. Менее чем за полгода в Ташкенте им были созданы два сборника фронтовой лирики – «Фронтовые стихи» и «Стихи о героях», а также альбом песен, написанных совместно с московскими композиторами.

Летом 1942 года Уткин вновь добился назначения на фронт – в качестве специального корреспондента Совинформбюро от газет «Правда» и «Известия». Участвовал в боях, совершая большие переходы с солдатами. Писал песни-марши. Летом 1944 года вышел последний сборник произведений Уткина «О родине, о дружбе, о любви» – карманная книжечка, вобравшая в себя лучшее из написанного поэтом.

Возвращаясь из командировки из расположения одного из партизанских отрядов, 13 ноября 1944 года И. П. Уткин погиб в авиационной катастрофе.

Природа не терпит пустоты. В случае с нашими героями даже не знаю, чем она компенсировала их столь ранний уход. Бесконечной ли любовью симоновского «Жди меня» или неистовством его – «Если дорог тебе твой дом...», а может быть, сермяжной правдой фронтовых будней в послевоенной прозе В. Быкова, Ю. Бондарева, В. Богомолова, В. Астафьева и тысяч других писателей.

Точно знаю одно – страна всегда будет в долгу перед недосказанностью пера, обожжённого огнём войны, которое в какой-то момент великого подвига нашего народа выпало из руки каждого из погибших литераторов.

Андреев Анатолий Александрович

Родился в Уфе в 1963 году.

С 1982 по 1984 год проходил срочную службу в рядах Вооружённых Сил СССР.

В 1984 году поступил в Уфимский ордена Ленина авиационный институт, а затем перевёлся на пятый курс Ленинградского ВИКИ им. А. Ф. Можайского.

С 1989 по 2009 год проходил действительную военную службу в городе Енисейск-4 Красноярского края, подполковник запаса.

В июле 2015 года переехал с семьёй на постоянное место жительства в город Новосибирск.

Всё свободное время посвящает литературному и художественному творчеству.

СОПКИ В ОГНЕ

*На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят...¹*

Погода окончательно испортилась. Густой туман сползал с вершины сопки, окутывая подножье так, что казалось – она парит над землей. Где-то далеко на востоке солнце начинало свой путь по небосводу, а с Заозёрной едва проглядывалась бледная полоса над горизонтом. Дождевые тучи медленно растекались по небу, сбрасывая на землю мириады мелких, едва ощутимых капель. Стояла пронзительно тревожная предрассветная тишина. Короткая июльская ночь заканчивалась.

*... Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силён,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон...*

Мелкий моросящий дождик смывал жёлтую дорожную пыль с брони лёгкого танка Т-26, стоящего недалеко от позиций окопавшейся пехоты одного из батальонов 118-го стрелкового полка

¹ Здесь и далее слова из песни «Три танкиста», автор текста Б. Ласкин, авторы музыки братья Покрасс.

40-й Богучарской дивизии имени Серго Ораджоникидзе, от чего она приобрела матовый блеск.

Командир танка – орденоносец младший комвзвода Григорий Корнев дремал в своём командирском кресле в башне танка, а механик-водитель – младший комвзвода Константин Пушкарёв беспокойно ворочался во сне.

Третий член экипажа – заряжающий красноармеец Григорий Колесников вылез из душного чрева боевой машины и, потянувшись, срыгнул на землю. Сняв шлемофон, поёжившись от пробирающей утренней прохлады, тянущейся с озера, подставил коротко остриженную голову под освежающие капли дождя.

Чуть больше суток прошло, как части 118-го и 119-го стрелковых полков прибыли к подножьям сопок Заозёрной и Безымянной для усиления пограничной заставы «Подгорная», подвергшейся 29 июля 1938 года провокационному вооружённому нападению японцев.

Узкая полоска советской территории между госграницей и озером Хасан не зря привлекала японских милитаристов. Две господствующие высоты – Безымянная и Заозёрная, с них открывался широкий обзор приграничных земель, захват которых обеспечил бы им преимущество при дальнейшем продвижении войск в глубь советской территории.

Григорий внимательно вглядывался в сторону границы. Ещё не рассеялись сумерки, и в сгустившемся тумане едва просматривались очертания высоты Богомольной на сопредельной территории.

Накануне вечером японская артиллерия обстреляла опорные пункты на сопках, где закрепились усиленные расчёты пограничников.

... На траву легла роса густая,

Полегли туманы, широки.

В эту ночь решили самураи

Перейти границу у реки...

В третьем часу ночи громыхнул взрыв гранаты где-то на западном склоне Заозёрной. Григорий инстинктивно пригнулся. В ответ захрустели ружейные и пистолетные выстрелы, застрекотали пулемёты. В два прыжка он оказался в башне танка.

– Товарищ младший комвзвода! Началось!

Корнев коротко взглянул на возбуждённое, лоснящееся от дождевой воды лицо заряжающего – сон как рукой сняло. Он, рывком подтянувшись, высунулся на полкорпуса из люка коман-

дирской башенки. В окуляры бинокля из-за тумана и дождя едва просматривался северный склон сопки. Лишь всполохи от разрывов гранат, вспышки из стволов пулемётов и винтовок и нарастающий шум боя подтверждали слова Колесникова.

В шлемофоне затрещало, заскрежетало.

– Так точно! Есть выполнять! – ответил Корнев на команду комбата по радио. – Костя, заводи!

Внизу, чертыхаясь, завозился Пушкарёв.

Двигатель послушно заурчал, и машина, резко дёрнувшись, пустилась с места, выпустив добрую порцию горячих выхлопных газов в начинающий накаляться, но пока ещё свежий утренний воздух.

...Мчались танки, ветер подымая,

Наступала грозная броня.

И летели наземь самураи,

Под напором стали и огня...

Танки, поддерживаемые пехотой, сходу атаковали наседавших на сопку японцев. Цепь за цепью лезли они по склонам. Закрепившись у подножья, японцы организовывали пулемётные огневые точки.

У наших пехотинцев появились первые потери. Атака захлёбывалась.

– Заряжай! – скомандовал Корнев.

Григорий уложил снаряд в казённый. В смотровые щели уже были видны силуэты японских солдат с карабинами наперевес, стреляющих на ходу, укрывающихся в складках местности от губительного огня с вершины сопки.

Вот и пулемётный расчёт. Офицер энергично размахивает руками, указывая направление стрельбы.

– Пушкарёв, стоп! Огонь!

Громыкнул выстрел, танк вздрогнул, выпустив из жерла пушки снаряд.

Снаряд разорвался у корней кустарника, за которым залегли пулемётчики.

– Вперёд!

Танк рванулся по пологому склону, Колесников длинными очередями из пулемёта поливал свинцом японских захватчиков.

Они дрогнули. Сметаемые огнём и броней, японцы отступили.

Был приказ государственную границу не пересекать. Поэтому пришлось вернуться на исходные позиции.

Ещё трижды сбрасывали отважные воины 118-го стрелкового полка японцев со склонов Заозёрной.

Высокой ценой доставались эти маленькие победы.

Санитары выносили с поля боя множество раненых и убитых, несколько танков, поражённых снарядами японской артиллерии, горело на склонах сопок и в долине между ними.

У каждого воина внутри кипела ярость и ненависть к вероломному врагу: «Что ж вам нужно на нашей земле? Мало вам Китая и Кореи, Юго-Восточной Азии и Океании? Мало погубленных жизней, разрушенных городов и деревень?»

Японцы усилили натиск. На вершинах сопок артиллерийскими ударами сравнивались с землёй укрепления пограничников. Вскоре защитники вынуждены были оставить позиции, так как не могли больше сдерживать атаки. Японцы тут же оседали Заозёрную. И вот-вот займут Безымянную высоту.

Силы были не равны. Основная часть 40-й дивизии всё ещё была в пути, а отряжённые батальоны 118-го и 119-го стрелковых полков и пограничники, истекая кровью, как могли, сдерживали наступающие полчища захватчиков.

На счету экипажа Корнева уже было несколько подавленных огневых точек, десятки солдат и офицеров.

Наша пехота уже не могла идти в штыковую, потери были велики от губительного пулемётного и артиллерийского огня, японцы вводили в бой свежие силы.

– Вперёд! – скомандовал командир танка.

Пушкарёв рванул рычаги. Т-26 мощно шёл, легко преодолевая воронки от разрывов снарядов, изрывших всё вокруг, провололочные заграждения и другие препятствия. Приостанавливаясь для выстрела, продолжал движение, непрерывно строча из пулемёта.

Далеко позади остались наши позиции. Танк утюжил японские пулемётные гнёзда, расстреливал из пулемёта живую силу.

Корнев выбрал очередное пулемётное гнездо для поражения и приказал резко развернуть машину. Константин подал левый рычаг вперёд, а правый назад, как вдруг танк подбросило, и оказалось, что он проваливается в пропасть. В смотровых щелях чернота. Тряхнуло так, что Пушкарёв больно ударился головой. И тишина. Машина стала.

– Все живы? – спросил командир.

– Ага! – отозвался Колесников.

– Вроде бы, – сморщившись от боли и потирая ушиленное место, прокряхтел Пушкарёв.

– Костя, что с машиной?

Произведя несколько манипуляций рычагами и педалями и пригнувшись к моторному отсеку, механик-водитель сделал совсем не ожидаемое остальными членами экипажа заключение:

– Двигатель заклинило! – с досадой выдавил Пушкарёв.

Командир прильнул к смотровой щели. Японские солдаты подкрадывались к внезапно остановившемуся и замолчавшему танку со всех сторон.

– Сволочи! Окружают! – вырвалось у Корнева. – Костя! Кормовой пулемёт! Колесников! Заряжай!

Окружавшие танк японские солдаты, услышав скрежет поворачивающейся башни, от неожиданности попадали на землю, некоторые попятились назад.

Звук выстрела обратил многих в бегство. Казалось, сейчас неуязвимый танк опять двинется вперёд и продолжит свою губительную работу.

Разрыв выпущенного из танка снаряда поднял на воздух клочья земли и очередной пулемётный расчёт. Танк, оставаясь недвижимым, продолжал наносить колкие удары по врагу, отгоняя пытающихся приблизиться огнём двух пулемётов.

Но всё когда-то заканчивается. Вот щёлкнула в затворе кормового пулемёта лента, выпустившая последний патрон. Опустела коробка и лобового. Ещё тёплая гильза последнего снаряда глухо звякнула, брошенная Григорием Колесниковым в переполненный такими же остывшими уже гильзами снарядный ящик.

– Всё, командир! Это последний! – с надрывом в голосе выдохнул Григорий и, устало опустившись в кресло, прикрыл лицо руками.

Константин тоже сел, вытянув ноги и откинув голову, упёршись ею в стенку башни.

Корнев поочерёдно всматривался в смотровые щели, наблюдая за действиями японцев.

– Обкладывают гады!

– Что делать будем, командир? – сухо спросил Пушкарёв.

– Не знаю пока, – не отрываясь от наблюдения за противником, отрезал Корнев.

Уже отчётливо виднелись песочного цвета куртки японских пехотинцев с красными полосками погон на плечах. В редких лучах утреннего солнца, пробивающихся сквозь плотные слои свинцовых дождевых туч, матово поблёскивали лезвия штыков на карабинах у солдат и клинки сабель у офицеров.

По броне застучало несколько пар подкованных ботинок. Крышки люков звенели от ударов прикладов. Звучала затейливая японская речь с протяжными гласными и скороговорками.

– Э! Руски, сдавайца!

– Да пошли вы! – в сердцах выкрикнул Колесников, ударив рукояткой пистолета с опустевшим барабаном в стенку башни.

– Сдавайца! Сдавайца! – кричали японцы, с усердием колотя прикладами по люкам.

Японцы, поняв, что попасть внутрь танка без участия экипажа им не удастся, а русские не сдаются, прыгнули на землю и открыли беспорядочный огонь по корпусу танка.

Улучив момент, Корнев сделал несколько прицельных выстрелов из пистолета в смотровую щель командирской башенки. Один из младших командиров японцев, сражённый пулей, упал на землю.

Японцы с остервенением бросились на танк и в бешенстве заколотили прикладами по корпусу.

Короткий окрик офицера в круглых очках, с аккуратно постриженными усиками а-ля Гитлер на широкоскулом лице остановил их.

Офицер сделал несколько коротких распоряжений, и вскоре возле танка появились два солдата с тяжёлыми канистрами с горючим.

Танкисты, увидев эту картину, поняли, что их ожидает.

– Руски, сдавайца! – не унимались японцы.

Плен. Шанс остаться в живых...

В плен? К кому – к японцам? Не-ет! Лучше смерть! А впрочем, так и так умирать. Позорно, в унижениях и издевательствах? Лучше умереть в бою. Ведь на миру и смерть красна! Но, к сожалению, их последний бой уже закончился.

А умирать-то не хотелось. Ведь до увольнения в запас оставалось немного. Дома ждут родные, друзья. В будущем была бы семья, дети. Эх!...

Григорий Корнев аккуратно заправил опустевший пистолет в кобуру, занял командирское кресло, расправил плечи и громко, чтобы слышали враги, запел «Интернационал», Колесников и Пушкарёв, устроившись рядом с командиром, подхватили песню:

... Это есть наш последний

И решительный бой!..

Вновь забрякали подкованные ботинки по броне, внутри башни резко запахло горючим.

Танкисты, продолжая петь, крепко взялись за руки.

Танк вспыхнул, языки пламени слизали краску с брони, раскалили докрасна металл, ещё немного – и пламя доберётся до топливных баков...

*... Ночью тёмной, ночью чёрной
Был приказ по фронту дан,
Завязался бой упорный
Возле озера Хасан!
Звёзды в небе не светили
Но пылала кровь огнём...²*

25 октября 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за героизм и мужество, проявленные в боях с японскими милитаристами, младшему комвзвода Григорию Семёновичу Корневу, младшему комвзвода Константину Ивановичу Пушкарёву, красноармейцу Григорию Яковлевичу Колесникову были посмертно присвоены звания Героев Советского Союза.

*... Поздно ночью, утром рано
Шли на приступ штурмовой –
Возле озера Хасана
Десять суток длился бой.
Говорили самолёты
Громогласным языком,
А пехота на высотах
Точку ставила штыком!..*

«... 10 августа состоялась очередная встреча японского посла в Москве М. Сигэмицу с представителями Советского правительства. Конфликтующие стороны договорились по дипломатическим каналам прекратить огонь и восстановить статус-кво на границе СССР с Маньчжоу-Го. На следующий день, 11 августа, в 12 часов дня военные действия у озера Хасан были прекращены»³.

---

² Здесь и далее слова из песни «Бой у озера Хасан», автор текста С. Альмов, автор музыки А. Александров.

³ Мощанский И., Хохлов И. Бои у озера Хасан 29 июля – 11 августа 1938 года.

Любестовский Пётр Петрович

Родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет (ныне Тверской). По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Многие годы работал школьным учителем. Подполковник в отставке.

Член Союза писателей России и Союза журналистов России, автор остросюжетных повестей и рассказов, опубликованных в Петрозаводске (Карелия), Саранске (Мордовия), Грозном (Чечня), Бийске (Алтай), Ростове-на-Дону, Туле, Санкт-Петербурге и в Москве.

В настоящее время живёт в городе Сельцо Брянской области.

ОБЕЛИСК

*По всей России обелиски,
Как души, рвутся из земли.
Римма Казакова*

На всю жизнь запомнился мне обелиск у обочины лесной дороги, ведущей из деревушки Несоново в посёлок Загорье.

По этой извилистой лесной дороге мне пришлось ходить с друзьями целых одиннадцать лет в поселковую школу. И все эти годы у тихой лесной речушки Навли в оградке из штaketника сверкал серебром на солнце стройный обелиск, на вершине которого алым огоньком горела небольшая пятиконечная звезда. У подножия обелиска в летнее время лежали пёстрые полевые цветы, а зимой к нему вела расширенная от снега тропинка. На тёмной металлической пластине в центре обелиска была выбита надпись: Трофимов Павел Алексеевич (1924 – 1942).

Мы с ребятами долго не знали, кто так заботливо ухаживает за лесным памятником, пока однажды весной, поутру шагая в школу, не увидели в оградке свою любимую учительницу Марию Кон-

стантиновну с букетиком скромных ландышей в руках, на листьях которых ещё блестели капли росы. Мы подбежали к учительнице и заметили, что на её щеках в лучах утреннего солнца блестят такие же капли. С той поры мы тоже стали собирать в берёзовом лесочке яркие цветы с белыми, синими, розовыми, жёлтыми венчиками, которыми были залиты лесные поляны, и носить их к памятнику. Застав нас однажды за этим занятием, Мария Константиновна сказала:

– Спасибо вам, ребята, за память о Павлуше.

– А кто он, Павел Трофимов? – заинтересованно спросил один из нас.

– Партизан-разведчик, отважный парень и мой друг, – взволнованно ответила Мария Константиновна. – Павел погиб в юном возрасте незадолго до освобождения нашей области от фашистов...

– Расскажите о нём, – попросили мы учительницу.

Она грустно улыбулась и слегка кивнула головой в знак согласия.

... В глухую лесную деревушку Несоново фашисты нагрянули на рассвете, в синеватой темноте, когда жители ещё спали.

Суматошные крики людей, гвалт домашней птицы, визг поросят, лай собак неслись от края до края деревни, пронзая утреннюю тишину и эхом отзываясь в густом лесу. Вскоре вся деревня была уже на ногах. Кто-то бросился спасать свой скарб, кто-то скотину, а кто-то свою жизнь, решив укрыться в лесу. Но деревня была уже полностью оцеплена. Прозвучали первые выстрелы, и люди вынуждены были вернуться назад.

Жителей собрали в центре деревни на зелёной полянке у сельского совета. Выставили охрану. На крыльцо поднялся высокий худой офицер. Рядом прыгал маленький плюгавый мужичишка – переводчик из русских.

Офицер через переводчика сообщил, что в соседнем селе Сергеевке прошедшей ночью партизаны напали на ночной санаторий для немецких пилотов с Сечинского аэродрома. Погибли опытные асы, крылатые любимцы фюрера. Сожжено здание санатория, уничтожено имущество. «Нам стало известно, что бандитам помогли жители вашей деревни. Партизаны изучили подступы к санаторию, охрану и вооружение, расположение постов, размещение помещений, наличие отдыхающих. Это значит, что они долгое время вели наблюдение за объектом, а пособниками у них были местные жители», – заключил офицер. И предложил выдать тех,

кто поддерживал связь с партизанами, их родственников, а также коммунистов и комсомольцев. За достоверную информацию офицер пообещал большую премию от немецкого командования и хорошей паёк.

– Даю на размышление не более пяти минут. Если не будут выданы сообщники бандитов, все жители будут расстреляны, а деревня сожжена.

– Как же, так и выдали тебе, чёртов хлыщ, сообщников. Мы все сообщники в борьбе против вас, оккупантов, – пробурчал в толпе старик Артём Трофимов.

Но тут из передней шеренги шагнул вперёд горбун Егор Шугуров, бухгалтер сельсовета:

– Здесь, среди нас, учительница Машка Елизарова, – кивнул он на толпу. – Её отец, Константин Елизаров, – партизанский комиссар. Вот и пусть она отвечает...

Толпа зашикала на предателя. Офицер вытащил пистолет из кобуры, выстрелил в воздух и нервно крикнул:

– Ахтунг! Кто есть Машка Елизарова?

Горбун показал в середину толпы, где, втянув голову в худенькие плечи, стояла стройная русоволосая девушка с косой до пояса. Солдаты бросились к ней и вытолкнули вперёд прикладами автоматов.

– Ты есть дочь комиссара? – ткнул пальцем в грудь девушки офицер.

– Я не знаю, где мой отец. Возможно, он воюет на фронте, – робко ответила Маша. – В деревню он не приходил...

– Арестовать и отправить в комендатуру! – дал команду офицер.

В это время из шеренги вышел дед Артём. Он пристально вгляделся в своих земляков. На их лицах была печать страданий и горя.

– Отпустите учительницу. Партизаны приходили ко мне, – он с ненавистью глянул на горбуна и сквозь зубы произнёс: – Как же ты теперь жить думаешь, иуда?

Два рослых эсэсовца подхватили старика под руки, потащили к машине. Туда же направился офицер. Следом бросились солдаты. Они быстро заполнили автомобили, и колонна из трёх грузовиков, грозно урча, двинулась в сторону Загорья.

А наутро следующего дня эсэсовцы вновь нагрянули в деревню. Вновь стоял шум, визг, звучали выстрелы, слышались тревожные крики, раздавался плач детей и женщин. На той же полянке у сельсовета офицер-хлыщ через переводчика объявил поникшим людям:

– Вчера вечером был убит Егор Шугуров, который верно служил новой власти. Это дело рук тех, кто связан с партизанами. Мы намерены уничтожить деревню, если не будут выданы их сообщники.

Люди замерли. Притихли даже малые дети. Вокруг стояла тревожная, насторожённая тишина. И только могучие сосны чуть слышно шептались меж собой о том, что не в силах помочь людям, защитить их, спасти от беды. Неожиданно из толпы решительно шагнул вперёд крепкий парень в стёганке, перепоюсанной широким ремнём, и громко сказал:

– Это я его убил. Таким не место среди людей.

Это был внук деда Артёма и друг Маши Елизаровой – Павел Трофимов. Вечером он возвращался с товарищами из разведки и заглянул в Несоново. Узнав о том, что его подругу и деда схватили гитлеровцы по доносу горбуна, Павел решил наказать предателя. Павел вытащил его из погребца, где тот спрятался на ночь, и предложил следовать в партизанский отряд. Горбун упирался. И тогда Павел отвёл его в лог за околицу и дал по нему очередь. Жители деревни, узнав об этом, в один голос заявили: «Собаке – собачья смерть». Павел заночевал в деревне. Он не знал, что сын горбуна Сенька тайком сбежал к немцам и сообщил им, что отец расстрелян партизанами.

К Павлу бросились гитлеровцы, заломили руки, прикладами автоматов затолкали в кузов машины.

– Он будет казнён на виду у всей деревни, но только после того, как назовёт сообщников и тех, кто помогает партизанам. И такая участь постигнет каждого, кто выступит против нового порядка, против преданных нам людей, – выкрикнул хлыщ.

Переводчик едва успевал переводить, непрестанно вытирая платком пот с одутловатого лица.

Когда колонна двинулась в путь, кто-то в толпе тяжело вздохнул:

– Жаль, партизаны не знают, что фашисты повадились в лес. Они бы встретили их и проводили с почестями.

Но вскоре жители деревни услышали выстрелы. Надеждой и радостью засветились их лица. Это шёл бой у реки Навли, на полпути к Загорью.

Командир партизанского отряда, обеспокоенный тем, что разведчик Трофимов не вернулся с боевого задания, ломал голову: «Что случилось?» На рассвете он послал связного в Несоново. Тот возвратился и сообщил о последних событиях в лесной дерев-

не. И тогда командование отряда приняло решение устроить засаду на колонну гитлеровцев у моста через Навлю.

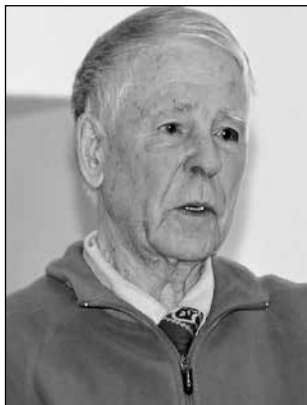
Бой был недолгим. Пользуясь внезапностью, партизаны окружили и уничтожили небольшой отряд противника, захватили вооружение и технику. Воодушевлённый успехом, командир предложил продолжить операцию: напасть на комендатуру в Загорье и освободить заложников. Партизаны переоделись в немецкую форму, пересели на немецкие автомашины и мотоциклы и двинулись в посёлок.

Операция прошла удачно. Гарнизон гитлеровцев в Загорье был практически полностью уничтожен. Но и партизаны понесли потери. Несколько человек погибло. При штурме комендатуры получил тяжёлое ранение разведчик Павел Трофимов. На обратном пути он скончался и был похоронен у лесной дороги, неподалеку от Навли.

Марию Елизарову враги расстрелять не успели. Но пытки, избиения и издевательства не прошли для неё даром. А главное, она потеряла любимого человека, который сделал всё, чтобы спасти её. И это явилось для неё глубокой, незаживающей душевной раной на всю жизнь.

Молодость и время вернули ей силы. После войны она вновь занялась любимым делом – продолжила учить грамоте деревенских ребятишек. Эта женщина светлой красоты и пленительного нрава замуж так и не вышла. Одни считали, что Мария не встретила парня, похожего на Павла, другие – что она хранила ему верность.

Прожила Мария Константиновна недолгую, но содержательную жизнь, воспитала немало замечательных учеников. И всю жизнь она была верна любимому, свято хранила память о нём, ухаживала за его могилой и, умирая, завещала похоронить её рядом с Павлом, у лесной дороги. Благодарные ученики выполнили её наказ. И теперь на обелиске их имена рядом: Трофимов Павел Алексеевич и Елизарова Мария Константиновна.

Юркевич Игорь Владимирович

Родился в 1932 году в городе Челябинске.

Трудовой педагогический стаж – 57 лет. Отличник народного образования, ветеран спорта, инвалид II группы, репрессированный.

В 1955 году окончил университет города Свердловска.

В 1961 году вернулся в город Чермоз Пермской области.

Работал учителем истории, завучем, директором, организатором спорта. Его ученики не-

однократно становились победителями и призёрами областных и всероссийских соревнований по настольному теннису.

В 2010 году Фонд В. В. Путина признал его лучшим детским тренером Пермского края.

С 1994 года на пенсии. Занимается литературной деятельностью.

Главные темы творчества – человек и природа, история и человек.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Посвящается Герою Советского Союза
Виктору Егоровичу Еришову

Июнь 1944-го, Белорусский фронт. У деревушки, что протянулась вдоль Минского шоссе, в берёзовой роще стоят семь танков Т-34. Офицеры второго батальона совещаются в крайней хате:

– Без начальства можно расслабиться, заняться собой, – Михаил Тиунов снял сапоги, портянки повесил посушить на изгородь и улёгся в тени старой яблони.

Четвёртый месяц молодой солдат Тиунов гонит немца на запад. Товарищи у него опытные, закалённые войной. Капитан Иван Сергеевич Ползунов принял первый бой под Москвой в 1941 году, сержант Алексей Сорокин – под Сталинградом. Михаил прямиком из учебки влился в гвардейский экипаж.

К Мише подошёл сержант Сорокин:

– Надо танк осмотреть основательно: и ходовую часть, и моторы. Командир вернётся с совещания, и сразу в бой.

За работой не заметили, как появился капитан Ползунов.

– Выступаем ночью в 12.30 вместе с экипажем старшего лейтенанта Балашова. Уточню задачу: мы первые, балашовцы за нами. Штурмуем мост, прорываемся на немецкий берег, а там начинаем рейд по тылам врага! Мост, возможно, заминирован. Поэтому скорость и ещё раз скорость, чтобы фрицы не успели мост взорвать. Ну и наглость нам не помешает. На том берегу наши ориентиры: штаб, укрепления в деревне Дубки, лагерь военнопленных.

Вечер сменила ночь. На реку опустился туман. Где-то в полночь заморосил мелкий грибной дождь, тёплый и благодатный. Тёмные тучи обложили небо: ни луны, ни ярких звёзд.

– Ночка как по заказу, – заметил капитан.

Оба танка на тихом ходу двинулись к мосту. Внезапно в небе вспыхнули три ракеты. Со стороны моста забухали миномёты.

– Зашевелились гады, – прошептал Сорокин.

Вдруг за ними вспыхнул огромный яркий факел.

– Балашовцы горят! – закричал капитан. – Алёша, газуй! Миша, пушку к бою!

Танк влетел на мост, подмял на ходу две пушки. Свернул на улицу на окраине города.

– Заезжай в огород, – приказал Ползунов, – и глуши мотор. Надо осмотреться и провести разведку. Михаил, выбирайся через десантный люк, постучись в ближайший дом, узнай, как проехать к штабу.

Боец выбрался из танка и подкрался к небольшому деревянному дому с двумя окнами. «Глубокая ночь, хозяева спят или притаились», – подумал Михаил. Он постучал в ставень окна. Голос из глубины дома спросил:

– Что надо?

– Откройте, свои!

– Кто это, свои? У нас все дома.

– Советские солдаты мы, прорвались с того берега.

Молчание. Затем дверь скрипнула, и из сеней выглянула девушка лет шестнадцати.

– Проходите!

– Давайте поговорим здесь. Объясните, как проехать к немецкому штабу.

- Штаб, четыре квартала вглубь города по нашей улице.
- Спасибо, – поблагодарил Михаил и пошёл к танку.
- Удачи вам! – услышал он вдогонку.
- Доложи, что узнал! – потребовал капитан у Тиунова.

Михаил кратко передал содержание разговора с девушкой.

- Под покровом ночи сначала разнесём этот чёртов штаб, а затем в Дубки.

Танк быстро двинулся с места и помчался по улице. Большой двухэтажный дом темнел огромными окнами. Где-то в подвале из окна струился свет. Двое часовых с автоматами сидели на скамье у ворот.

- Пулемётом по гадам! – крикнул Ползунов. – Снаряды беречь!

Миша прямой наводкой бил из пулемётов по окнам. В доме раздавались крики, стоны, началась паника, в комнатах на втором этаже вспыхнул пожар.

- Хватит! – приказал Ползунов. – Уходим в Дубки.

Танк пересёк две улицы, вышел к реке, медленно прополз сквозь ржаное поле и выехал на дорогу.

- Вот и первая встреча! – сказал Ползунов. – Сволочи! Они нас выследили и поджидали.

Слева угрожали два «Фердинанда», справа – артбатарея. Первой ударила немецкая самоходка.

- Уходим влево!

Танк резко рванулся в сторону и остановился. Сильный удар по башне – снаряд прошёл под острым углом. Запахло гарью.

- Все живы? – заорал Ползунов, стремясь преодолеть шум и звон в ушах.

- Ещё повоюем! – ответил Миша.

Сорокин наклонился влево, губы его что-то шептали. Ползунов, оттолкнув Сорокина, взял управление на себя.

- Мишка, бей по «Фердинанду»!

После пятиминутного боя самоходка замолкла, вторая, загоревшись, свалилась в овраг.

- Конец фрицам! Иду на батарею!

Разрозненные пушечные удары прошли мимо. Танк на сумасшедшей скорости ворвался на батарею, давая пушки, отсекая пехоту от окопов.

- Всё, капут фрицам! На время ухожу в ближний овраг!

Заглушив моторы, капитан спросил у Сорокина:

– Алёша, ты как?

– Сильно контузило, в ушах звенит, а так ничего не задело.

– Правильно! Помирать нам ещё рановато! Слушайте внимательно. На окраине деревни Дубки дзоты. Их уничтожить! Затем через всю деревню – там вторая батарея на холме, подавить все огневые точки! Если живы будем и на ходу, возвратимся к мосту и поддержим наступление наших. Если меня убьют, командовать будет Сорокин.

К Дубкам подошли оврагами. Пять дзотов опоясали южную околицу деревни.

– Хорошо разместились, – рассматривая позиции врага в бинокль, сказал Ползунов, – низиной проберёмся в деревню, затем огородами, переулками поднимемся на высокие холмы и оттуда атакуем дзоты с тыла. Со стороны деревни они нас не ожидают. Сорокин, за руль! Двинули!

Поднялись на холм и обрушились на дзоты.

– Миша, бей прицельно! Алёша, дави дзоты, прокрутись на месте, громи фашистов.

Скоротечный бой закончился разгромом немецких военных укреплений. Три дзота танк вдавил в землю, остальные охватил огонь.

– Всё! Теперь марш-бросок на вторую батарею.

– Впереди танки! – закричал Сорокин.

Ползунов мгновенно оценил новую обстановку, пересчитал танки: один, два, три... Они грозно выползали из двух переулков деревни.

– К бою! – прозвучала команда. – Миша, бей по ближнему танку!

Бой сразу сложился не в пользу гвардейского экипажа. Мощные взрывы немецких снарядов сотрясали воздух и землю. Вот один немецкий танк загорелся от точного попадания и утянулся к берегу, оставляя за собой шлейф чёрного дыма. Второй танк зашёл слева и ударил из пушки. Страшный взрыв потряс Т-34, танк затрясло, он покачнулся вправо, гусеница с правой стороны отвалилась. Ползунов вскрикнул и замолчал.

– Ваня, что с тобой? – бросился к нему Сорокин.

Изо рта капитана медленно сочилась алая струйка крови.

– Всё, конец, – выдохнул командир.

Снова танк потряс страшный удар немецкого снаряда. Из огромной пробоины потянуло гарью, яркие языки огня лизали броню,

в машине поднялась невыносимая жара. Комбинезоны танкистов стали дымиться и тлеть.

– Миша, тащи командира в люк! Уходим!

Они спустились на дно танка, с большим трудом выползли наружу. Тиунов с командиром, Сорокин с автоматами и связкой гранат.

– Тащи командира к сараю! Я задержу танк!

Страшная громада надвигалась на Сорокина. Алексей схватил связку гранат и бросился под танк. Мощный взрыв остановил машину, она закрутилась на месте, яркое пламя запылало на башне танка.

– Прощай, Алёша, – прошептал запёкшимися губами Миша. – Ты умер как герой.

«Алёша не струсил, и я смогу», – подумал Тиунов. Он прижался всем телом к земле, сжимая в правой руке связку гранат. До танка пятнадцать, десять, пять метров... Пора! Гранаты полетели в танк, оранжевая вспышка ослепила молодого бойца, и он провалился в тёмную бездонную пропасть.

Солонова Галина Алексеевна

Родилась в 1948 году в деревне Добрунь Брянской области.

После окончания Новозыбковского государственного пединститута работала в системе народного образования на разных должностях.

Писать рассказы начала пять лет назад. Автор пяти сборников рассказов.

Член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств». Проживает в городе Сельцо Брянской области.

АФГАНСКИЙ ПУТЬ РЯДОВОГО КОНОХОВА**Рассказ-очерк**

Тысяча девятьсот восемьдесят третий год. Брянск, подмосковное Алабино, Душанбе, Термез (Узбекистан) ... Летели самолётами, ехали поездами – таков был маршрут рядового срочной службы Владимира Конохова в армейский учебный центр. Три месяца учили маршировать, бегать, стрелять. Десять солдат-срочников знали, что готовят их к отправке в Афганистан. Все десять новобранцев разных национальностей по-мальчишески держались вместе и с усердием постигали военную науку.

Однажды в первый месяц обучения командир взвода на утреннем построении скомандовал:

– Рядовой Конохов, шаг вперёд!

«Почему персонально?» – смутился Владимир, но виду не подал и вышел из строя по всей военной выправке.

– Молодец! – похвалил командир. – Отлично знаешь устройство автомата и лучше всех стреляешь! Где научился?

– В школе, на уроках НВП! – по-военному чётко ответил Владимир.

– Фамилия учителя?

– Никанчик Павел Никифорович!

– Вернёшься домой, передай ему от меня благодарность!

– Так точно!

***

Город Кундуз на севере Афганистана из-за географической близости к границам Советского Союза имел важное стратегическое значение. Сюда, в полк, самолётом были переправлены все десять человек, что находились в учебке.

– Хорошо бы здесь служить, – сказал ребятам Рустам.

– Мне кажется, что наш путь к месту службы ещё не закончен, – ответил Володя.

Так и случилось: через три дня отделение в десять человек на вертолёте отправили в город Тулукан, где располагался танковый батальон. Здесь офицерами служили два земляка Володи.

– Есть возможность служить при штабе в Тулукане. Оставайся, – предложили они при встрече.

– Не могу, совесть не позволяет: сроднились мы с ребятами за три месяца. Теснятся они вокруг меня. Пусть знают, что существует воинское братство, – таков был Володин ответ...

На охрану бетонного моста, который находился между Тулуканом и Ханобадам, отправили ребят на танке. Взвод танкистов и взвод мотострелков располагались у самого моста в землянках. Прибывшие десять новобранцев сменили демобилизованных солдат.

Начало лета в Афганистане – это июнь. Он несёт зной, сухость, пыль, песок и сто двадцать дней ветра. Активность комаров особенно после захода солнца была ещё одной неприятностью и риском заразиться малярией.

У моста протяжённостью более двухсот метров с обеих сторон стояли два танка, с противоположной стороны – две машины БМП. И у танкистов, и у мотострелков смена караула проходила через каждые четыре часа.

Служба требовала от солдат крепкой физической закалки, моральной устойчивости, боевой готовности, находчивости в любой ситуации. Всеми этими качествами обладал рядовой Владимир Конохов. За это и ещё за чуткость ценил его молодой замполит Виктор Большов. Сам он был родом из Воронежа. Отслуживший срочную службу, окончивший военное училище, честный, справедливый, преданный своему делу, ценивший каждого солдата – за что и заслужил он огромное уважение подчинённых.

Мотострелки первый раз встречали колонну из сорока двух машин, гружённых боеприпасами, топливом, продовольствием. Через зелёную долину (солдаты называли её «зелёнкой») между

сопками и горами шла дорога, по которой двигалась колонна. Хоть и были в долине и на сопках охранные посты, но путь был очень опасен. Душманы прятались в горах, из гранатомётов нередко обстреливали машины, пробирались на дорогу и минировали её.

– Что-то волнуюсь я, – поделился с ребятами своими чувствами Рустам. – А если «духи» (так солдаты называли меж собой душманов, моджахедов) начнут стрелять? Как убивать в ответ живых людей?

– Ты должен помнить, что душманы – это наши враги. Они не жалеют наших парней и афганских друзей! – уверенно отвечал Владимир и более мягко добавил: – Будь рядом со мной, Рустам.

На этот раз колонна благополучно дошла до главного моста и двинулась дальше...

Неуютно было находиться в землянке.

– Ребят, что мы, как кроты, вползаем в низкую землянку! Предлагаю построить более достойное жильё – казарму. Временем располагаем, глина под ногами, вода под мостом.

Строительством, конечно, руководил Володя. Из ящиков, в которых доставляли снаряды, соорудили просторный каркас. Обмазали его толстым слоем глины вперемешку с соломой. Казарма получилась крепче кирпичной – пуленепробиваемой. Новые дощатые настилы для спанья тоже стали маленькой радостью...

Начало осени, а летняя жара всё ещё властвовала и приносила одни неприятности. Дагестанец Анвар заболел – не смог идти на пост. Доложили замполиту, который в связи с нехваткой служащих исполнял также обязанности командира взвода. Анвар жаловался на озноб, мышечную и головную боль. Командир приложил руку к вспотевшему лбу, щекам. Кожа на ощупь была то холодной, то горячей.

– Похоже, малярия, – печально сообщил ребятам командир Большов. – Срочно отправляю Анвара в госпиталь. А ты, Конохов, организуй дезинфекцию казармы.

Анвар печальным взглядом обвёл товарищей и с чувством вины тихо произнёс:

– Простите меня, ребята.

В отделении мотострелкового взвода теперь служили девять человек: взамен Анвара никого не прислали...

Война. Смерть на войне неизбежна. Прежде чем пройти колонне машин, дорогу проверяли сапёры со щупами – освобождали от мин. В то время Владимир был на посту. Солнце вот-вот долж-

но было спрятаться за горы. В полукилометре от моста услышал взрыв мины и тут же автоматные очереди. Володя напрягся, крепче сжал свой автомат. Он знал, что в это время должны были вернуться сапёры из танкового взвода. Вернулись, но не все: двое ребят погибли...

Середина ноября. Подступила зима. Она холодная и с ветром, от которого не спасал даже бушлат. Сидели в своей казарме и радовались, что есть где спрятаться от непогоды, благодарили Владимира за смекалку, шутили, мечтали о том, как будут жить после службы в армии. На боевой пост собирались Рустам и Виктор. Володя заметил, что Рустам какой-то неразговорчивый, бледный.

– Солдатский анекдот на дорожку, – весело предложил Владимир. – Капитан приходит к ротному. «Товарищ капитан, я принёс рапорт на отпуск». – «Поставь его на стол!»

Все засмеялись, а Рустам едва улыбнулся.

Ночь накрыла всё вокруг. Ребятам, оставшимся в казарме, уже хотелось спать, но не пришлось. Раздалась автоматная очередь, одна, другая. Выскочили из казармы, начали стрелять в ту сторону, откуда неслась стрельба. С противоположной стороны моста танкисты тоже вступили в автоматную перепалку с душманами. Минут через пятнадцать всё стихло. Владимир вскочил в БМП... Товарища, с которым начинали срочную службу, не стало. Володя бережно вытащил из машины Рустама с простреленной головой. Горечь потери навсегда поселилась в его душе.

Все девять месяцев в напряжении, в боевой готовности, увидевшие смерть воочию, охраняли ребята мост...

В конце февраля восемь человек отправили в окрестности Кундуза на Сухое русло. Так назывался овраг, где когда-то протекала река. Вода высохла, в русле осталось много гальки, за которой приезжали машины. Их нужно было охранять. С обеих сторон оврага стояли кишлаки, огороженные сплошными серыми стенами – дувалами. Кто их знает, этих жителей кишлаков? Друзья они? Или враги, которые при первой возможности стреляют в военных? Палатку поставили так, чтобы она была недоступна для обстрела. Тихо и спокойно не было: из «зелёнки» подбирались душманы поближе к руслу, стреляли по машинам, по солдатам, которые уже ничего не боялись и тоже палили в противника во всю мощь. На случай обстрела пришлось копать окопы глубиной в человеческий рост. Первые полметра грунта копали лопатами, дальше – сухой твёрдый пласт глины, поддавался только

лому. За одну ночь копали окопы протяжённостью в сто метров. Как только сил хватало!

Двухнедельный срок пребывания на Сухом русле закончился. Погрузились в машину, чтобы отправиться в батальон. Радовались: все восемь живы. Покинув расположение, ехали между дувалами по улице, где бегали афганские мальчишки и провожали машину с солдатами непонятными громкими криками. Неожиданно вслед из-за стены начали стрелять. Владимир прицелился и хотел дать ответную автоматную очередь, да взглядом уловил огромные глаза афганского мальчишки, бегущего быстрее всех за машиной. Вспомнил таких же, носящихся по улице своих поселковых мальчишек, среди которых был и его младший брат. Ответной стрельбы не последовало: афганскую ребятню пожалел. Все вздохнули с облегчением, когда отъехали подальше от кишлака. «Обошлось!» – пронеслось в мыслях у Володи, но какая-то тяжесть застряла в груди. Он обвёл взглядом всех ребят и замер: из виска Фёдора стекала к уху алая струйка. Живым Фёдора до батальона не довели...

Это была провинция под названием Южный Баглан. Предстояло охранять сахарный завод. Но служба и здесь «сахарной» не была. Одна из разведок была с горькими смертельными потерями. Машина БМП с разведчиками и танковый экипаж отправились проверить кишлак, жителей которого в батальоне считали мирными и дружелюбными. Не успела машина переехать через мостик маленькой речушки за кишлаком, как из-за дувалов раздалась автоматная очередь. Из гранатомёта обстреляли БМП. Машина взорвалась вместе с разведчиками. Молодой неопытный механик, что вёл следом танк, растерялся и не справился с управлением: танк свалился с мостика на бок.

По тревоге подняли полк. Кишлак окружили. Душманы притаились где-то за дувалами. Мотострелковый взвод на машине отправили к месту взорванной БМП и лежащему на боку танку. Машина мотострелков остановилась. Командир Большов, едва спрыгнув с машины, неожиданно был прошит автоматной очередью. Солдаты не растерялись и тут же ответили автоматным и миномётным огнём. Бой был жестоким. Душманы стреляли из автоматов, бросали гранаты, зажжённые тряпки – пытались взорвать или сжечь прибывшую машину пулемёта. Ожесточившись, рядовой Конохов строчил из пулемёта так, что многим «духам» досталось немало. Наконец стрельба утихла: солдаты из полка окончательно ликвидировали нападавших.

Склонили ребята головы над телами погибших. Остановились сердца любимца солдат замполита и командира взвода Виктора Большова, рядовых, товарищей со времён учебки: Андрея, балагура и весельчака, стрелка-наводчика Николая, голубоглазого красавца. Глаза Владимира увлажнились. «К чему, зачем эта смерть?!» – грызли тяжёлые мысли Володино сердце.

Пятеро, всего пятеро солдат из десяти, начинавших служить вместе, осталось в отделении. Душа разрывалась от горечи за погибших и раненых товарищей, требовала мщения.

Отделение пополнилось новыми солдатами и командиром. Собрались в разведку.

– Рядовой Конохов, вы с пулемётом (если в разведку, Владимиру всегда выдавали пулемёт), остальные с автоматами, – распорядился командир.

Чуть стемнело, вышли на тропинку зелёной долины и... нос к носу столкнулись с идущими навстречу «духами». Близкого боя те боялись, развернулись и, отстреливаясь, стали убежать. Из пулемёта Владимир строчил с особой злостью вслед и по сторонам, в «зелёнку». «За погибших, за раненых наших товарищей! Вот вам! Вот вам!» – громко, будто стих, декламировал он эти слова. В это время командир успел поставить в незаметном месте пару мин (маленькие, пластмассовые – пятьдесят граммов тротила), остальные ребята по его приказу отходили. Не успели дойти до места расположения, минка уже сработала: кто-то из «духов» наступил на неё. «Так вам и надо!» – будто молния, пронеслась в сознании Владимира жестокая мысль...

Смерть бывает ещё и глупой, очень глупой! В марте был издан приказ об увольнении солдат, отслуживших свой срок в армии. Но замена из новобранцев не приходила: их просто не хватало. Службу по охране сахарного завода пришлось продолжать...

С прибывшей очередной колонной машин привезли почту. Во дворе на площадке завода раздавали служащим письма. Ощувив в руках голубой конвертик, солдаты радостно расходились по сторонам. Последнее письмо вручили Миколу.

– Рад за тебя, Микола! А мне всё ещё пишут, – грустно пошутил Владимир и отошёл в сторону.

Микола один остался стоять в центре двора. Он почему-то не радовался. Дрожжащими руками открыл конверт. Стал читать, его лицо становилось всё мрачнее. Наконец, поднял голову, оглянувшись вокруг – никого рядом не было, мгновенно, выхватив из сумки одну из двух

гранат (все, кто охранял сахарный завод, носили при себе по две гранаты), бросил себе под ноги и упал на неё...

Владимир подбежал к сослуживцу, перевернул его навзничь. Широко открытые карие глаза стекленели. Володя осторожно протянул к ним руку и опустил веки. Письмо было от брата, он сообщал, что невеста Миколы вышла замуж за другого...

Начало августа... Наконец-то четверо из тех десяти ребят, которые начинали службу в учебном центре, возвращались домой. На «КамАЗе» их привезли в полк, который стоял в Кундузе, оттуда на вертолёте летели до советско-афганской границы. Пройдя таможенный контроль, пешком отправились на железнодорожный вокзал. Афганский путь Владимира Конохова был закончен. Интернациональный долг он выполнил с честью. На груди красуется орден Красной Звезды...

Сейчас Владимиру Викторовичу Конохову пятьдесят. Он часто вспоминает свой афганский путь и ребят, которым не суждено было живыми вернуться домой. Владимир Викторович надеется, что опыт живых и погибших в Афгане пригодится будущему поколению. И если, не дай Бог, Родина окажется в опасности, не задумываясь, он встанет на защиту, потребуется жизнь – отдаст и её.

Бирюлина Юлия Александровна

Родилась 17 февраля 1994 года в городе Вольске.

Впервые проявила себя как автор на конкурсе чтецов.

Окончила Вольский педагогический колледж с отличием.

Мечта всей жизни – стать известным автором произведений для детской аудитории.

ФРОНТОВОЙ КОТ

Полночь. Не идёт наш Васька. Халтурщик. То не прогнать, мешается, ходит под ногами, об автомат трётся, то глядишь, уже сапог грызёт. Оно и понятно, со страху-то, наверное, все мыши посбегали, понимают – война. А голод никуда не деть.

– Петька, иди встречай бойца нашего мохнатого, потом письмо допишешь, – сказал лейтенант.

– Явился, а грязный-то какой? Ладно, иди, я тебе немного похлёбки оставил, сегодня на дежурство вместе выходим, – произнёс Петька.

Неправильно начал рассказ. Подумаете, кто это такой – мохнатый боец? Да кот это, кот! Я как приехал в деревню по приказу Главкомандующего, зашёл в штаб, а он там бегает, маленький, серый, мамку его только наш старший сержант помнит, ушла, говорит, и не вернулась. Как и многие в те годы. На чём я остановился? Ах да, кот наш фронтовой мне сначала не понравился, самим есть нечего, ну куда его держать? Зачем? В самые драгоценные часы отдыха носился как угорелый по избе, то муху гонял, то уголёк какой, выпавший с печки, найдёт.

– Ты перестанешь или нет? Чего ты веселишься? Война, понимаешь, война! – кричал ему я.

А что толку на него кричать. Он сядет и смотрит. Как будто понимает! Но это только минуту, потом либо спать идёт, либо сапоги грызть – я уже говорил, любимое занятие. Когда снаряды были слышны рядом, прятался почему-то именно под мою койку. Нашёл к кому лезть, шёл

бы вон к старшему сержанту, его идея тебя оставить была, спаситель так сказать, добрая душа. В общем, месяца два точно к нему привыкал, даже не помню, как так сдружились, сейчас уже год как не разлей вода, еду пополам делим, правда мыши, которых он поначалу приносил, всё-таки решили, что ему доставаться будут. Сегодня ждал его особенно долго, где можно так долго шастать, ну ничего не боится.

– Васька, пойдём. Сегодня мы на пост заступаем, будем следить за солдатами и новостей ждать. Уже полчаса назад заступить должны были, – недовольно произнёс Петька.

Васька облизнулся и спокойно пошёл следом. Может, правда понимает, о чем ему говорят?

Ночь выдалась звёздная, тёплая, вместе с тремя дежурными солдатами и Васькой охраняли сон других ребят, скоро их отправят в боевую точку, пусть отдыхают, кто знает, что там им судьба уготовила. Наш штаб был с особо ценными бумагами и распоряжениями, здесь строились грандиозные планы по распределению силы для борьбы с фашизмом. В этом штабе я сменил старшего сержанта, ходили слухи, что в скором времени назначат командующим штаба особо секретных бумаг. Что сказать, без Васьки бы не справился. Настроение он мне поднимает и боевой дух. Ходит, как генерал, – такой важный, усы торчат в разные стороны, шёрстка набивная. Четвероногий – самый важный генерал.

Сидели мы с ним под этим звёздным небом и беседовали, ну как беседовали: я говорил, а Васька... а Васька слушает да ест!

– Эх, Васька, через полгода уже 4-й год пойдёт, как воюем, матушка как там без меня одна. Ты не думай, я тебя с собой заберу обязательно, старость вместе встречать будем, куда я без тебя теперь.

Я тогда ещё не знал, что это последний день с моим Васькой. Не знал, что вражеский отряд всё-таки застанет нас врасплох ночью, когда мы так же с Васькой будем сидеть у костра. Не знал и не думал, что после такого я вообще жив останусь. Мне потом рассказывали, как меня контузило снарядом, как в госпитале я пролежал 5 месяцев. Но знаете, каким был первый мой вопрос навестившему меня товарищу после того, как я окончательно пришёл в себя? А где мой Васька?

«А Васька... а Васька не смог, не выжил».

Победу я встречал без него, конечно, со слезами на глазах. Домой вернулся, матушка дождалась. Сейчас мне 72, у меня трое детей и пятеро внучат, много лет с тех пор прошло, но я до сих пор храню воспоминания о моём мохнатом друге, храню воспоминания и обкусанные сапоги.

Захарова Вероника Николаевна

Родилась в городе Снежинске Челябинской области в 1968 году. Окончила Челябинский институт культуры, библиотекарь. С 1989 года по сей день работает в научно-технической библиотеке ФГУП РФЯЦ-ВНИИТФ им. Е. Н. Забабахина.

С марта 2015 года – член Союза писателей России, публикуется под псевдонимом Вероника Черных. Пишет стихи, рассказы, сказки и повести для детей и взрослых.

НЕ ПЛАЧЬ, ГЛАФИРА

Сегодня подружка Глафиры Никифоровны Валечка приболела и сказала ей по телефону: «Всё, ноги совсем не ходят, опухли, стали, как слоновьи, а помнишь, Глашенька, какие у меня были ножки? Стройные, ловкие, как умели отбивать русские топотушки, кружиться в вальсе, фокстроте, помнишь, подружка?.. Да вот ещё простудилась что-то, голова свинцом налита, словно контуженная...

...Как зимой сорок пятого снаряд рядом жажнул, а? Ничего не слышала цельных два месяца. Нынче тоже ничего не слышу, ежели слуховой аппарат к уху не придумаю. Надо новый купить, а болею, до магазина не дойти... Ладно, пенсия большая, можно не выбирать, какое лекарство прежде купить, которое – потом. Старая я глухня, обезноженная, седая бабка... Где та девчонка Валюшка? А ты, Глашенька, разве думала, что старость такая горькая?.. Ты, Глаш, когда в последний раз сыновей видала с внуками? Я лично – когда мне пенсию прибавили. Прибежала дочка, принялась жаловаться на бедность и деньги выпрашивать. А чем бы мне, старухе, помочь – про то не спросила...»

Глафира Никифоровна положила трубку и взяла вязанье: шерстяные носки для Валюшки на её день рождения. В квартире тишина, только ходики бодро тикают да с улицы слышны ребячьи голоса.

От деликатного, но уверенного стука в дверь старушка вздрогнула. Батюшки, кто бы это мог быть? Глафира Никифоровна отложила пушистое вязанье и отправилась открывать.

– Кто там? – громко спросила она у запертой двери.

Запертая дверь с энтузиазмом отозвалась молодым мужским голосом:

– Я лейтенант областного военкомата Андрей Сергеевич Хлобастов, вот моё удостоверение. Я насчёт льгот участникам Великой Отечественной войны в приобретении машины «Ока». Подошла Ваша очередь на её получение. Глафира Никифоровна, Вам это интересно?

Пауза. Наконец, прошелестел нерешительный старческий голосок:

– Ну заходите, Андрей Сергеевич.

Дверь открылась и показала визитёру низенькую худощавую старушку с гладкозачёсанными белыми волосами, собранными на затылке в шишечку, с ясными чёрными глазами и чётко очерченными бровями на маленьком морщинистом личике. Она пропустила Андрея в прихожую и заперла за ним дверь.

– Присаживайтесь, – сказала она и приветливо улыбнулась: – Так что Вы тут говорили?

Андрей с готовностью повторил то, что сообщил ей, стоя на лестничной клетке, и добавил, раскладывая на журнальном столике чистые бланки:

– Для того чтобы получить машину, Вам нужно в течение получаса явиться в военкомат с документами и деньгами на полис обязательного страхования автогражданской ответственности – без него машину не выдают.

– В течение получаса? – охнула Глафира Никифоровна.

– Да. Иначе «Ока» уйдёт к другому очереднику. Полис стоит всего одиннадцать тысяч рублей. Недорого – в сравнении со стоимостью машины.

– Да я не знаю, зачем мне перед смертью машина, – озадаченно проговорила Глафира Никифоровна. – На военные парады ездить или к подругам? Так я и ездить разучилась: за рулём лишь в войну сживала, а потом не до того стало.

– Вы сможете её внукам завещать или продать и обеспечить себе роскошное будущее, – соблазнял Андрей, – или Вам деньги не нужны?

– Как не нужны, – вздохнула Глафира Никифоровна.

– Тогда это неплохой шанс их получить! – мягко улыбнулся Андрей. – Сто восемнадцать тысяч – разве не достойная прибавка к пенсии?

– Ух ты... – ошеломлённо выдохнула Глафира Никифоровна. – Сколько-сколько?

– Сто восемнадцать тысяч, если вы поторопитесь, – ответил Андрей, демонстративно поглядывая на часы, а потом – в окно.

Ну, милая старушка, о чём задумалась?

– Глафира Никифоровна, – нервно позвал Андрей, – Вы решились?

– Ох, милый, – вздохнула та, – уж и не знаю, что тут делать. Вроде бы хорошее дело... Ну что ж, давай, оформляй.

– Прекрасно! – воскликнул Андрей и быстро начал заполнять бланки: – Деньги на полис обязательного страхования автогражданской ответственности – одиннадцать тысяч рублей – можете спокойно передать мне, так быстрее и надёжнее. А я сегодня же привезу вам готовые документы на машину.

Глафира Никифоровна помедлила, смущённая суммой, а потом засуетилась, захлопала руками по бёдрам, запричитала:

– Как много-то! Всю пенсию что ли отдавать?

– Это обязательный взнос, – мягко заметил Андрей, – все платят.

– Ну ладно, я как раз недавно получила и потратить-то не успела. Ты уж, Андрюша, оформляй, а я пойду, деньги достану да Валюничку позвоню.

– Зачем это? – подозрительно вскинулся Андрей.

– Похвастаюсь приобретением, скажу, чтоб пирог пекла, – отозвалась старушка, скрываясь на кухне – там у неё стоял телефон.

Вместо того чтобы поднять трубку и набрать номер Валентины Афанасьевны, Глафира Никифоровна открыла дверь кухонного шкафа, засунула руку куда-то вглубь кастрюль и мисок и вытащила из посудных глубин что-то завернутое в промасленную тёмную тряпку. Она положила предмет в карман халата и позвонила – только не подруге, а «ноль два». После двух гудков дежурный мрачно признался:

– Полиция. Дежурный Чариков.

– Сынок, – вполголоса стала объяснять Глафира Никифоровна, – в моей квартире сидит мошенник – охотник до чужих пенсий. Минут десять я его ещё продержу, а потом вряд ли. Назвался он Андреем Сергеевичем Хлобастовым.

– Хлобастов? – оживился дежурный. – Знакомый овощ. Ваш адрес?

– Заленского, 21-9.

– Выезжаем, – уверил Чариков и положил трубку.

В груди Андрея, как только пенсионерка скрылась на кухне, зашевелился червячок, предупреждающий об опасности. Выждав минутку, Андрей подкрался к кухне. То, что он уловил из телефонного разговора, привело его в ужас и бешенство. Он раскрыт! Как?! Кем?! На цыпочках он прошёл в прихожую и попытался открыть входную дверь. Та не поддавалась. Паника овладела Андреем, а ещё – злая решимость: «Если что, придушу старуху, чтоб неповадно было полицию вызывать!»

Сзади слышались шаркающие шаги. Андрей сощурил серые глаза, холодные от страха и ярости. Но когда Андрей, нагло оскалившись, повернулся, первое, что он увидел, – твёрдо направленный на него пистолет. Руки у старушки не дрожали. Дуло уставилось молодому человеку прямо в лоб.

– Пистолет заряжен, – сухо предупредила Глафира Никифоровна, – а пуля вылетит точно в цель, поскольку я по субботам занимаюсь в тире. Пройди в комнату, спокойно сядь в кресло, руки перед собой. Не выполнишь или задёргаешься – ухо прострелю.

– Что я сделал?! – взвизгнул Андрей.

– Ты хотел обобрать беззащитного человека и оставить его без гроша, – чётко пояснила Глафира Никифоровна, – ты хуже фашиста. Тот убивал, чтобы завоевать чужую страну, а ты убиваешь своих ради своей лени.

– Я никого не убивал!

– Долго ли? Да и сложно ли будет, когда тебе не хватит пары тыщенок на зубок?

– Чего, чего? – не понял Андрей и скрипнул зубами.

Глафира Никифоровна качнула седой головой в сторону комнаты.

– Ну! – с нешуточной угрозой велела она.

Андрей пробрался в «арестантскую», сел в скрипучее кресло, положил руки на колени. Он ждал, когда старуха опустит «пушку», чтобы броситься на неё и задушить или оглоушить кулаком по голове. Но та, уверенно держа пистолет и не сводя с него ясных чёрных глаз, достала из комода бельевую верёвку и кинула ему.

– Обмотай руки, – приказала она.

– Чего?! Спятила?

Глафира Никифоровна взвела курок.

– Смазан и готов к употреблению, – предупредила она. – И учти: я убила на войне десятки врагов. И отработанный рефлекс никуда не исчез.

Андрей нервно усмехнулся.

– Можешь не верить, – продолжала Глафира Никифоровна, – но я смогу убить тебя одним выстрелом, если ты себя не свяжешь. И ничто доброе во мне не шевельнётся.

Андрей молча, с судорожной торопливостью неумело принялся обматывать себе руки.

– Что ж вы делаете? – жалко заныл он. – Я ж вам не враг. Я вам помочь хотел, – совсем уж тихо и неуверенно пробормотал он.

– Чем это? – насмешливо поинтересовалась Глафира Никифоровна. – Голодовкой что ли? Между прочим, люди не средство для наживы. И не только твоей, – признала она. – Людей надо терпеть и любить, а не измываться.

– Ха, – пискнул Андрей и испуганно заткнулся, натолкнувшись на полыхнувший яростью взгляд.

– Не измываться, представь себе, – повторила Глафира Никифоровна. – И отчего ты такой отсталый?! Ничему доброму тебя не учили что ли?

Андрей угрюмо уставился на сияющее от солнца окно и пробурчал:

– Чего мне нотации читаешь? Права не имеешь.

– Имею, – отреагировала Глафира Никифоровна. – Ты устроил на меня засаду и проиграл. А я выиграла и могу делать с тобой что захочу.

– А что, любить-то уже слабо? – съязвил Андрей. – И ещё там терпеть и понимать?

Ветеран Великой Отечественной войны глубоко вздохнула:

– Любить врага трудно, ты сам-то пробовал? А понимать тебя нечего, весь ты на ладошке, как голый помидор. Лёгкость у тебя в понятиях, вот и всё. Что, не так?

– А что плохого? – огрызнулся Андрей. – Красивой жизни всем охота. И не за лёгкую ли жизнь вы других убивали?

Глафира Никифоровна даже расстроилась:

– Ты, поди, в школе по истории «пару» имел, признайся. Причём тут лёгкая жизнь? Быть живыми и свободными – вот за что сражались. Грабежи да обманы тут не предусматривались.

– А так и получилось, – бросил Андрей.

– Получилось, – грустно признала Глафира Никифоровна, – а почему?

– Понятия не имею, – пожал плечами Андрей.

– От Бога отказались. Вместо Бога – добыча, – тихо сказала Глафира Никифоровна. – На войне все под Богом ходили, без Него никак. Кто-то заменил Бога Сталиным и партией, кто-то – Родиной. А Родина без Бога пуста и беззащитна. Знаешь, как молились, чтоб Россию спасти? Я видела, я знаю. Я молилась перед каждым боем, перед каждой атакой, и винтовка в моей руке стреляла без промаха, а танк шёл как заговорённый.

– Вы – танк водили? – от изумления Андрей забыл, что он под прицелом и в бешенстве.

– А то. Снайпером воевала, танк водила.

Старая танкистка вздохнула.

– Крепкий был танк. В октябре сорок пятого подарили его детскому парку. Внучка говорит, что он и сейчас там стоит. Его недавно перекрасили. А что металлу сделается? Он вечный, если в него снаряд не попадёт. Эх, Андрей... или как там тебя... Туда бы тебя, в танк, да в сорок третий год, в зиму, да на передовую... Уши рвутся от грохота, глаза от жара взрывов чуть не лопаются, руки немеют от усилий танк держать, под гусеницами человеческие тела давятся, земля вперемешку с кровью и мясом. Душа-то отлетела, а тело всё равно жалко: собрать эти куски, опознать невозможно, кого хоронить – непонятно. И нет могилки у семьи, чтоб приходиться на неё, вспоминать родимого и плакать. У самого-то тебя точно деды воевали, да, поди, кто и погиб. Иль не знаешь?

– Знаю, – хмуро ответил Андрей. – Все воевали – и деды, и их братья.

– Живы вернулись?

– Нет.

– А могилки?

– Нету могилки... Только это ж давно было-то!

– Это было сейчас, Андрей. Это остаётся сейчас. Потому что всех нас меньше, чем могло бы быть, потому что мы все несчастней, чем могли бы быть, потому что для нас каждый день в году связан с той войной – прошедшей, но не ушедшей от нас. И в твоём сердце она есть, потому что ты – её внук.

– Меня Игорем зовут, – сказал пленник, – Родионовым.

– Служил у нас Игорь Родионов, – живо откликнулась Глафира Никифоровна. – Высокий сероглазый парень с русыми усами.

Стрелял он метко. А разведчик какой был! Ас! Его разведанные частенько помогали нам в бою.

– У меня отец – Анатолий Игоревич, – с трудом проговорил паренёк.

– На моих руках умер, – глухо всхлипнув, прошептала Глафира Никифоровна. – Живот ему осколком разворотило. Бледный, глазницы во всё лицо, а тело едва не пополам разорвано... В небо глядит – и всё повторяет: «Глаша, Глаша, помолись за меня Господу». Я ему плачу: «Иди с Богом, Игорёша...» Любила я его, да ничего себе не позволяла: женат он был, а жена ребёнка ждала... Плачу я, а Игорёша всё повторяет: «Господи, помилуй, прости, что ухожу, оставляю Твою Россию...» Верующим был очень, а сперва-то пришёл к нам атеистом. В одном селе крестился у батюшки, который чудом уцелел в репрессиях, и не узнать его. Любовь в нём жила к людям, сияла прямо, как летнее солнышко, и все к нему на огонь спешили, разные люди, и никого он без доброго слова, без помощи не оставлял. И кипела в нём такая ярость против врагов! А таких, как ты, он шибко жалел.

– Почему это? – слотнул Игорь.

– Говорил, человек, мол, он хороший, а плохое в нём – грехи, вот грехи его ненавижу, буду с ними сражаться, а самого человека жалко: ведь как ему, мол, тяжело с такими-то грехами жить... Слабые люди всегда жалость вызывают. Игорёша старался им помочь стать сильнее. И знаешь, ему это часто удавалось. У него столько было преданных, любящих друзей, соратников! Солдаты верили ему без оглядки. А он такой простой, открытый, с улыбкой... Натальный крестик он мне однажды на день рождение подарил. Я его как надела, так и не снимала никогда, не смотрела ни на кого, ни на какие угрозы. Сидела одно время за убеждения... Совсем его крестик истёрся, ничего на нём не выдать, а расстаться с ним не могу... Словно Игорёша рядышком... Ох, что-то сердце защемило, и чего я вспоминать стала, ума не приложу.

Пистолет в её руках задрожал и бессильно упал на вытертый годами палас. Игорь увидел, как яркие чёрные глаза заблестели от слёз, а чёткие брови потерялись в морщинах. Глафира Никифоровна смотрела на стройную фигуру в белой рубашке и серых брюках, на чистое мальчишеское лицо с огромными, во всё лицо, серыми глазами, и плакала, плакала, плакала... А потом прерывающимся голосом позвала:

– Игорёша...

И, как подрубленная, рухнула в кресло, перед которым стояла всё это время.

Игорь вскочил, стряхнул с рук моток верёвки и чуть ли не в два шага преодолел расстояние от комнаты до кухни. Там он лихорадочно налил в чашку воды из чайника, с удивительной быстротой отыскал корвалол, накапал в чашку и в те же два шага оказался возле побледневшей женщины, чернота глаз которой словно вытекала вместе со слезами.

– Пейте, – велел он.

Глафира Никифировна трясущимися руками взяла чашку и принялась пить мелкими глотками, то и дело всхлипывая и шмыгая носом. Игорь глядел на неё непонятно, и вдруг его рука поднялась, невесомо дотронулась до седых волос, забранных в шишечку, и утешающее погладила.

– Не плачь, Глафира, – услышала молоденькая девчонка родной незабываемый голос.

Резкий стук, звонок в дверь, выкрик: «Откройте, милиция!». Игорь посмотрел в прихожую, потом вновь на Глафиру Никифоровну, утиравшую слёзы, нагнулся к её уху и горячо прошептал:

– Я приду к тебе, я вернусь, я тебя одну не оставляю. Тебе снова придётся подождать. Ты подождёшь?

– Подожду, – кивнула она.

– Не плачь, Глафира, – повторил он.

Игорь с трудом, но всё же справился с тайнами дверного замка. Ввалившимся оперативникам он спокойно сообщил, что он – мошенник, что он обманывал пенсионеров в качестве лейтенанта областного военкомата и готов дать по этому поводу показания, чтобы всячески помочь следствию.

– Чего это с ним? – не удержался один из группы захвата.

Старший, не теряя слов, надел на преступника наручники.

– Наверное, совесть, – подумав, ответил он.

Шалаева Акулина Ивановна

Родилась в 1938 году в хуторе Помеловском Алтайского края. Окончила начальную школу в деревне Кедровка Гурьевского района, училась в интернате в деревне Кочкуровка. Окончила курсы мотористов при ГМЗ. Была депутатом горсовета с 18 лет. Работала в литейном цехе ГМЗ обрубщиком печного литья. В 45 лет вышла на пенсию, в 1975 году окончила курсы по пчеловодству (Кемеровский сельскохозяйственный институт). Печаталась

в газетах «Наш город» и «Знаменка». Свои рассказы начала писать в 1996 году. Участвовала в конкурсе «Моя деревенька». В настоящее время живёт в селе Сосновке. Всё свободное время посвящает разведению пчёл и литературному творчеству.

БОЕЦ НЕВИДИМОГО ФРОНТА (СТРАННИК)

Детство. Война. Очень холодно. Я, братишка Фёдор, сестрёнка Поленька больше времени проводили на русской печи, на полатях.

От русской печи, глинобитной, тепла немного.

Приехал в такую стужу большой начальник с завода. У мамы всегда был большой процент выработки. Нужно было посмотреть, как живёт передовая работница. Зашёл, стоит у порога пожилой мужчина. Мама, конечно, пригласила к столу. Собрала на стол – чем богаты, тем и рады. Гость тоже достал из портфеля буханку хлеба, каральку колбасы. Мы, конечно, при виде этого на печи зашевелились. Увидев нас, подошёл: «Детки, проходите к столу!»

А мы в уголок прижались, во все глаза на него смотрим, не мигая. Вернулся, взял по ломтю хлеба, положил сверху по кружочку колбаски, угостил нас. Мы мигом управились. Ещё раз отрезал хлеба, колбаски по половинке. Спросил у мамы: «А почему дети не слезают с печи?» – «Так холодно», – ответила она.

Вскоре с завода привезли железные печи (барабанки). Что это такое? На полу крепится железный лист, чтобы пол не загорелся. Примерно на полуметровых ножках устанавливается железная печь. Железная труба с гнутым коленом вдевается в трубу русской печи. В доме стало теплей. Фёдор приспособился картофель печь. Пластинками нарежет, по бокам печи налепит – поджарится бочок, повернёт другим. Очень вкусно! Сестрёнка Поленька ходить научилась, слабенькая была, до трёх лет не ходила.

Жили мы на Чебольчихе в таёжной деревеньке. Лес заготавливали для завода. Война, отца призвали на фронт. Мама вместо отца пошла работать в тайгу. Старшая сестрёнка Аннушка в 12 лет со всеми делами управлялась. Фёдору 5 лет, мне 3 года, Поленьке 9 месяцев. Время шло, мы подрастали и старались помогать.

В начале военной зимы, вечером, постучался в окно старенький дедушка. Наш дом крайний – 1-й у дороги. Впустили. Снял шапку, перекрестился, поклонился на иконы.

- Здравия желаю всем! – произнёс путник.
- Милости просим, проходите, – пригласила мама.
- Можно у вас переночевать? – спросил дедушка.
- Раздевайтесь, присаживайтесь с нами за стол, ужинать будем.

После ужина мама спросила:

- А Вы кто, чей будете?
- Я – странник, – ответил дед, – хожу по белому свету, стараюсь как-то людям помочь, где словом, где делом.

Спать попросился на русскую печь, косточки старенькие согреть.

Мы, дети, очень обрадовались, места хватит. Удивительно, даже кот Васька дедка принял в нашу компанию. Васька знал только свою семью. Никого не признавал. Зашёл как-то сосед, снял шляпу и положил на спящего кота (Васино место около трубы на русской печи, его наблюдательный пост). Кот взвился как пружина, шляпа в сторону улетела. Сосед не ожидал такого, кинулся к двери. Прыжок – и Вася на спине, исцарапал, изгрыз. Сосед больше в дому у нас не был. Нужно что, постучит в дверь, спросит. Вася наш необычный: тятя на Алтае поймал камышового котёнка, который вырос в огромного рыжего кота, похожего на рысь. Зиму дома перезимует, только проталинки появятся, уходит в тайгу на всё лето, придёт, когда капитально снег ляжет.

Утром мама ушла на работу. Аннушка по хозяйству управилась, затопила баньку, помылись. К вечеру вся деревня была у нас в доме.

Странник со всеми перезнакомился. Малышам всем из своей холщовой сумки достал по гостинцу. Сел за стол, из сумки вытащил газеты, вернее – вырезки из газет.

– Пока светло, я вам читаю.

Старенький дедушка, а читал без очков. Темно стало, странник рассказывал новости. Фёдор принёс лучины, у него их много заготовлено. У печи откроет заслонку, в уголке печи засыпаны золой угли, они долго хранятся. Лучинку засунет в золу, та загорится. Как только догорит, поджигает другую. Для освещения привозили керосин, выдавали и строго наказывали – лишнего не жечь. Один раз выдали вместо керосина бензин и не предупредили. Мама стала наливать в лампу, а Фёдор открыл головку в сторону с горящим фитилём. Взрыв! Фёдора охватило пламя. Мама Фёдора обхватила одеялом, пламя сбила. Фёдор сразу на улицу – нырнул в сугроб. Лечили всей деревней, у врача лекарств, кроме марганцовки, не было. Сидели днями ночами около Фёдора.

Часов почти ни у кого не было. У конторы висит кусок рельсы. В 7 часов сторож постучит 7 раз, в 8 часов – 8 раз. В 7 часов выезжают рабочие в тайгу на работу на лошадях. Так же оповещают обед и конец рабочего дня. Бывало, кто в тайге заблудится, били об рельсу, слышно далеко.

Пожил Странник у нас неделю. И каждый день вечером люди приходили. Собрался идти в другую деревню: «Меня уже там ждут!» Пообещался весной прийти, помочь управиться с огородом.

Так как родители приехали перед самой войной и дом не был достроен, люди помогали крышу покрыть, да и пашня не была готова для посадки картофеля. На месте нашей пашни была вырубка: лес спилили, а пни остались.

Вот мы эти пни корчевали, где выкапывали, где выжигали, натащем на пень сушняк, поджигаем. По весне в выходной день мама сходила за колбой на Токовую – там, на болоте, колба белая растёт, её лучше берут. Нарвала мама целый мешок и сразу же понесла в город, продала. На базаре встретила пасечника, пасека которого была за Пчёлкой. О предложил:

– Агафья, подожди, пешком не ходи. Я тебя подвезу, всё меньше идти.

Дорогой спросил у мамы:

– Агафья, садить-то есть картошка?

– Да всё подъели, нечего садить, – ответила мама.

– Ладно, Аганя, в погребу у меня ведер 5 картошки мелкой. До-станем, помогу тебе в горку вывезти, а там понемногу, с отдыхом донесёшь (а идти примерно километров 5).

Странник, как и обещал, пришёл, помог. Засадили пашню этим картофелем, а иные картофелины были чуть более гороха.

А осенью копаем картошку, вся деревня у нас побывала. Всем на удивленье картофель нарост.

Мы с Поленькой просто так на руку накладывали, носили в по-греб, по жёлобу опускали.

– Агафьюшка, а тебе, наверное, Бог помогает! – говорили в де-ревне.

Побыл Странник, пообщался с людьми и ушёл. Как помню, бабы спрашивали у мамы:

– Аганя, а когда Странник пообещался прийти?

– К Николиному дню придёт, – ответила мама.

Никола Угодник – большой праздник. Странника ждут – тоже праздник.

Перед праздником Аннушка затопила печь, приготовила по-кушать, управилась по хозяйству. Дома нужно порядок навести. Аннушка нагрела воды, добавила золы древесной, так делают щёлок.

Тузика несколько пучков замочила в кипятке, пусть отмякнет.

Почти у всех в деревне полы некрашенные, мыли кто как приспособится: кто с песочком, а у нашей Аннушки свой секрет. Пол мыть тряпья лишнего у нас не было. Аннушка команду даст: «Пойдёмте тузик заготавливать!»

Фёдор идёт лыко драть с акации: крепкие волокна и делятся лю-бой толщины и длины. Ножом или ножницами нарезаем эту то-ненькую крепкую травку – тузик.

Фёдор связывает в пучки. Дома на крыше свешиваем на жердин-ку. Пусть сохнет! За огородом у нас место глинистое и растёт хвощ-скрипун. Длинные зелёные скрипучие дудочки, шершавые. Их мы тоже заготавливаем. Начинаем мыть со стола из чистого тазика.

Стол большой, а вокруг по бокам лавки вдоль стен и две ска-мейки. Травой моем, веничками хвоща отшаркиваем, полируем, по окончании промываем чистой водой, а когда высохнет поверх-ность – как восковая поблёскивает.

Подруги к Аннушке приходили и всё допытывались: «Как ты моешь?»

Вот она и старалась раньше всех управиться. Секрет.

После обеда как-то неожиданно Странник зашёл, сразу же сел на курятник (зимой у нас в уголке жили куры). Маленький, как пацан, немного поболее нашего Фёдора. Шапчонка старенькая, кожушок подпоясан бечёвкой, старые подшитые валенки, сумка через плечо.

– Нюрочка, что-то я призамерз, приустал, – глаза закрыл и сразу же валиться начал.

Мы кинулись к нему разом. Раздели, разули.

– Кушать будешь?

Головой покачал:

– На печь, погреться.

Подсадили, как лёг, так и лежал в одном положении, не шелохнувшись. Аннушка сразу же дала команду Фёдору затопить баню.

Отдохнув с часок, дедок зашевелился, и баня уже готова. Аннушка собрала старенькое тятино бельишко.

Странника попросила оставить своё бельё, чтоб постирать. Баня топится, быстро высохнет.

– Хорошо! – сказал Странник.

Пошли с Фёдором мыться. Фёдор заварил веник:

– Дедушка, залазь на полок, я тебя попарю!

– А тебе не жарко будет?

– Нет, не жарко, я люблю париться!

Придя с бани, Странник подарил Фёдору свисток и дал всем по прянику. Очень вкусные пряники!

Мама с работы приехала, помылись, покушали, стали к вечеру готовиться. Люди придут!

Аннушка слезла в погреб, достала моркови, брюквы, свежей капусты. Помыли, почистили, сложили на стол. Пусть угощаются! Ну и люди подходить стали, каждый что-то несёт. На стол складывают. Первый день – беседа затянется. Странник сел за стол, из сумки вынул кипу газет, раскладывает вырезки. Скомандовал:

– Малышня, подходите, угощу чего Бог послал!

По имени назовёт, по головке погладит, что-нибудь спросит.

Фёдор приготовил лучин целый ворох, службу исполняет свою справно.

Странник то читает, то так, по памяти, рассказывает. Все притихли, слушают.

А как не слушать, радио в нашем селе не было, да мы и не знали,

что это такое. Иной раз привезёт начальство какую газету, прочитают в конторе. Помню, Странник читал, рассказывал про войну, перекладывал газеты, листки, раскрыл газету, а там девушка повешенная.

Немцы поймали партизанку Зою Космодемьянскую, пытали, потом казнили. Как бабы взывать начали, а потом и ребятишки, долго не могли успокоить их.

Потом наш Фёдор рассказал про партизанку Зою, он уже в школу пошёл, в 1-й класс. Читать быстро научился. В школе наберёт в библиотеке книг, залезем на печь, он нам читает. Учился он хорошо, но сильно непоседа.

Долго Странник рассказывал, почти до самого утра. Как разошлись люди, мама зажгла свечку, они со Странником помолились Николаю Угоднику: «Живым – здоровья, жизни, усопшим – Царствия Небесного». Неделку Странник побыл, у всех побывал, чем мог, помог, где словом, где делом. На Филиповку (28 ноября начинается пост) ушёл в другую деревню.

Всю войну Странник приходил, навещался, его все любили, ждали как Бога. Последний раз пришёл весной, в пост, недели за две до Пасхи.

Попостовал вместе с мамой. Утром в 4 часа встают и молятся.

В последнюю страстную неделю перед Пасхой нас, детей, поднимали: «Молитесь за отца, детская молитва всегда помогает!»

Встретили Пасху, Странник по всей деревне прошёл – похристосовался и как бы попрощался со всеми.

Проводить пришли всей деревней.

– Слава Богу, войне приходит конец, да и мне уже на покой пора. Устал я блукать по белу свету.

Мама упрашивала его:

– Оставайся у нас, за отца будешь!

– Благодарю на добром слове, пока жив, буду молить Бога за вас. А у тебя, Агафьюшка, муж с войны скоро придёт, и всё будет хорошо! А мне идти нужно...

Пошёл, потом остановился, повернулся, посмотрел по сторонам и позвал:

– Фёдор! Иди сюда.

Фёдор подбежал. Странник достал из кармана брюк складень, взял ручонку Фёдора, из своей руки переложил в его.

Фёдор обхватил Странника, заплакал:

– Не уходи, деда!

Странник перекрестил Фёдора, повернулся, пошёл, не оглядываясь.

Фёдор, сколько я помню его детство, всё время носил при себе этот складень.

Отец пришёл с войны, мы ему рассказали про Странника.

А он рассказал нам, какая у него была встреча со Странником.

Перед самой войной тятя ходил в город по каким-то делам. Шёл, шёл, притомился на обратной дороге. Присел на колодину передохнуть, достал из сумки покушать. Глядь, стоит перед ним дедок. Тятя, конечно, пригласил его покушать. Покушали, дедок поблагодарил за хлеб-соль. Поговорили о том, о сём. Странник произнёс напоследок;

– Вижу, ты добрый хороший человек. Скажу тебе – скоро начнётся война. Ты будешь на этой войне. Я тебя научу молитве. На войне молись, помнить будешь, а домой придёшь – забудешь.

Пока тятя собирал котомку, глядь, а дедка-то и нет. Удивительно! А может, Странник ему привиделся?

И правда, дома после войны по привычке вздумал тятя помолиться, но, как ни старался, вспомнить молитву не смог...

Макурин Денис Владимирович

Родился в посёлке Каменка Мезенского района Архангельской области в 1981 году. В возрасте пяти лет переехал с родителями в село Холмогоры. После детского сада была Холмогорская школа и профессиональное училище, которое не только дало образование, но и научило любить родной край. В 1999 году был призван в ряды Российской армии. Отслужив полгода, подал рапорт с прошением о переводе в Чечню, где и продолжил дальнейшую службу. По возвращении домой переехал жить в Вологду, где обзавёлся собственной семьёй. Устроился работать в строительную сферу, параллельно поступил в строительный колледж на заочное обучение и окончил его. В свободное время пишет рассказы, в основном о детях и для детей.

СОРОКА

Подбросил пару полен в буржуйку, подлил себе ещё немного горячего кофе из котелка, чёрного, как смола, присел на скамью и, обхватив кружку двумя руками, сделал глоток.

Армейский кофе не имеет ничего общего с тем кофе, что люди привыкли пить, просыпаясь у себя в тёплой квартире по утрам. Ароматный кофе из кофеварки, обязательно с сахаром и разбавленный сливками, нежный и в меру горячий, его пьют, чтобы продлить удовольствие ото сна. Пьют не спеша, пьют маленькими глотками и строят планы на день, а может быть, досматривают сон. Армейский кофе не похож на тот кофе, что привыкли пить в офисе. Тот, что обычно пьют во время рабочего дня, из кофе-машин, с плиткой белого шоколада или конфетами «рафаэлло», обсуждая с коллегами последние новости. В армии кофе без сахара, он такой же ароматный, но с запахом костра. Его пьют, чтобы быстрее согреться и отвлечься от происходящего, чтобы вспомнить, как ты пил каждое утро тот самый кофе со сливками – дома.

Звучит команда: «Рота, строиться! Форма одежды любая!» Все, как один, отбрасывают свои дела и выбегают из палатки, на-

кидывая бушлаты на ходу. Торопятся, но без лишней суеты, становятся в две шеренги. Наш третий взвод в полном составе, второй и первый – от силы процентов пятьдесят. Одно отделение первого взвода ушло в разведку два дня назад и до сих пор не вернулось с задания. Надеюсь, у парней всё хорошо и вылазка пройдёт гладко. В задачу того отделения входит выявление и уничтожение группы боевиков из семи человек, которую заметили с воздуха на одной из высот, расположенной в сорока километрах от нашего лагеря. Эту шайку непременно найдут и ликвидируют.

Мы так с января воюем, шастаем по лесам и высотам, как партизаны. После тотального разгрома вражеской армии боевики рассредоточились на мелкие группы, и ловить их стало невероятно трудно. Днём они отсиживаются в землянках, а по ночам, как вурдалаки, делают своё кровавое дело и обстреливают наши позиции.

Второй взвод понёс серьёзные потери в уличных боях примерно два месяца назад, а пополнение ещё не прибыло. Его, кстати, ждут со дня на день. А пока построились все, кто есть, и картина довольно удручающая.

Командир роты открывает список «Вечерней поверки» и, не торопясь, начинает выбирать двадцать человек, отсеивая тех, кто ещё не отдохнул с караула и кому заступать в усиление. Назначив ответственного группы и составив короткий список, в котором оказался и я, капитан даёт команду: «Выйти из строя». После чего ставит простую задачу: доставить боеприпасы и сухие пайки на высоту закрепившейся и окопавшейся там десантно-штурмовой роте. Звучит команда: «Пять минут на сборы!»

В подобный караван я ходил уже с десятков раз, знаю, что служба снабжения татарит килограммов по двадцать в каждый вещмешок, а ты карабкайся с ним на высоту по узкой горной тропе. Поэтому, как только зашёл в палатку, первым делом снял подкладку у бушлата, чтобы потом было не жарко идти. Затем выбрал самый лёгкий бронежилет, посмотрел на каску и шапку, но брать не стал. Подумал пару минут: фляжку с водой или гранату, взял фляжку, сунул один магазин в нагрудный карман под броник, спарка магазинов уже на АКМ, распахнул по карманам спички, сигареты. Привычным движением закинул автомат на грудь. Попрыгал, вроде ничего не мешает и не брякает, выхожу строиться.

Командир взвода построил нас на прежнем месте и ещё раз пересчитал, уточнил маршрут нашего движения и место положе-

ния роты десантников у капитана, затем аккуратно свернул карту в планшет и дал команду: «Нале-во! Шагом марш». После чего мы направились в расположение роты обеспечения. Идти надо было метров триста, не больше, но идти через поле, где грязи по уши, поэтому в строю поднялся недовольный гул. Ну на самом-то деле, могли бы и машину за нами отправить.

Вообще февраль – самое отвратительное время на Кавказе. Ночью минусовая температура и выпадет снег, а к обеду всё тает и превращается в грязь. Вот мы и идём, смешивая берцами белое с чёрным. Постоянная облачность, сырость и хлюпанье под ногами действуют просто угнетающе.

Через десять минут мы уже грузим вещмешки и пару ящиков с минами в бортовой «Урал», ещё пара минут – и вот мы уже усаживаемся на броне у «БТРа», отряхивая с ног огромные шмотки грязи. Первым выехал «БТР», оставляя после себя синее облако дыма, через минуту, подергиваясь и громко урча, тронулся «Урал». Помню, тогда подумал: «Ну всё, с Богом».

Едем где-то час, может, чуть больше. И я, если честно, уже замёрз и начал дрожать, как осенний лист. Мне жутко надоело вот так просто сидеть и вглядываться в туман. Не терпится как следует размяться, скорее бы уже доехать.

Выезжаем на берег реки Аргун. И тут я про себя подумал: «Ну, слава Богу, приехали, а то чуть зад не отморозил». Дальше куда ни взгляни – валуны, а за ними начинается лес, и «БТРу» с «Уралом» уже не проехать. Спешились, выгружаем и разбираем рюкзаки. Так и есть, натолкали в каждый вещмешок по двадцать, а то и тридцать килограммов, не меньше. Мешки, бедные, даже по швам трещат. Я зло ругнулся про себя: «Нашли мулов в этих проклятых горах!» И крикнул бы вслух, но подумал: «Что я, тряпка что ли», – взвалил мешок на плечи, немного попрыгал, чтобы поправить его у себя на спине, и отошёл от кузова машины.

Парни разобрали мешки, выстроились цепочкой. Первый – старший лейтенант с сапёром, замыкающий – ротный пулемётчик, я где-то в центре. Пошли потихоньку.

Поднимаемся по узкой горной тропе, только что была грязь и серые валуны, а теперь заснеженный лес. От такой красоты даже дух захватывает, и на мгновение я забыл, где и с кем. Тропа петляет вокруг вековых деревьев, и, кажется, не будет ей конца. Так мы шли, наверное, около часа, сто потов сошло, не меньше.

Думаю: «Ничего, терпи, солдат, обратно-то налегке пойдём, да ещё с горы». Лейтенант кричит: «Полпути прошли, скоро привал!» Я чуть наклоняюсь и зачерпываю снег рукой на ходу, часть откусываю, остальное растираю по лицу. Чувствую, как приятно защипало кожу, и тут же начали гореть щёки. Прошло-то минут пять всего после слов лейтенанта, я уже представил, как опустошаю полфляжки за раз. И тут началось!

Из-за деревьев и камней повывезали проститутки бородатые, как черти из табакерки, и давай лупить по нам со всех стволов, будто мы мишени в тире!

Где-то скинул рюкзак, спрятался за ствол дерева, стреляю очередями почти наугад, перед глазами всё плывёт, адреналина столько, что хватило бы троих «с того света» вернуть! Сердце так громко стучит, что не слышу, как лейтенант отдает приказы. Ещё талый снег по лицу сползает. Пытаюсь считать патроны, надо бы мелкими очередями, палец на курке, будто деревянный сделался, всё жмёт и жмёт!

В трёх – четырёх метрах от меня раздался взрыв! Это точно он, ни с чем не спутаешь. При этом не было ни раскатов грома, ни запаха гари, только чёрные камни и шмотки грязного снега взвились в воздух и замерли! По времени – это доли секунды, а мозг, как фотоаппарат, запечатлел картинку, и всё. Всё! После этого темнота! Вся суета разом исчезла. Оказывается, умирать в девятнадцать лет совсем не страшно.

Через какое-то время прихожу в себя и чувствую, что меня тащат под руки два человека. Я лицом вниз, мои ноги волочатся, почему-то бормочу: «Бросьте меня, мужики, я умер. Вытаскивайте остальных». Они и бросают. Я ныряю лицом в снег и думаю: «Какая бестактность», – и снова теряю сознание.

Открываю глаза, лежу на снегу, вокруг всё мерцает, всё ослепительно белым-бело. Большие сугробы, большие белые шапки снега на деревьях, воздух такой лёгкий, прозрачный и свежий, мне ни холодно, ни жарко, ничего не болит и не беспокоит. Вокруг тишина, нет ничего, кроме оглушающей тишины и белого света. Я в раю!

Кто-то придумал, что рай – это пляж на берегу моря, и ты, разнежившись, прячешься от полуденного солнца в тени под пальмой. А кто-то рассказывает байки про врата рая, райские сады и ангелов. Они же ничего не знают. Вот глущи! Рай – это не место, рай – это безмятежное состояние души! Закрываю глаза...

Прихожу в себя, жутко трясёт и мотает из стороны в сторону.

Вокруг темно и сильно пахнет бензином, по звуку надрывающегося мотора я уже догадался, что никакой это не рай, а самый обыкновенный «УАЗик-Буханка». Про себя подумал: «Раз куда-то везут и очень спешат, значит, я до сих пор живой». Засыпаю...

Кажется, мы в лифте, доктор светит фонариком мне то в один глаз, то в другой и задаёт вопросы, я максимально собран и сосредоточен, но язык не ворочается, сил нет. Мне кажется, я чувствую боль, но где именно, понять не могу. Закрыв глаза, чувствую и слышу, как распарывают форму. А я думаю: «Жалко, ведь новая совсем». Снова засыпаю...

Просыпаюсь с жуткой болью, моя голова просто раскалывается. Хочется пить, слабость в руках и ногах, такое впечатление, будто у меня жуткий похмельный синдром. Я в палате реанимации, укрыт белой простынкой, к носу подвязана трубка, по ней подается кислород, к пальцу на левой руке прицеплена какая-то прищепка с проводками, на правой руке капельница. Заметив движение, ко мне подходит медицинская сестра, молоденькая, симпатичная.

– Доктор, он очнулся!

– Сейчас я подойду!

Доктор подходит через пару минут со словами: «Да ты в рубашке родился!» Я уже улыбаюсь и пытаюсь пошутить, но сил совсем нет, и поэтому отвечаю ему шёпотом: «В бронезилете».

Неожиданно начинаю задыхаться, сердце сжалось и замерло, вижу, как все в палате начали бегать! Меня спрашивают: «Где болит, где болит?!», а я не могу сделать даже вдох и начинаю рычать от бессилия! Медленно теряю сознание...

Теперь я точно умер, только попал в ад! Опять ошибались те, кто рассказывал о подземелье, расплавленной лаве и истязаниях.

Кругом темнота, сплошная мгла, нет ни верха, ни низа, ни права, ни лева. Я будто парю в невесомости, я один во Вселенной, и в ней нет луны, солнца и звёзд. Не нужно дышать, не нужно думать. Ад – это беспмятство и вечное забытьё, ад – это когда ты ничего не чувствуешь и абсолютно один. Что может быть страшнее?

Я очнулся от невыносимой боли, рядом стоял задумчивый доктор и что-то говорил медицинской сестре, а медсестра, с мокрыми глазами, улыбаясь, убрала шприц и, протирая мою руку кусочком ваты, сказала: «Я в первый раз так сильно испугалась, но теперь всё будет хорошо. Ты помнишь, что ты мне говорил?» Я чуть заметно помотал головой и переспросил: «Я? Когда?» А она продолжила: «Только что. Я держала тебя за руку и просила не умирать, гово-

рила, какой ты хороший и совсем молоденький, а ты ответил, что ради таких слов будешь бороться до конца!»

Странно, а я ведь и правда не помню, что говорил. И вроде окончательно пришёл в себя и чувствую, что силы возвращаются, а вспомнить своих слов не могу. Из памяти будто вырван кусок, огромный промежуток времени. При этом всё же одна мысль не даёт мне покоя: «Что же мою душу вот так швыряет то вверх, то вниз? Она то белая, то чёрная. Сколько же во мне всего накопилось, что хорошее и плохое в одно перемешалось? Со стороны поглядишь, не душа, а полёт сороки на ветру».

Масловская Алёна Ивановна

Родилась в Казахстане в городе Алма-Ате в 1960 году. В 1984 году вместе с семьёй, мужем и двумя дочерьми, переехала в Россию в город Бугуруслан, что в Оренбургской области. В 1997 году окончила Оренбургский педагогический институт.

Работала в школе учителем русского языка и литературы, преподавала немецкий язык. В целом отдала школе 27 лет жизни. В настоящее время работает библиотекарем в Староузелинской сельской библиотеке Бугурусланского района Оренбургской области. В свободное время занимается краеведческой деятельностью. На базе сельской библиотеки организовала мини-музей мордовской культуры.

**ДОМ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ И ВЫРОС
ДАНИИЛ ПРЫТКОВ
(5. 10. 1912 – 19. 02. 1952)**

Пройдут года.
Мы станем стариками.
Падёт на лоб волос седая прядь,
Но будем мы дрожащими руками,
Страницы жизни прожитой листать...

В живописной местности, вблизи леса, раскинулось старинное село Узели. Здесь в семье земледельца-хлебороба Алексея Прыткова родился мальчик, которого нарекли Даниилом.

Рос и воспитывался герой в многодетной семье, где ценились доброта, честность, любовь к труду и малой родине.

Долгими зимними вечерами мать Евдокия Даниловна рассказывала детям сказки, народные предания о волшебниках, чудо-богатырях, защищавших свою родную землю от захватчиков. Глубоко запали в душу любознательного мальчугана сказания о русском и мордовском богатырях Вольге и Сияжаре, которые оберегали свои земли от монголов-поработителей.

Даниил почти ничем не отличался от своих сверстников, разве что был посмышлёнее, да попроворнее. Рос крепким, закалённым.

Учился в Нижнепавлушкинской школе крестьянской молодёжи. Семь километров до школы ходил вместе со сверстниками пешком. Нередко почти всё это расстояние мальчишки пробегали от начала до конца...

Но начался голод, и, чтобы спасти семью, отец согласился эвакуироваться в Сибирь. Обосновались в Томской губернии, в небольшом городе Новониколаевске (сейчас Новосибирск). Это спасло Прытковым жизнь.

В марте 1942 года Даниил Алексеевич Прытков был призван в армию. Короткие недели учёбы – и вот он уже красноармеец 1241-го стрелкового полка.

Вскоре наш земляк стал одним из опытейших разведчиков полка, а затем дивизии. О нём в дивизии ходили легенды. Ему поручались самые опасные и сложные задания. В разных переделках приходилось бывать Даниилу Прыткову, но из всех он выходил с честью и обеспечивал успех операции.

Так, в августе 1942 года, возвращаясь из разведки, Прытков попал в засаду. Он понял, что враги хотят взять его живым, подпустил поближе, бросил в ноги гитлеровцам гранату, а сам укрылся за деревом. Оставшихся в живых сразил автоматными очередями. Но, как оказалось, не всех. Сбоку на него бросился офицер с тесаком. Резкий удар в живот, фашист падает. Уничтожив пятнадцать солдат и трёх офицеров, он вернулся к своим и доложил о результатах разведки.

Даниил Алексеевич Прытков

Город Новониколаевск, 1930 г.

Форсирование Днепра

В том же августе, пробираясь через лесную чащобу, находясь почти у опушки, услышал выстрел чуть ли не над головой. Второй прогремел чуть дальше, но тоже откуда-то сверху. Осторожно огляделся: «кукушки» – немецкие снайперы, – замаскировавшись среди ветвей, вели прицельный огонь, стараясь уничтожить командиров, пулемётчиков и просто рядовых бойцов. Прытков тоже начал охоту и перестрелял всех трёх «кукушек».

В боях за Ржев Прытков уничтожил охрану и захватил склад боеприпасов. Но во время миномётного обстрела стали рваться снаряды. Взрывной волной его отшвырнуло в сторону. С тяжёлой контузией Прыткова доставили в госпиталь.

После выздоровления он снова в своём полку, но теперь уже не на Западном, а на Центральном фронте. И тут о нём ходят легенды как о дерзком, удачливом разведчике, добывающем ценнейшие сведения в самых невероятных ситуациях.

Даниил Прытков на бревне первым переправился через Десну, ворвался в траншею противника, уничтожил офицера и нескольких солдат, захватил пулемёт и стал прикрывать огнём переправу своих боевых товарищей. Короткую, но богатую событиями жизнь прожил Даниил Алексеевич Прытков. Он не щадил ни здоровья, ни жизни в борьбе с врагом. О его подвигах можно написать книгу, снять фильм.

В октябре 1942 года он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза, а 3 июня 1944 года получил заслуженную награду за отвагу и мужество, о чём свидетельствует справка из Центрального архива.

**Постановление
Президиума Верховного Совета СССР
от 3.06.1944 г.**

В ожесточённых боях за город Ржев враг понёс огромные потери в живой силе и технике. За мужество и отвагу, проявление в боях за г. Ржев, присвоить звание Героя Советского Союза младшему лейтенанту Прыткову Даниилу Алексеевичу с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

*Москва, Председатель Президиума
Верховного Совета СССР*

М. И. Калинин.

Кремль, 3 июня 1944 года (копия из архива)

Также Даниил был награждён орденом Красной Звезды.

Он уничтожил 65 вражеских солдат и офицеров. За период Великой Отечественной войны был трижды ранен и четыре раза тяжело контужен.

После войны Даниил Алексеевич Прытков жил в Оренбурге, на Украине.

Умер в 1952 году 19 февраля в селе Рымаровка, где и похоронен. Сначала была отдельная могила в центре села, теперь на площади возле сельсовета поставлен обелиск, где высечены имена героев Великой Отечественной войны, а гроб с телом Даниила Алексеевича перенесён в братскую могилу на сельское кладбище.

*Война – жесточе нет слова.
Война – печальней нет слова.
Война – святее нет слова
В тоске и славе этих лет.*

Семёнов Игорь

Родился 14 апреля 1967 года в городе Целинограде. Срочную службу проходил в 1985 – 1987 годах. Затем учился, вновь служил. Сейчас живёт и работает в городе Екатеринбурге. Женат, воспитал двух дочерей. Первую сказку написал в пять лет, с тех пор, по его собственному признанию, периодически что-то сочиняет: статьи, стихи, песни, пьесы, рассказы, повести, романы. Однако до сей поры сам ни в одно издательство так и не обратился.

Публиковался до настоящего времени только в альманахах, периодической печати и коллективных сборниках.

ТИШКА

Первое, что замечал каждый при знакомстве с Владиком Тимофеевым, – это его глаза: серые с рыжей искоркой, огромные, обрамлённые длинными пушистыми и какими-то кривоватыми ресницами, и... какие-то собачьи – умные, добродушно-наивные и чуточку стеснительно-виноватые. Впрочем, появление у него странных ресниц Владик объяснял очень просто и весело: когда ему было года четыре, какая-то тётка из знакомых матери при виде парня восторженно завопила: «Ой, какие реснички у Владика! Длинные, густые, как у девочки!» Понятно, что такое сравнение было для пацана, как... Короче, хуже придумать невозможно. Никакой девичьей атрибутики Владислав носить не собирался. Даже ресниц. К устранению вопиющего недостатка он приступил не следующий же день и самым радикальным образом: взял маникюрные ножницы, забрался на тумбочку перед зеркалом в прихожей и обкорнал гадские ресницы почти под корень. Правда, несколько неровно. Ну, не получилось. Успокоил себя тем, что так даже лучше, поскольку у девчонок-то точно таких ресниц быть не может. Удивительно, но родители выходку юного стилиста не заметили. Обнаружила бабушка, явившаяся в гости аж через три дня. «Охов» и «ахов» было не очень много. Втыка тоже не было,

так как проступок был сочтён попадающим под амнистию за истечением срока давности – по выражению отца (милицейского следователя). Вопрос был задан всего один: «А если бы глаз себе выколол?» Юным стилистом был дан резонный ответ: «Я же, когда бумагу режу, пальцы себе не обрезаю». Ответ был горячо поддержан отцом: мол, если мужику с пелёнок инструменты не доверять, то и не мужик вовсе вырастет. Ресницы, конечно, отросли и, как Тимофеев был уверен, от былой стрижки стали ещё длиннее, но кривую кромку сохранили навсегда. Подравнивать их Владислав уже не рисковал.

Учился Тимофеев неплохо, без троек. Мама мечтала о том, что сын станет хирургом, отец грезил о продолжателе династии сыщиков. А Владислав сам не понимал, кем он хочет быть. И внезапно, к ужасу родителей, особенно матери, после восьмого класса поступил в Рязанский железнодорожный техникум. Почему? Да просто не хотелось расставаться с лучшим другом-одноклассником. Будущей специальностью не горел, но и отвращения она не вызывала. Тем более что никакой мечты так и не возникало. Так и окончил – без любви, но добротной, недотянув до красного диплома совсем чуток. А затем государство щедро подарило Тимофееву два года на раздумья о выборе жизненного пути, призвав в армию.

Вообще в те годы армия многим помогла окончательно определиться с будущей профессией. Ведь после школы большинство всегда шло учиться не потому, что чётко видело себя именно в этой профессии, а совсем по другим причинам. Кому-то родители указали, исполняя собственные мечты и желания, кто-то, как и Владислав, за компанию с друзьями, кто – просто потому, что данное заведение оказалось ближе всего к дому – ездить далеко не надо. И без разницы, что это было: ПТУ, техникум или институт. Училище или техникум большинство оканчивало. С институтом было бы сложнее: тяжело забирать документы на полпути, ещё тяжелее, почти невозможно, сменить профессию, уже имея диплом в кармане. И в этом отношении отмена отсрочек для студентов стала благом. Перерыв на службу многим поставил мозги на место, позволил сделать самостоятельный, уже осознанный выбор. В середине восьмидесятых многие после армии решали не возвращаться в свои вузы, а поступали куда-то, часто по совсем не схожему направлению с первоначальным выбором. Бедные девушки! – у них такой возможности подумать никогда не было.

Кстати, о девушках. Не оказалось у Владика той, которая бы его провожала, обещала ждать, писала бы письма. Как-то так получилось. Нравился он многим: и лицом, и статью гимнаста-перворазрядника, и характером. И со всеми, почти без исключений, вёл себя ровно-шутливо. Что некоторые ошибочно принимали за персональные знаки внимания. А вот к той, что ему действительно нравилась, Владик как раз подойти не решался, и даже просто заговорить с ней было страшновато. Всякий раз как парализованный себя чувствовал. Хотел было фотографию с собой на службу взять. И тоже не решился.

Служил Тимофеев, как и учился, ровно, спокойно. Ни от чего не отлынивал, но и сам ни на что не вызывался. Без особых взысканий и без особых благодарностей. Повысить голос на Тимофеева не получалось не только у офицеров, даже у дедов. Глаза выручали. Стоило ему только в ответ на претензии растерянно захлопать своими огромными ресницами и посмотреть в глаза – даже всякое малейшее подобие агрессии к Владиславу пропадало. Оставалось одно: жуткое желание сказать что-то ободряющее и даже почесать за ухом, как собаку. Наверное, Владик этим пользовался порой, пусть и неосознанно.

Даже прозвище он получил какое-то собачье – Тишка. И не только из-за фамилии. Пожалуй, его морда лица с тихим нравом вкупе в этом более решающую роль сыграли. И Владик не возражал. Тишкой ему быть даже нравилось.

Зато к началу второго года службы, аккуратно во время «приёма в черпаки», Тишку осенило. Он вдруг понял, кем он хочет быть. В перспективе забрезжили ворота «Эр-Вэ Два Ку-Ку имени «стой, кто идёт?»». И с каждым днём желание поступить в Рязанское училище ВДВ только крепло. Однажды Владик, мечтательно зажмурившись, признался: «Я там обязательно старшину получу». Приятели опешили: «Почему именно старшину?» Тишка улыбнулся: «Понимаете, у курсантов старшинские погоны издали похожи на парадные полковничьи. У моего одноклассника старший брат в Саратовском учился на вертолётчика. Так он в отпуск вообще приезжал в настоящих офицерских погонах – в золотых с двумя просветами. Только без звёздочек. Так он говорил, что некоторые иногда путают, особенно издали. Даже то, что офицерская парадка совсем другого цвета, не сразу доходит. Вот и я хочу так позабавиться».

А потом Тишка нашёл котёнка. Или котёнок, невесть откуда забредший в расположение, нашёл Тишку. Маленький, месяца три с половиной от роду, средней пушистости, обычной серо-рыжей с чёрными полосками раскраски. Удивительно тихий, даже стеснительный и, как выяснилось позднее, удивительно умный. С именем для кота проблем не возникло. Кто-то, только завидев найдёныша, устроившегося, как пиратский попугайчик, на плече Тимофеева, завопил: «О! Смотрите, Тишка близнеца нашёл! Индийское кино!» И правда, невзирая на принадлежность к разным семействам млекопитающих, оба были разительно схожи. В первую очередь – огромными глазами и выражением лица. И взгляд у котёнка был Тишкиным фирменным – такой же стеснительно виноватый. Владик снял котёнка с плеча, с трудом отцепив коготки, зацепившиеся за «вшивник», поднёс к себе – морда к морде, посмотрел внимательно. А потом улыбнулся: «Пусть тоже Тишкой будет. Я не против».

Найдёныш оказался мужиком самостоятельным, дисциплинированным. Не гадил, в ненужные моменты под ногами не болтался. На построениях исправно садился в конце строя и терпеливо ждал команды «Разойдись!». Подружился с сапёрными собаками, которые, к всеобщему удивлению, приняли его за своего собрата. С людьми, как и его двуногий тёзка, был добродушно ровен. Выделял только Тимофеева. Спал только у него в изголовье, в свободное время норовил пристроиться на плече своего «старшего брата» или лежал рядом, по-собачьи пристроив подбородок на колено или руку Владика. Очень любил смотреть, как Владик что-то делает: чистит ли свой РПК, пришивает ли подворотничок. На всё Тишка смотрел внимательно, не отрываясь, не отвлекаясь, словно учился и собирался когда-нибудь повторить всё сам. А в отсутствие Тишки-старшего никого не подпускал к постели, считая покушением на только их с Владиком территорию. Не шипел, не рычал, только предостерегающе показывал зубы и слегка приподнимал лапу с выпущенными когтями. Желających проверить, насколько далеко Тишка зайдёт в защите постели, не нашлось. Расставаться Тишки не собирались. Владик почти сразу заявил, что на дембель они вместе поедут. Кто-то спросил: «А в училище как? Также с собой в казарму потащишь?» Тишка на полном серьёзе ответил: «У родителей проживёт, пока не закончу. Я же буду приходиться».

И ещё: Тишка-младший полностью оправдывал своё имя. За всё время никто не услышал от кота ни единого звука, кроме мурлыканья. Он всё делал молча. Глухонемым Тишка точно не был, поскольку живо реагировал даже на слабые звуки, знал своё имя, мог выполнить просьбу из рода: «Иди к Тише».

Когда Тишки старшего не было в расположении, младший терпеливо ждал, лежал на одеяле, подобрал лапы, насупленный и хмурый, отлучаясь только по неотложным кошачьим надобностям. Молчал, в отсутствие Владика не позволяя даже прикоснуться к нему. И оживал только при возвращении старшего брата.

А спустя три месяца Тишка с боевых не вернулся. То, что привезли, Владиком Тимофеевым уже не было: очередь «крупняка» не оставила от его головы почти ничего. В Рязань улетел «цинк» с «грузом 200», а совсем не наш Тишка.

А Тишка-младший внезапно заговорил. Он всегда встречал возвращавшихся в хозяйство, а уж если ждал возвращения брата, так тем более. Встречал и в тот раз. И не понимал, почему все пришли, а Владика всё нет и нет. Он обходил всех по очереди, вопросительно заглядывал в глаза. И все, как по уговору, глаза отводили, отворачивались. А Тишка-младший не унимался. Он вновь и вновь подходил, трогал лапой, заглядывал в глаза и тихонечко, на грани слышимости мяукал: «Где?» Это кошачье «где?» слышалось так явно, так отчаянно и тоскливо, так недоумевающе и умоляюще... Звучит странно, но ответить коту, где Тишка-старший, так никто и не смог. Молчали, как-то нервно-поспешно гладили кота, отводя взгляд и с трудом сдерживая ком в горле...

Тишка-младший ждал брата ещё больше месяца. По-прежнему никого не подпуская к постели. Пришедшего новичка, попытавшегося расположиться на его кровати, попытался прогнать, разодрав тому руку. Но вынужден был уступить. Ушёл к собакам. Во время ужина ненадолго вернулся, навалил кучу на ставшее чужим одеяло и исчез. Больше Тишку никто не видел.

Соловьёв Юрий Витальевич

Родился 3 ноября 1956 года в селе Маюрово Сузунского района Новосибирской области. Спустя три года семья переехала в Новосибирск.

С февраля 1977 по январь 1985 года проживал в городе Кривом Роге и проходил службу в ОВД.

С августа 1994 года – в уголовно-исполнительной системе (УИС) России. За время службы прошёл путь от начальника отряда осуждённых до начальника отдела Главного управления ФСИН России по Новосибирской области, от старшего лейтенанта до полковника внутренней службы.

С 2004 года член Новосибирской областной организации Союза журналистов России.

В 2004 году находился в служебной командировке в Чеченской Республике, ветеран боевых действий.

После выхода в отставку участвовал в работе ветеранской организации территориального органа УИС. С февраля 2016 года председатель регионального отделения общественной организации ветеранов и пенсионеров УИС НСО.

Автор 6 книг.

Свой досуг посвящает поэзии и прозе.

ДЕЛО СЛУЧАЯ

Стояла поздняя промозглая осень. Серые свинцовые облака, изодранные ветром в бесформенную рвань, низко плыли над городом, задевая крыши домов, цепляясь за мачты и телевизионные антенны. Редкие листья, оставшиеся ещё на ветках деревьев, растущих вдоль проспекта Дзержинского, трепетали под порывами ветра и в каждую минуту готовы были сорваться и улететь в свой последний полёт.

Видавший виды трамвай «второго» маршрута со скрипом и металлическим лязгом повернул с проспекта Дзержинского на

Волочаевскую. В этот утренний час вагон был заполнен почти до отказа. Среди пассажиров, одетых по-осеннему в одежды тёмных тонов, выделялась группа военных в фуражках с краповыми околышами. Все, кто ездил «двойкой», знали, что это работники следственного изолятора № 1, что был через две остановки.

Был среди них в то утро и сержант Евгений Хамзин. Пристроившись на одном из сидений, что поближе к окну, он увлечённо читал книгу. Когда трамвай остановился на нужной остановке, он вышел вместе со своими товарищами по службе и быстрым шагом направился к зданию изолятора: до заступления на смену оставалось не так много времени.

Пришли. Построились. Получили инструктаж. Стали расходиться по постам. После таких «утренних процедур» была минута на то, чтобы перекурить, задать вопросы, если они были, получить дополнительный инструктаж, если он был необходим. Сержант Хамзин служил давно, поэтому в дополнительных инструктажах не нуждался и лишних вопросов не задавал. Но в это утро вопрос у него был, только не служебный, а личный, причём касавшийся не его самого, а его товарища по службе, с которым в одной смене работал уже не один год. Зато вопрос у него был к бывшему фронтовику – старшине Ивану Савиных: ему не давала покоя книжная история про какого-то Ивана Савиных, который, защищая Москву, был награждён орденом Ленина. «Насколько я помню, – думал Евгений Хамзин, когда, выйдя из трамвая, укладывал недочитанную книгу генерала Белобородова «Ратный подвиг» во внутренний карман плаща, – у нашего Ивана ордена Ленина нет...»

Прежде чем уйти и занять своё место согласно «табель постам», он отозвал Ивана в сторонку и спросил:

- Ты под Москвой воевал, Иван?
- Воевал, а что?
- У тебя комдивом не генерал Белобородов был?
- Белобородов... А ты откуда знаешь?
- А в какой дивизии?
- В 78-й...

– Так он про тебя в своей книге написал!.. Вот здесь, здесь читай, – настойчиво теребил друга Хамзин.

- Погоди...

Иван Савиных вчитывался в строчки. Перед глазами мелькали знакомые фамилии, всплывали лица, врезавшиеся когда-то в его память, но начавшие уже забываться за давностью лет. Ага, а вот и про него...

«...Ноябрь 1941-го. В этом месяце фашисты под ударами наших войск побегут на запад, бросая технику и оружие. Но это произойдет потом, когда на фронт прямо с парада на Красной площади будут одна за другой подходить хорошо вооружённые, не измотанные боями сибирские, уральские и дальневосточные дивизии. А тогда, в первые дни ноября, 78-я, а впоследствии – 9-я гвардейская, заставляя врага платить кровью за каждую пядь русской земли, под натиском превосходящих сил противника медленно пятилась к стенам столицы».

– Ну да, это про меня, – сказал Иван Яковлевич вдруг охрипшим от волнения и нахлынувших воспоминаний голосом.

– Тебя за этот бой орденом Ленина наградили?!

– Нет.

– Как же нет? Смотри, что дальше написано.

А на 99-й странице чёрным по белому было написано: «... Военный совет Западного фронта от имени Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу награждает более 300 воинов дивизии. Среди них орденом Ленина были награждены капитан Н. Т. Уральский, сержант В. Е. Суворов, младший сержант И. Я. Савиных...»

– Нет у меня ордена, не получал...

– Значит, получишь, Иван! – воскликнул сержант Хамзин и ободряюще хлопнул товарища, державшего в руках книгу «Ратный подвиг», на обложке которой на фоне огненно-багрового неба вели огонь легендарные «катюши», по плечу. – Будет время, полистаешь... – сказал сержант и ушёл на свой пост.

Пришло время обеда, но в столовую Иван Савиных не пошёл: снова стал листать книгу, пытаясь отыскать нужное место, и наконец-то нашёл: «... На командном пункте 131-го стрелкового полка, которым командовал полковник Н. Г. Докучаев, нам рассказали, как стойко держались на этом участке бойцы. Наводчик противотанкового орудия батареи ПТО младший сержант Иван Яковлевич Савиных, отражая атаку врага, уничтожил из своего орудия два танка, одну бронемашину и свыше 150 гитлеровцев. Но гитлеровцы продолжали атаку. Шли пьяные, озверевшие, поставившие на карту всё. Пять бронированных машин устремились на позицию младшего сержанта Савиных. Подбит ещё один вражеский танк, завертелся на месте и вспыхнул второй. Но враг не унимался. Вот из-за высоты на большой скорости выскочил бронетранспортёр. Уничтожен и он. С каждой минутой напряже-

ние боя всё усиливается. Нелегко достаётся нашим героям. Ранены ездовой и два бойца из расчёта, убиты лошади. И. Я. Савиных с оставшимися тремя бойцами перетащил орудие на новую позицию: отсюда можно вести огонь прямой наводкой. И они вели его до тех пор, пока атака врага не была отражена...»

Прочитал скудные строки воспоминаний, а перед глазами, как на экране, разворачивалась картина другого боя. Стал вспоминать... Рота, которой было придано их противотанковое орудие, выполняла важную задачу – прикрывала отход части на новый оборонительный рубеж. Командовал расчётом сержант Лыков, он коротко объяснил ситуацию и поставил задачу.

Атаки ждали к утру. Огневую позицию решили оборудовать в сарае, в самом центре села. За ночь замаскировали орудие. В стене сарая сделали отверстие для ствола, а впереди – вал из земли.

Как только рассвело, немцы действительно пошли в атаку. Лыков тогда насчитал четыре танка и две бронемшины, что двигались прямо на село, а значит, и на них. «Арифметика простая, – подумал наводчик Иван Савиных, глядя в панораму прицела, – четыре пушки и четыре пулемёта немцев против одной нашей пушки, но у нас преимущество: мы их видим, а они нас – нет!»

Один из четырёх фашистских танков был немного впереди остальных. Он и стал первой целью. Первый снаряд, выпущенный по нему из орудия, угодил в ходовую часть танка, и тот замер на месте. Остальные танки тоже остановились, а потом и вовсе убралась за высотку, боясь быть подбитыми, так и не определив, откуда был произведён губительный выстрел. Первая удача окрылила орудийный расчёт: каждый горел желанием снова и снова уничтожить врага.

Противник в этот день ещё не раз предпринимал попытки продвинуться вперёд, но все они были пресечены метким огнём артиллеристов сержанта Лыкова.

К ночи бой утих, а с рассветом фашисты снова пошли в атаку.

Густые цепи немцев стремительно приближались к нашим позициям. Расчёт выкатил пушку на прямую наводку. Панорама была им не нужна: орудие било осколочными по наступающим фашистам в упор. Запас боеприпасов таял, счёт выпущенных по врагу снарядов исчислялся уже десятками. Когда в казённый был загнан последний – немцы отступили, но около сотни темнеющих бугорков остались лежать на нашей земле неподвижно...

Тогда, суровой осенью 1941-го, танковые лавины Готта и Хюпнера докатилась до Волоколамска. Войска группы «Центр», сформированные из отборных танковых и моторизованных частей, рвались к столице, близилась к победоносному концу операция «Тайфун». В её благополучном исходе там, в Берлине, никто не сомневался: казалось, было учтено всё. Но одно всё же не учли: мужество и стойкость советских людей, защищавших родную землю. Именно в тех местах, под Волоколамском, родились знаменитые слова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!». Именно так думал и наводчик противотанкового орудия сибиряк Иван Савиных, именно так он и поступал, сдавая экзамены на стойкость в боевом крещении под Волоколамском, действуя на Истринском направлении.

После смены Ивану Савиных пришлось задержаться в красном уголке: попросил остаться замполит. Туда же пришёл и сменившийся с поста Евгений Хамзин. Он широко улыбался, указывая остальным на Ивана Яковлевича, и восторженно говорил:

– Вот он, наш Иван-то! Наш герой! Если б не книга... Ай да Иван!..

Когда все собрались, замполит пригласил начальника изолятора подполковника Григория Андреевича Олифиренко. Все вместе поздравляли коллегу, тот скромно отмалчивался.

– Как же так вышло? – поинтересовался он у Ивана Яковлевича.

– Да кто ж его знает? – ответил он, пожимая плечами. – Вызывали после того боя в штаб. Вроде заполняли наградной лист. А потом время шло, шло, а ордена не было. Ну нет, значит нет. Не за ордена воевали...

Схватки у подмосковной деревушки левее Волоколамского шоссе. Сражение под станцией Манихино... Тяжёлое ранение, после которого в частимогли потерять его следы, когда он, раненый, в декабре 1941 года попал в госпиталь. И снова бои... А сколько ещё их было потом горячих, ожесточённых, а порой трагических, но орудие, которое на врага наводил Иван Савиных, продолжало вести огонь по захватчикам, пока не докатилось до самой Германии.

О книге, об ордене и о подвиге в следственном изоляторе скоро узнали все. Замполит майор Виктор Бакаев написал в издательство: рассказал о Савиных и попросил сообщить о нём автору книги. Через некоторое время от генерала Белобородова пришло письмо. Он известил боевого товарища, что направил запрос в Главное управление кадров (ГУК) Министерства оборо-

ны СССР. Спустя несколько недель Иван Яковлевич получил ещё одно сообщение, на этот раз из областного военкомата, где говорилось, что ГУК подтвердило наличие в их архивах наградных документов в отношении наводчика противотанкового орудия младшего сержанта Ивана Яковлевича Савиных. Орден Ленина, которым тот был награждён, действительно значился невручённым.

А потом небольшую по формату, но ценную по содержанию книгу генерала армии Афанасия Павлантьевича Белобородова «Ратный подвиг» читали и сослуживцы, и друзья, и знакомые Ивана Яковлевича. Словом, все те, кто знал его, как простого человека и надёжного товарища. Особое внимание чтению книги, конечно же, было уделено в следственном изоляторе, где проходила службу фронтовик Иван Савиных.

Таким запомнился 1965 год и сослуживцам, и самому Ивану Яковлевичу. Год, когда вся страна праздновала двадцатую годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Многим фронтовикам тогда вручили юбилейные медали «20 лет Победы над Германией». Но не только юбилейной медалью был памятен тот год для фронтовика Савиных: за оборону Москвы в областном военкомате ему вручили высшую награду Родины – орден Ленина.

О том, что награда наконец нашла героя, чуть позже узнал и его командир – генерал армии Белобородов, а узнав, не преминул поздравить своего сослуживца по 78-й, а позднее и по 9-й гвардейской дивизии со значительным событием – с высокой наградой за ратный труд на полях сражений, он тут же отписал ему ответ.

Но больше всего радовались награде в семье. Особенно бурно выражал переполнявшие его чувства семилетний сынишка Вовка. Ещё бы! Папа пришёл домой с новым орденом, который сиял на груди отца рядом с орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Мальчишка, которому предстояло вот-вот сесть за парту первого класса, почти без труда прочёл на нём: «Ленин».

Собственно, даже если бы и не было этих пяти букв, мальчишка всё равно понял бы, что это и есть тот орден Ленина, о котором вот уже столько времени говорил его отец. Ведь с ордена, обрамлённого колосьями золотистой пшеницы, смотрел человек, с которым он познакомился ещё в детском саду. Как и все ребята, он называл его запросто – «дедушка Ленин».

Иван Яковлевич смотрел на сына и думал, что в те незабываемые дни 1941-го он, как и все, жестоко бился с фашистами, отстаивал не только столицу нашей Родины – Москву, но и счастливое детство Вовок и Валериков, Танечек и Валечек, Ванюшек и Васильков... И знаменательное в его жизни событие приобрело ещё большее значение.

После окончания войны Иван Савиных остался в Германии, где ещё четыре с лишним года продолжал службу, но уже в должности дежурного помощника начальника тюрьмы Эрфуртского Окружного отдела Советской военной администрации, охраняя военных преступников нацистского Рейха, осуждённых Нюрнберским военным трибуналом.

Но когда-то войну всё равно надо было заканчивать, возвращаться к мирной жизни, возвращаться домой. Новым местом жительства Иван Савиных выбрал Новосибирск. Однако кардинально менять образ жизни не собирался, а, начиная с 1951 года, продолжил службу, но теперь уже в системе МВД, в следственном изоляторе № 1. В дополнение к имевшимся у Ивана Яковлевича 10 годам службы (6 лет в армии и 4 года в органах госбезопасности) он ещё прибавил 20 календарных лет в должности старшего надзирателя.

За время службы в следственном изоляторе орденосец Иван Савиных был награждён медалями «За безупречную службу» трёх степеней, неоднократно поощрялся руководством учреждения за добросовестное отношение к службе.

Всё это время ветеран ВОВ активно занимался общественной работой, воспитанием подрастающего поколения в духе патриотизма. В семейном архиве его сына – полковника внутренней службы в отставке Владимира Ивановича Савиных до сих пор хранятся ордена и медали отца-фронтовика, среди которых тот самый, «временно потерянный» орден Ленина, орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» и другие юбилейные медали. Есть в архиве и не менее ценные реликвии – письма школьников.

Сейчас, по истечении длительного периода, невозможно установить ни авторов этих по-детски трогательных писем, ни школ, в которые приглашали фронтовика Ивана Савиных. Но (со слов его сына) доподлинно известно, что отец всегда откликался на их просьбы: встречался с ребятами. Выступая перед ними, он

делился воспоминаниями о войне, которую начал под Москвой, а закончил в логове фашистского зверя – в Берлине.

Однако последствия тяжелого ранения, полученного Иваном Савиных в боях под Москвой, всё чаще и чаще давали о себе знать. Службу, которой было отдано 30 лет жизни, по состоянию здоровья пришлось прервать. В 1970 году Иван Яковлевич ушёл на пенсию.

Два года он ещё занимался воспитанием сына, вёл скромное домашнее хозяйство, а в конце 1972-го орденосца Ивана Савиных не стало: болезнь, будь она неладна, взяла верх.

Но память о мужестве и отваге наводчика противотанкового орудия Ивана Яковлевича Савиных жива и сегодня. Его фотографии, многочисленные статьи о нём являются достоянием истории и занимают почётное место на стендах музея истории следственного изолятора № 1. И мы, сотрудники ГУФСИН России по Новосибирской области, никогда не забудем нашего коллегу – Ивана Яковлевича Савиных, скромного, честного человека и настоящего Героя!

Филичкин Александр Тимофеевич

Родился в 1955 году в Баку, Азербайджанская ССР. В 1967 году переехал в Россию, в город Самару.

В 1978 году окончил строительный институт. Сейчас работает архитектором.

С 2014 года издано более тридцати его рассказов, повесть «На Дальнем Востоке», роман «Разведчик, штрафник, смертник».

Искренне благодарит Григория Павловича Степанова, чья история описана в присланном на конкурс рассказе «Штурм крепости».

ШТУРМ КРЕПОСТИ

Лишь когда штрафники выдвинулись на исходный рубеж, им сообщили о предстоящей задаче. Выяснилось, что на долю их соединения выпало смертельно опасное испытание. Главной целью атаки оказалась высокая сопка, находившаяся перед ними. Солдаты непроизвольно привстали и осторожно выглянули из окопов. В непроглядной тьме Григорий с трудом рассмотрел огромный холм с чрезвычайно крутыми склонами. Вдобавок ко всему оказалось, что это природное образование основательно обустроено противником.

За долгие годы японской оккупации тысячи китайских крестьян трудились здесь не покладая своих рук. Благодаря их рабскому труду естественная возвышенность изменилась и превратилась в мощные оборонительные позиции. К этому необходимо добавить вражеский гарнизон, который надёжно укрепился в бетонных казематах.

Хмурый командир коротко сообщил солдатам:

– Этот холм находится у перекрёстка стратегически важных дорог и контролирует всю местность. С макушки этой высоты, – лейтенант ткнул пальцем за спину, – простреливается территория, лежащая вокруг. Поэтому нам необходимо отбить у врага позицию и открыть путь нашим войскам вглубь страны.

На этом инструктаж кончился, и бойцы разошлись по местам. Всё стало ясно. Выполняя приказ, штрафники должны были

вступить в ночной бой. Ввязаться в смертельную битву, которая наверняка окажется последней для большинства солдат. Григорий выглянул из окопа и со страхом посмотрел вперёд.

Японская крепость нависала над округой и, казалось, не давала шанса на победу. Идти с автоматами против пулемётов и орудий, укрытых в толще горы, было форменным самоубийством. Единственным утешением было обещание командования произвести артобстрел перед началом атаки.

Парень присел на корточки и стал ждать сигнала, до которого оставалось совсем немного. В это время в окопах первой линии началось непонятное шевеление. Григорий повертел головой и увидел, что к нему приближается незнакомый солдат с автоматом. За ним, сильно пригнувшись, двигались ещё двое. В руках они тащили стандартную армейскую флягу, в которой на позицию обычно доставляли горячую пищу. Запыхавшиеся бойцы остановились в двух шагах и поставили свою тяжёлую ношу на землю. Один из них повозился с замком и откинул вверх круглую крышку. По окопу мгновенно разнёсся сивушный запах низкосортной водки.

– Сучок принесли, – удовлетворённо хмыкнул Григорий, – сто граммов наркомовских перед атакой.

Второй солдат достал из-за пазухи алюминиевый мерный стаканчик, прикреплённый к длинной ручке.

– Точно такими же, только ёмкостью в один и в пол-литра, разливают молоко в городских магазинах, – невольно вспомнил парень довоенное время. От тоски по прошлому сильно защемило сердце.

Учуяв знакомый запах, штрафники завозились. Скинули на землю сидоры и принялись развязывать затянувшиеся лямки. Григорий тоже достал из мешка мятую солдатскую кружку и стал в очередь к фляге. Разливающий драгоценную влагу солдат привычно опускал мерную тару внутрь ёмкости. Зачерпывал водку и шустро вытаскивал наружу.

Очередник подставлял кружку и «огненная вода» выплескивалась на дно посуды. Всё делалось быстро и чётко. Получивший свою порцию боец отходил в сторону. Шумно выдыхал и залпом выпивал лекарство для храбрости, предписанное славным наркомом. Тем временем на его место вставал следующий жаждущий. Пока виночерпий разливал напиток, два других солдата следили, чтобы никто не попытался стать в очередь во второй, а тем более в третий раз. После такой дозы, да ещё и без закуски, не то что воевать, даже двигаться будет уже неохота.

Проглотив скромную порцию, Григорий скривился от мерзкого вкуса. Убрал кружку в сидор и вернулся на место. Рядом сидел на корточках незнакомый штрафник и втихую смолил самокрутку, спрятав крохотный чинарик в кулаке.

– Хорошо, да мало! – угрюмо процедил боец. – Дали бы перед атакой хотя бы ещё по сотке.

На этом разговор увял. Выпитая водка растеклась по телу, и страх немного отступил: «Даст Бог, выживу», – подумал Григорий и посмотрел на японскую крепость.

Меж тем бойцы закончили раздачу. Закрыли крышку и потащили неудобную ношу во вторую линию.

В назначенное время из глубины территории, занятой Красной Армией, послышался залп сотен дивизионных орудий. Тяжёлые снаряды плотной тучей вылетели из темноты и яростно обрушились на предполье вражеских укреплений. В следующий миг раздались громopodobные взрывы, от которых земля содрогнулась на километры вокруг.

Шум продолжавшейся канонады перекрылся грохотом срабатывающих зарядов и визгом разлетающихся осколков. В воздух взвились огромные массы каменистой почвы, и вся поверхность степи покрылась великим множеством глубоких воронок. Смертоносный вал из раскалённого железа ни секунды не стоял на месте. Он двинулся вперёд и быстро проутюжил нейтральную территорию. Заложенные противником ловушки сгорели в бушующем пламени, и заградительные минные поля перестали существовать.

Затем полоса обстрела шагнула дальше и огненной волной прокатилась по широкому полю. Переместилась на подошву сопки и стала подниматься на крутые склоны холма. Мощные фугасы падали с неба так же часто, как валуны во время камнепада. Их ужасающий свист превратился в сплошной непрерывный вой, раздирающий душу.

Обстрел предполья, наконец, кончился, и оглушающий грохот разрывов отдалился. Парень приподнялся на ноги и осторожно выглянул из окопа. Теперь смертоносные фугасы сыпались прямо на оборонительные укрепления и перемальвали их в мелкую крошку.

По всей видимости, вражескому гарнизону стало не до несения караульной службы. Спасая жизнь, они прекратили наблюдение

ние за окружающей местностью и бросились в подвальные этажи казематов. Этим обстоятельством и воспользовался командир штрафного батальона. Он огляделся по сторонам и отдал приказ:

– Ползком, вперёд!

Передаваясь от одного бойца к другому, команда пробежалась в оба конца траншеи. Затем вернулась обратно, и стоявшие по бокам солдаты сообщили, что все готовы. Капитан подождал ещё полминуты и, плотно прижимаясь к земле, вылез на бруствер. Закусив губу от напряжения, Григорий последовал за офицером. Вместе с ними выбрались остальные бойцы. Растянулись плотной цепью и по-пластунски двинулись в сторону крепости.

Ещё сидя в окопе, парень намотал на левую руку ремень автомата и крепко обхватил его пальцами за цевьё. Сейчас он полз вперёд и, чтобы немного отвлечься, сосредоточил всё своё внимание на оружии. Он изо всех сил старался держать его так, чтобы песок не попал на затвор и тем более в ствол. Любая песчинка, попавшая внутрь, могла заклинить механизм и превратить ППШ в кусок металла.

Ориентируясь на соседей справа и слева, он двигался вперёд и с ужасом наблюдал за огненным адом, который бушевал на вершине неприступных укреплений. Глубоко перепаханная снарядами, рыхлая поверхность земли сильно мешала перемещаться по некогда ровному полю. Постоянно нужно было то съезжать на животе в глубокие дымящиеся ямы, то карабкаться наверх, увязая в рыхлой почве. Причём все время приходилось следить за соседями, чтобы не вырваться вперёд или не отстать.

Пока артиллерия продолжала обстрел сопки, солдаты подтянулись к подошве холма. Укрылись в воронках и замерли. Не успел Григорий передохнуть, как артподготовка кончилась, и над степью повисла совершенно невероятная тишина.

В следующий миг в небо взвилась красная ракета, и, подчиняясь сигналу, штрафная пехота рванулась вперёд. Вместе со всеми парень выскочил из воронки и что есть сил побежал в гору. Так же, как много раз на учебном полигоне, ему опять пришлось торопливо карабкаться по крутому склону. Бесконечно длинный косогор уходил к небу под углом градусов сорок, никак не меньше.

Никто из штрафников не кричал ни «Ура!», ни тем более «За Сталина!» и прочие благоглупости, про которые пишут в советских газетах. Всем атакующим было сейчас не до этого. Каждый из них старался не привлекать к себе внимания противника и как можно дольше сохранять ровное дыхание.

Меж тем японцы уже пришли в себя. Быстро вылезли из казематов и обнаружили, что их крепость атакуют какие-то силуэты, взбирающиеся к вершине сопки. Раздался гортанный самурайский вопль, и в ночной воздух взвились осветительные ракеты.

Местность вокруг залило яркое сияние. Привыкшие к темноте глаза резануло вспышкой света. Атакующие солдаты на миг ослепли, но даже не приостановили свой бег. Последовала новая команда, и с вершины ударили из всего, что только может стрелять. Следом полетели ручные гранаты и раздались глухие взрывы. Вокруг головы Григория засвистели осколки и пули.

Парню показалось, что это подстегнуло бойцов. Так же как и он, соседи справа и слева не остановились, а буквально помчались вперёд. Их тёмные фигуры то появлялись, то исчезали в облаках пыли, висевших в ночном воздухе. То один, то другой из них падал на землю и уже не вставал. Никаких других дум, кроме мысли о том, что нужно как можно быстрее бежать наверх, ни у кого не было.

Всё остальное внимание оказалось занято лишь одним, очень важным действием: следить только за тем, куда поставить ноги, чтобы не оступится на острых камнях, не подвернуть ступню и не упасть. К тому же боец сразу потерял всякое представление о времени. Ему казалось, что он уже много часов лезет по крутому склону.

В течение этого весьма странного, с одной стороны – монотонного, а с другой – очень стремительного движения он потерял свою каску. Что-то громко взвизгнуло возле уха, и толстый кожаный ремешок оказался перерублен острым, как бритва, осколком. Горячий металл полосонул по щеке, и из глубокого пореза побежала струйка крови.

В следующий миг шальная пуля ударила в навершие шлема. Тяжёлый колпак съехал на затылок и слетел с головы. Упал на спину, свалился на землю и укатился по склону. Времени на то, чтобы посмотреть, куда он делся, у парня не было, и он продолжил почти на четвереньках взбираться на косогор.

Наконец Григорий добрался до первой линии вражеских укреплений. Поудобнее перехватил оружие, перевалился через бруствер и спрыгнул на дно окопа. В тот же миг из-за поворота траншеи выскочил здоровенный японец. Парень начал поворачиваться к нему и понял, что не успевает. Время опять затормозило и потекло словно загустевшая краска.

Ужасаясь своей неторопливости, штрафник нестерпимо долго пытался встать лицом к врагу. Меж тем к нему, как в замедленном фильме, плавными скачками летел самурай. Как показалось бойцу, росту в нём было не менее двух метров, а весу больше центнера. В правой руке верзила держал карабин, а в левой была зажата противопехотная граната.

Наполненная тротилометаллическая банка прочно сидела на длинной деревянной ручке. В следующий миг она взметнулась вверх и с невероятной силой обрушилась на голову запыхавшегося бойца. От мощного удара по черепу у парня поплыло перед глазами. Последнее, что он помнил, было инстинктивное движение указательного пальца правой ладони.

Автомат задёргался в руках и выплюнул в сторону врага короткую очередь. Несколько пуль впились в грудь противника и отбросили громилу назад. Он ударился спиной о бетонную стенку, упал на бок и практически оказался за поворотом траншеи. Граната, которую он держал в руке, взорвалась, и из-за угла выметнулся клуб дыма. Затем свет померк, и красноармеец провалился в небытие.

Когда Григорий пришёл в себя, то почувствовал, что лежит на спине и его то покачивает, как на волнах, то трясёт, словно в телеге. Он попытался приподняться на локтях и осмотреться. Единственное, что смог понять, было то, что его куда-то несут на носилках. Затем сильнейшая слабость охватила всё его тело, и он без сил откинулся на брезентовое полотнище.

Через какое-то время он очнулся во второй раз и увидел, что находится в палатке медсанбата. Там его осмотрели полевые врачи. Признали травму очень серьёзной и направили в прифронтовой госпиталь. Вместе с другими ранеными бойца погрузили в кузов полуторки и повезли в тыл.

К тому времени, когда Григорий добрался до места, он несколько оправился от удара. Первым делом парень попросил у медсестёр бумагу и химический карандаш. Ничуть не удивлённые просьбой бойца сестрички принесли писчие принадлежности. Преодолевая головокружение, он с трудом сел на кровати и написал несколько писем.

Это простое, но весьма важное для него событие произошло с ним впервые за последние три года войны. Первым делом парень написал своей зазнобе на Украину. Следующее послание ушло к матери в деревню.

От удара гранатой по голове на черепе Григория осталась довольно значительная вмятина. С правой стороны, прямо над ухом, у него образовалось такое обширное углубление, что все врачи удивлялись тому, что боец ещё жив. Однако ничего не проходит бесследно, и у красноармейца начались головные боли. Они были так сильны, что медики не смогли ничего поделать и отправили раненого в госпиталь, расположенный во Владивостоке.

По приезде в краевую столицу парень узнал, что его уже ждёт несколько писем от родных и знакомых. Из первого послания он с огромной радостью узнал очень хорошие новости. Выяснилось, что его любовь, Мотя Савченко, ждёт не дожждётся Григория. К счастью, его мать тоже была жива, вполне здорова и ждала возвращения сына.

В связи с тем, что Григорий был ранен, он уж не числился бойцом штрафного батальона. По тогдашним законам считалось, что он уже искупил кровью свою вину перед Родиной и полностью реабилитирован. Поэтому врачи госпиталя вплотную занялись парнем и провели массу исследований. В конце концов napravили на рентген и нашли у него обширное затемнение в лёгких, которое он, видимо, заработал в фашистских концлагерях.

Через месяц он немного оправился от ранения и был выписан из госпиталя. Получил в комендатуре проездные документы и отправился домой. В деревню к своей матери. На этом Великая Отечественная война для Григория кончилась.

Марина Елена Владимировна

Родилась в 1962 году в городе Заречном Пензенской области. С 1963 года проживает в Ярославле. Окончила Ярославский государственный медицинский институт по специальности педиатрия. 10 лет работала врачом-педиатром.

С 1998 года и до сих пор трудится корреспондентом в областной газете «Здоровье». Совмещает должности корреспондента, фотографа и художника. Интересуется историей здравоохранения своего региона. С 2011 года является членом Ярославского отделения Союза журналистов России.

В составе редакции и лично участвовала в региональных и федеральных творческих конкурсах, неоднократно входила в число призёров.

ВОЙНА И МИР ДОКТОРА ШАЛЫГО

*В афганской войне (1979 – 1989 гг.)
участвовали 2500 ярославцев.*

*Из них 67 человек погибли,
1 пропал без вести, 21 стал инвалидом.*

Каким должен быть защитник? Надёжным, мужественным, великодушным. Такое впечатление произвёл на меня доцент кафедры психиатрии Ярославской государственной медицинской академии Николай Владимирович Шалыго. Поводом для встречи стали 23 февраля и 25-летие со дня вывода советских войск из Афганистана, участником тех событий был и мой собеседник.

«Военная служба шла своим чередом. Мы, пограничники, охраняли рубежи страны. Я уже был старослужащим, считал дни до дембеля, готовил альбом и парадную форму для возвращения домой. Но пришёл приказ – оказать помощь братскому афганскому народу, и мы его выполнили», – рассказывает Николай Владимирович.

25 декабря 1979 года перешли реку Пяндж и вошли на территорию Афганистана. Так началась десятилетняя военная операция,

а рядовой Шалыго оказался одним из первых воинов-интернационалистов.

Воевать на Памир отправили пограничников, которые уже адаптировались в непривычных для русского человека условиях высокогорья. Как вспоминает сегодня Николай Владимирович, на горную Ошскую заставу (3200 метров над уровнем моря) к месту службы их поднимали постепенно, в течение месяца. Иначе из-за сильно разреженного воздуха начинались проблемы со здоровьем даже при незначительных усилиях, например, человек задыхался после того, как завязал шнурки на ботинках.

Из солдат заставы сформировали сводный боевой отряд, который выполнял военные операции. Его бойцы ликвидировали банды и возвращались, никого не оставляя на чужой земле – ни раненых, ни погибших, так как официально войны не было. Сколько лет прошло, но до сих пор обидно доктору, что после объявления «мирной» операции с бойцов сняли форменные знаки отличия. «Наш род войск был элитой Советской армии, куда отбирали очень строго, самых лучших, крепких и здоровых парней. А пришлось ходить без погон», – и сегодня переживает Николай Владимирович.

– Для нас, жителей средней полосы России, Афганистан – страна экзотическая. Чем она запомнилась? – спрашиваю своего собеседника.

– Перешли границу и как будто попали в средние века. Нищета страшная, грязные оборванные крестьяне в деревянных башмаках пахнут клочок земли деревянной сохой на быках. Но молитвы слушают по японским магнитофонам, каких мы и в глаза не видели. Днём местный житель выглядит несчастным, низко кланяется, улыбается, стук его деревянной обуви слышен за 200 метров. Но наступает ночь, и он достаёт заранее спрятанную винтовку, идёт убивать наших ребят, становясь невидимым и неслышимым. А у нас приказ – мирное население не трогать. Если знали, что на

Во время учений на погранзаставе

пути отряда есть женщины и дети, обходили такие посёлки стороной, нередко в ущерб себе.

До призыва в армию Николай Шальго успел окончить Кимрское медицинское училище, поработать фельдшером. В этой же должности он выполнял боевые задачи наравне со всеми, от остальных воинов отряда отличаясь только медицинской сумкой. Мешала очень, а пользы было не слишком много, потому что лежали в ней лишь бинты, жгуты и шприц-тюбики с обезболивающим средством. «Пока дождёшься вертолётa, с которым отправляли раненых в госпиталь, криков и стонов наслушаешься! О наркотиках или спиртном тогда, в начале войны, и речи не шло», – вспоминает Шальго.

Летом 1980 года он вернулся домой. И снова полная секретность. О том, что было, разрешили рассказывать только лет через пять. В мирной жизни сохранил свою потребность помогать людям, поэтому решил стать врачом. Поступил в Ярославский государственный медицинский институт. С отличием его окончил. Стал ординатором кафедры психиатрии в родном вузе, защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента. Теперь лечит людей, страдающих эпилепсией, используя новые медицинские методики.

– Почему выбрали такую специальность, ведь вести больного эпилепсией – дело сложное?

– Вы неправы. С появлением современных методов лечить это заболевание стало гораздо проще, полного избавления от судорог удается добиться у 70 – 80 процентов пациентов. У оставшихся приступы случаются намного реже и протекают легче, чем раньше. Люди живут полноценно, без каких-либо ограничений.

Война в Афганистане пришлось на моё поколение, немало знакомых и тех, с кем училась, получили ранения или погибли. Была ли в ней необходимость? – не перестаю задаваться вопросом, как и многие. Об этом же спросила Николая Владимировича.

– В восьмидесятые годы был уверен, что это правильно. Позже пришли сомнения. Но сейчас, лучше понимая расстановку политических сил в то время, прихожу к выводу, что, наверное, всё-таки в тот момент иначе было нельзя. К тому же именно в боях я приобрёл надёжных друзей, с которыми не расстаюсь и сегодня.

Доктор Шальго активно занимался общественной и профсоюзной работой, участвовал в создании организации воинов-интернационалистов в Ярославской государственной медицин-

ской академии. И сегодня поддерживает семьи друзей-афганцев, способствует лечению и реабилитации участников тех событий. Не может оставаться равнодушным к чужой беде, жить для людей – потребность его души.

Охотно рассказывая о других, Николай Владимирович скромно промолчал о своих заслугах. А ведь он удостоен боевых медалей «От благодарного афганского народа» и «За ратную доблесть», грамоты Президиума Верховного Совета СССР в 1988 году. Как общественник, награждён грамотой ЦК профсоюза медработников. Его работа как врача-психиатра высшей квалификационной категории, кандидата медицинских наук, автора 27 научных работ, опытного преподавателя отмечена знаком «Отличник здравоохранения».

Однако в солидном жизненном багаже доктора никогда не сотрётся из памяти то время, когда он – молодой пограничник – с оружием в руках защищал рубежи Отечества.

Доктор Н.В. Шалыго

Мусаткина Анастасия Вадимовна

Родилась в Казани в 1995 году. Детство провела на Дальнем Востоке. Вернулась в Казань в 2000 году. С отличием окончила музыкальную школу. После 11 лет гимназии поступила в Казанский федеральный университет, где и продолжает обучение в магистратуре.

Свободное время посвящает литературному и художественному творчеству.

ЖИВИ И ПОМНИ

«Живи и помни», – постоянно повторял себе Менаше Зильбер на протяжении семидесяти лет, с тех самых пор как был спасён бойцами Красной Армии из Освенцима. Голод, холод, боль и унижение пришлось вытерпеть этому простому, ничем не выделяющемуся из толпы – как до войны, так и после неё – человеку. Но разве это было важно для того, кто выжил? Для взявшего на свои плечи жизни тех, кто был слабее, кто не сумел выдержать пыток лагерей. Разумеется, нет. Не это было важно, но это было непонятно другим: как можно спать при включённом свете, бояться заходить в кабинеты врачей, словно уже никогда оттуда не вернёшься...

«Живи и помни» – слова, которые заключённый за номером 852-964 повторял каждый божий день, находясь в Освенциме и провожая взглядом очередного «отмучившегося», которого могли нести на носилках, тащить за руку, за ногу или вовсе за волосы. Конечно, если они у него оставались... Доктор Менгеле, который коршуном ходил по их блоку, редко оставлял хоть что-то человеческое от своих подопытных «мышек». Именно поэтому те, кого вызывали «на осмотр», мысленно и взглядом прощались с остальными. Очень немногие могли рассчитывать на обратный билет.

Менаше помнил каждого, с кем встречался тогда хотя бы единжды, а тех, с кем разговаривал, – постоянно видел внутренним взором. Вот малышка Джалила, ей всего четыре года. Её забрали

сюда только потому, что она родилась в еврейской семье. И забивали камнями по той же причине. Так объяснили заключённым, хотя они знали правду: надзирателям просто было скучно. А вот Саша и Женя, близнецы. Их нашли в каком-то военном госпитале. У них было слабое здоровье, но, несмотря на это, их сразу же отправили на фабрику грузчиками. Там же, на фабрике, их и придавило ящиком, который один из надзирателей «случайно» столкнул с высоты. Что с ними стало – никто не знает, но живыми их больше не видели. Зимой надзиратели выводили людей на улицу, обливали ледяной водой и заставляли бегать кроссы по несколько часов кряду, наблюдая, как те спотыкаются и падают. Некоторых поднимали пулемётной очередью, а тех, кто был не в силах подняться, забивали прикладами, вынуждая остальных ступать босыми ногами по стремительно остывающим костлявым трупам.

Много раз Менаше чудом удавалось избежать врачей, уходить от серьёзных увеселений надзирателей, но летом 1943 года он стал одним из подопытных в очередном эксперименте Менгеле: превращении еврея в истинного арийца, вернее, доказательстве невозможности этого. Тогда рядом с ним была истощённая девушка Хава, которая его, ещё молодого, двадцатичетырёхлетнего Менаше, поддерживала и по-своему успокаивала. Именно с ней он тихо перешёптывался, когда после инъекции голубого красителя боль ещё не затуманивала разум или же когда после этих уколов темнота подступала к нему слишком быстро и близко. С ней он делил свой скудный завтрак, обед и ужин – если их давали, конечно, – и с ней же мечтал о том времени, когда их освободят. Да, с появлением Хавы в его жизни он впервые познал болезненную первую любовь, с её же появлением начал надеяться на то, что у них может быть будущее, что они не умрут здесь, в этом проклятом лагере. Вот только кто знал, что эта любовь принесёт им ещё больше страданий...

Так получилось, что Хава вошла в эксперимент по стерилизации женщин, но ведь перед стерилизацией нужно было, чтобы она была беременной, иначе как узнать, что всё прошло успешно?.. Забеременеть, чтобы потерять ребёнка. И попытаться забеременеть вновь под чутким руководством доктора.

Менаше, которого заставили на глазах у этих чёртовых врачей изнасиловать несчастную девушку оба раза – до стерилизации и после, потерялся на время в пространстве, но сумел вовремя вернуться в себя, чтобы не быть отправленным туда, к стене смерти или же «в баню», как это называли немцы. Он сумел, а вот Хава

этого сделать, увы, не смогла. И, так как проводили опыты ещё и по психологическому истощению, именно его и ещё нескольких человек отправили собирать вещи в «предбаннике», чтобы после передать нацистам. Кто-то действительно думал, что их ведут мыться – да и мудро ли не думать об этом, когда водных процедур тут как таковых не было, а если и были, то крайне редко. Вот только Менаше, видя приготовления их надзирателей – мотоциклы на улице, множество железных банок «Циклона-Б», понимал и знал, что это не так. Сколько раз уже за время его нахождения здесь они слышали «пение смерти»? Это видела и истощённая Хава, потерявшая и одновременно имеющая желание жить. Поэтому, когда она отдавала свои вещи Менаше, на прощание сказала ему всего два слова: «Живи и помни».

Их было четыре сотни человек, отправленных в эту «баню». Мужчины и женщины, старики и дети. Все они погибли в адских муках, и даже ревели во всю мощь немецкие мотоциклы не могли заглушить той «песни», что вырывалась из груди умирающих. Менаше навсегда запомнил тех, кто ушёл за ту страшную дверь. Он будто взял все их надежды и чаяния на себя и дал обещание: во что бы то ни стало выжить, выжить в этом аду и прожить жизнь за всех них. Поэтому, когда 27 января 1945 года пришли советские солдаты и закончили их мучения, Менаше плакал, как никогда в жизни. Выжил. Он действительно выжил в этом аду и вышел из него победителем, ведь он не сломался, он не отчаялся.

Долгая реабилитация, работа на фабрике грузчиком – несмотря на образование, устроиться куда-либо ещё было проблематично. Виной тому было не столько то, что его зрение было сильно посажено после эксперимента Менгеле по смене цвета глаз с карего на голубой, сколько то, что он был заключённым Освенцима. Даже после выхода за его стены лагерь преследовал своих «жителей» в кошмарах и в жизни, отравляя все их возможные радости. Впрочем, Зильбер не отчаивался, ибо никогда не стремился к высоким должностям. Была бы работа, крыша над головой, горячая еда и тёплая постель, и на том спасибо. Спустя какое-то время он смог открыть своё сердце для новой любви в лице Зины Гарифьяновой, с которой счастливо прожил сорок лет и нажил дочку Лёлю.

Когда ему было семьдесят, Зина его покинула – рак груди последней стадии. Лёля уже вышла замуж и сама обзавелась детьми, правда, внуков Менаше всё равно видел не часто. То ли его дочь стеснялась чего-то, то ли по какой-то иной причине, но с отцом она

старалась не встречаться. Менаше горевал по этому поводу и вместе с тем радовался: зачем молодой и красивой женщине с детьми тратить своё время на практически незрячего старика? Тем более Лёля у него была самостоятельная, да и деньгами всегда помогала и чем другим при необходимости. Да, хорошая у него была дочка. Вот только даже ей он не рассказывал о тех ужасах, что пережил, и какую страшную первую любовь в своё время ему довелось испытать, хотя она и допытывалась в ранние годы. Боялся напугать её? Нет, боялся, что проснётся и окажется вновь там, за теми холодными и страшными стенами, за которыми гогочут надзиратели и развлечения ради кидают оголодавшим заключённым мёрзлую бруснику через колючую проволоку, наблюдая за метаниями отчаявшихся людей.

Годы шли, трагедия Освенцима и самой войны стала забываться. Было мирное время. Настолько мирное, что кто-то начал забывать даже то, что сама война вообще была. Менаше... бедный Менаше. Он порой со страхом выглядывал из своей квартиры, прислушиваясь к голосам людей... А вдруг он снова услышит немецкий говор? Вдруг здесь по собственной воле люди устроят себе свой собственный Освенцим?.. Но нет, немецкого говора не было слышно, и люди продолжали мирно жить, всё реже и реже вспоминая о страшных датах истории. Менаше не обижался на них, но чувствовал, как вместе с этими воспоминаниями день за днём по-настоящему умирают бывшие заключённые концлагерей. День за днём, год за годом те, кого пообещали помнить всегда, уходили в забвение вместе с воспоминаниями, документами, вместе с людьми. Ведь обещавшие помнить их никому больше об этом не рассказывали...

Когда объявили об открытии в Эстонии выставки на тему Холокоста – так теперь называли массовое уничтожение евреев – Менаше понял, что нужно ехать. Возможно, там он увидит опровержение окончательной «смерти» своих товарищей, своей любви? Возможно, там он сможет избавиться от не проходящего в течение всей его долгой жизни страха перед лагерем.

Из-за слабого зрения он не смог разглядеть при входе счастливой надписи «Холокост» на фоне голливудских холмов, не сумел разглядеть и комиксов, а вот видео заинтересовался. Не увидеть, так хотя бы услышать.

– Дочка, скажи мне, о чём это видео?

– А вот вы посмотрите и узнаете всё, дедушка. Одно могу сказать

точно: снято оно в самой настоящей газовой камере. Вам должно понравиться, – с дежурной улыбкой ответила девушка-смотритель, отходя к другим посетителям выставки.

Зильбер растерялся. Как это, снято в настоящей газовой камере? Что там можно снимать ... Да и разве можно? Именно поэтому он примкнул как можно ближе к экрану, старательно вслушиваясь в звуки: босые ноги ударяются о холодный бетонный пол в беге, смеются мужские и женские голоса, раздаются хлопки ладоней по обнажённым телам. Что, что там происходит? Поджилки его затряслись, внутри всё задрожало, и ком в горле начал медленно его душиТЬ.

– Дочка, дочка, подойди сюда, пожалуйста.

– Ну чего вам, дедушка?

– Я плохо вижу, скажи мне, что делают эти люди в камере?

– Они играют в салочки, – обернувшись, девушка крикнула уже дальше: – Эй, мальчик, нельзя трогать экспонаты руками!..

Вокруг Менаше будто бы образовался вакуум, оградивший его от всего мира, а по морщинистым щекам потекли слёзы. «Живи и помни, живи и помни!» – он всегда придерживался этих слов и всегда думал, что окружающие его люди тоже живут по этому принципу. Так почему, почему же эти самые люди, которые обещали помнить тех, кто погиб там, теперь играют среди праха умерших мучительной смертью? Разве они не слышат стонов их боли? Разве в их ушах не звучит та страшная песня смерти, которую не заглушить даже мощным немецким мотоциклом?

Пришедший на выставку пожилой, но всё ещё крепкий мужчина вышел на улицу сгорбившимся, униженным и растоптанным сильнее, чем когда-либо в жизни стариком. Менаше Зильбер, человек, переживший войну, ужасы Освенцима, годы холода, голода, унижений и издевательств, в итоге был убит простым человеческим нежеланием помнить. Ведь это действительно тяжело – жить и помнить всё.

Травникова Нина Петровна

Родилась 25 марта 1952 года в городе Соликамске Пермской области.

В 1973 году окончила филологический факультет Пермского государственного педагогического института. 3 года отработала по распределению в Альняшинской восьмилетней школе. После этого – 35 лет в Половодовской средней школе учителем русского языка и литературы.

С 2009 года на пенсии.

45 лет в браке. 5 детей и 9 внуков.

В свободное время занимается краеведением, туризмом, участвует сама и готовит учеников к участию в литературных конкурсах.

ПРЕКРАСНАЯ СУДЬБА!

Август 1942 года... От Соликамска пешком 18 км до села Половодова (так говорили в войну). Новая двухэтажная школа среди белоствольных берёз... Старенький интернат...

Молоденькой учительнице всего 20 лет. Окончила Соликамский учительский институт и спешит к месту своего назначения...

Однажды она была в этом селе с подружкой. Отец её приехал за девочками на лошади с кашевкой (сани-розвальни), в них тулупы. Поскрипывал под полозьями снег, сладко дремалось в тишине и тепле. Вдруг сани слегка притормозили. «Ба! какой дом красивый, наличники голубые, узорчатые, весь покрашен стоит, как картиночка, ворота старинные!» – подумала тогда Валя. Позднее удивлялась: «Надо же было открыть глаза именно в этот момент! А ведь в этом доме ей было суждено прожить более 70 лет, вырастить с мужем троих детей, схоронить родителей!» Мысли убежали в прошлое...

Прошёл год. Окончила институт. Судьба, видно!.. Она спешит в школу. А 14 августа исполняющий обязанности директора и привёл Валентину Коростий в тот самый дом с кружевными наличниками, который ей запомнился с прошлой зимы. Здесь жила Евдокия Тимофеевна Мелькова с мужем и дочерью Ниной. Сын

Николай служил на Дальнем Востоке. Девушка знала её немного по рассказам ровесниц, которые проходили у неё педпрактику как у передового учителя. Было интересно и немного страшновато – что же впереди?

Так началась жизнь в этом чистеньком уютном доме...

А 15 августа её вызвали в кабинет директора, который ушёл на фронт. Геннадий Константинович Соколов – доброволец, с июня на защите родины. Ей предложили возглавить руководство школой, которую построили в 1937 году перед войной. Двухэтажная, деревянная. Теперь брёвна разошлись, стала она доступна всем ветрам.

Закипела работа: и дети, и взрослые заготавливали мох, конопатили щели, другие колотили нащельники, было тяжело, но весело! К началу учебного года успели!

Новая учительница русского языка и литературы уж очень была хороша собой: корона из кос на голове, черноглазая, тоненькая, как берёзка, быстрая – её каблучки то и дело то стучали по ступенькам лестниц, то по коридорам, то в классах. Надо было думать о заготовке дров для печей на оба этажа. С осени все школьники помогали колхозу. Беспokoили заботы учебные и хозяйственные – шёл второй год войны!..

Сводки с фронта приходили тревожные: в блокаде город Ленина, враг рвётся к Сталинграду...

Вот и снежок выпал... Дворы стали белыми. Невдалеке лес. Сосны, кажется, до самого неба тянутся. Недалеко от школы и интерната – речка Нерестовица. Там лес с обеих её берегов. Бобры хатки строят... А летом – раздолье, ягоды да грибы !..

В школе и интернате дрова колоть надо самим, пилить – тоже, возить на школьной лошадке Зорьке приходится. На ней же и воду в бочке возит Филатыч, завхоз.

Зорьку подарил ребятам сельский совет. Подарил нынешней зимой. Тогда бородатый Филатыч, лоб, щеки и нос у которого полиловели от мороза, а маленькие, по-стариковски блёклые глазки моргали, привязал вожжи к высокому передку саней, ухватил её под уздцы, победно взглянул на толпу ребятшек и с полупоклоном обратился к директору:

– Ну вот, Валентина Афанасьевна, принимай помощницу, зовут Зорькой, дождались мы с тобой, отмаялись!

Она похвалила:

– Это же великолепный конь, вы согласны со мной?

Нестройным хором все согласились, а Филатыч сказал:

– По-нашему, по-деревенскому, это просто кобылка, да ещё жеребая, с приплодом, так сказать...

Нахмурилась, удивлённо глянула на него молодая учительница:

– Ну-у, Филатыч, что за слова при детях!..

Словно оправдываясь, он по-своему проворчал:

– А что слова? Хорошие слова... Кобылка она и есть кобылка. Скоро жеребёночка приведёт, махонького, гривка и вся шерстка у него будут мягонькие, пушистые. Жеребёночки всегда рождаются такими.

Ребятишки, услышав про жеребёночка, счастливо засмеялись... Улыбнулась и Валентина Афанасьевна.

Зорька стала любимицей всего интерната и школы. Дрова, воду возили на ней, ездили в город, на пекарню за хлебом, за почтой... Мало ли дел в хозяйстве!..

Раньше всё это доставляли в интернат и школу с великим трудом на случайных колхозных подводах, а теперь лошадь была своя, и хозяйственные дела у Филатыча пошли веселее.

Валентина Афанасьевна хорошо помнила последний учебный год в институте. Это был 1941 – 1942 год. Родители в Добрянском районе. Трудолюбивую семью Коростий переехало тяжёлое колесо репрессий. Отцу поставили в вину собственную мельницу, пасеку. Из села Наарцызовка в Винницкой области на Украине выслана была семья на Урал.

Младшая сестрёнка Таня училась в школе, а Валя поступила в учительский институт в Соликамске, где училась с любовью, прилежанием, была сталинской стипендиаткой.

Уже в августе 1941 года стали поступать в город раненые. По тревоге студентки должны были спешить на вокзал, когда приходили санитарные поезда, а эшелоны шли чаще ночью. Тяжеленные носилки с ранеными, почти ровесниками, но уже побывавшими в пекле войны... Однако молодость, она и в войну – молодость!.. Кипела комсомольская жизнь. Секретарём комитета ВЛКСМ института выбрали Ваю Коростий. Всегда она впереди, всегда среди людей и в спорте, и в художественной самодеятельности, и в учёбе!

Зимой помогали в госпиталях: писали письма родным раненых, сдавали кровь, выступали с концертами, стирали и гладили бинты, готовили для них подарки к праздникам, работали на субботниках...

Не забыть, как осенью 1941 года в Соликамск приехали с оккупированной территории Кировоградской области Украины 200 детишек, которых разместили в Соликамском детском доме!

А в декабре 1941 года, когда вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады, на железнодорожную станцию Соликамск прибыл эшелон ещё с 700 эвакуированными детьми. Мальши пережили голод, бомбёжки, гибель родных. Вывозили их зимой по льду Ладожского озера – знаменитой Дороге жизни.

Первоначально маленьких блокадников разместили в школе № 4 (позднее здание медицинского училища, сейчас – Пенсионный фонд России), где они прожили две недели. Многие были истощены, больны, не могли самостоятельно есть и ходить. Сколько надо было человеческого тепла, любви, участия, заботы, чтобы всех обогреть, вылечить, накормить и обустроить!..

Сорокадневный путь в теплушках был труден. Часть детей разместили в городском интернате, а самых слабеньких – в краевом отделении тубдиспансера, переоборудованном в стационар.

Морозы стояли лютые. Две недели прошли, дети немного пришли в себя, и вот потянулись подводы из сёл района, где были школы-семилетки: из Половодова, Вильвы, Касиба, Мошево, Володино... Чаще правили ими женщины...

200 ленинградцев приняли в селе Половодова, разместили и в интернате, и на квартирах. Три года ждали маленькие блокадники конца войны. Многие из них нет-нет да и принимали добродушное тараканье колхозного трактора за наползающий издали угрюмый рёв вражеского бомбардировщика. А иной раз испуганно вздрагивали, если хлопнет от сквозняка форточка...

Вот эти ребятишки из Ленинграда и деревенские (в Половодовском и Роголёвском сельских советах было 18 деревень) жили в интернате вместе.

Всё надо было делать самим. За всеми присматривала добрая старушка Герасимовна, которой было под 80 лет, да Филатыч неизменно с ребятишками, а теперь появилась ещё и Зорька...

Деревенские ребята уходили домой вечером в субботу. Обратное собирались в воскресенье днём. Только скроется родная деревня из виду, все присаживались и открывали котомки. Съедали всё самое вкусное, что матери положили. Пока дойдут до интерната, глядишь, на всю неделю остаётся картошка и круг молока. Знаете, что такое круг молока? Это зимой молоко замораживали, чтобы

не брать в дорогу посуду. В тёплом месте оно опять становилось жидким.

Из Ленинграда приехала одна воспитательница, которая в интернате работала и жила с ребятами. При ней был сынок Василька лет 5 – 6, с которым все любили играть.

А Валентине Афанасьевне надо было везде успеть. За зарплатой первое время ходила пешком, потом – с Филатычем на Зорьке, и то было боязно: кругом лес...

На Украине хвойных лесов не было. Когда в окно впервые в жизни увидела лес (ей было лет 13), громко закричала: «Дывись, мама, ёлки!...» Ёлок до этого не видели, только на картинках...

Учителям надо было везде поспеть: горком партии обязывал подписывать жителей на облигации (внутренний заём), распространять лотерейные билеты, читать лекции, в библиотеке и клубе делать обзор событий, организовывать сбор тёплых вещей для бойцов на фронт... Много забот...

Однако одной из самых приятнейших были постановки спектаклей и концертов, бесконечные репетиции... Это ленинградцы привезли свою любовь к театру сюда, на уральскую землю...

Сама Валентина Афанасьевна душевно пела украинские и русские песни, увлекалась художественным чтением со сцены, играла в спектаклях. Декорации и костюмы делали сами. Вся деревня ждала очередной постановки. Сидели на лавках, табуретках, ребятня – на полу, на ступеньках сцены. Сколько было радости, переживаний, волнений, слёз!..

А где брать силы на всё? Однажды в дом, где жила Валентина Афанасьевна, несмело постучали две девочки-старшеклассницы. Когда их любимая учительница вышла, они сунули ей в руки два кусочка чёрного хлеба, прошептав: «Это вам, мы сегодня видели, что на уроке вам было плохо...»

Разве забудется то время, когда спасали друг друга от голодных обмороков?..

Очень любили ребята завпочтой тетю Клавдию. Хоть изредка, но приходили письма... Их перечитывали, порой учили наизусть...

Другие плакали: не находились родители. А укромных местечек в интернате не было, если не считать тёмное место под чердачной лестницей, где можно обнять связку берёзовых черенков для мётел и поплакать... От жалости к себе уговаривали друг друга, но надеялись и ждали...

Вот и закончился 1942/43 учебный год, первый в жизни педагога Валентины Афанасьевны Коростий. Учителя в коллективе хорошо понимали её директорские и учительские заботы, всегда помогали.

Классы были большие – по 43 – 45 человек, во всех классах были параллели. Чтобы в школе с утра было тепло, технички с вечера приносили дрова, топили печи ночью.

Тяжёлое было время, голодное, приходили нерадостные вести с фронта. Женщины боялись встречи с почтальонкой – вдруг похоронка?.. Звали её чаще письмоносицей. Ребятишкам тоже иногда приходили печальные письма, и учителя были с детьми и в горе, и в радости.

Вот и 1943/44 учебный год. В городе собирают средства на строительство эскадрильи самолётов «Соликамский рабочий». «В деревне ПОПОВО-ОСТАНИНО пчеловод МОСКАЛЁВ МИХАИЛ МАКСИМОВИЧ из колхоза «НОВАЯ ЖИЗНЬ» и его дочь, пчеловод колхоза «КРАСНЫЙ ПАХАРЬ» из деревни ТРЕНИНО, передали на строительство самолётов по 10 тысяч рублей каждый». Это был невиданный подвиг! Люди отдавали всё на алтарь Победы!

Жили дружно, делились последним. Летом было легче: ягоды, грибы, шишки кедровые, лебеда, щавель, листики (по-научному – хвощ), крапива. Ели всё, что не казалось горьким. Спасали огороды, скот...

Вырос и у Зорьки жеребёночек – сколько радости у детей! Сахар в войну был первой драгоценностью, но и его понемножку, хоть крошечками на ладошках, несли ему...

Всегда с людьми, всегда с детьми, всегда на виду сельские учителя! Надо и к урокам подготовиться, и тетради проверить, и домашнюю, и общественную работу успеть сделать, и в клуб, и в правление колхоза спешат... И депутаты они, и лекторы, и артисты, и родители для своих детей... Низкий им поклон от всех поколений учеников за терпение, любовь, тепло сердец, за знания, которые очень нужны в жизни!..

В начале мая 1944 года пришло время прощаться с ленинградцами. Все годы эвакуации дети жили надеждой на возвращение в родной город, мечтой о встрече с родными.

Сняли блокаду с Ленинграда, но радости она многим не принесла: ведь кому-то из них уже никогда не суждено было увидеть своих родных...

И Валентина Афанасьевна, и другие учителя тяжело переживали это горе с детьми. Понадобилось немало терпения, такта и просто человеческой доброты, чтобы залечить раны в их душах, воспитать и поставить на ноги.

Цветами, гирляндами, красными плакатами украсили колхозные машины, на которых уезжали домой, оставляя здесь частицу своего сердца, ленинградцы.

Валентина Афанасьевна со слезами на глазах рассказывала: «Что творилось с теми, кто остался! Бежали за машинами, плакали ... Слёзы на глазах были не только у женщин, но и у мужчин ...»

В мае 1944 года директору школы пришлось увезти оставшихся детей в Касибский детдом, куда также перевезли детей из Вильвы, Мошево, Володино. Воспитанники этих четырёх школ стали воспитанниками Касибского детского дома, который существовал до 1958 года.

В 1944/45 учебном году Валентина Афанасьевна стала работать учителем. Директорские дела передала учителю-фронтовику, вернувшемуся по ранению.

А Геннадий Константинович Соколов, директор школы, погиб в боях за Родину.

В 1946 году, осенью, пришёл после окончания войны с Японией Николай Александрович Мельков, сын Евдокии Тимофеевны. Через полтора года молодые учителя поженились.

Через 20 лет (к дню снятия блокады) обратилась Валентина Афанасьевна Мелькова по радио с просьбой отозваться всех, кто помнит Половодово. И пошли письма, полные тепла, воспоминаний, признаний в любви и благодарности. С Украины, из Казахстана, из Крыма, с Дальнего Востока, из Ленинграда, Перми – со всех концов СССР писали бывшие ученики ...

Бережно, как святыню, берегла их письма замечательная женщина, мудрый педагог Валентина Афанасьевна Мелькова. Теперь они стали достоянием сельского музея трудовой и боевой славы ...

Не одно десятилетие поддерживалась переписка с Ланиной Ираидой Яковлевной, профессором Ленинградского пединститута, с Галиной Васильевной Баюсовой, преподавателем медучилища, с Плеховым Иваном, окончившим химический факультет Московского университета, учёным, с другими учениками школы. Они не забыли гостеприимства и радушия половодовцев!

Но самые трогательные письма, конечно, были после выхода на центральном телевидении фильма о Половодово

«Уголок России», песню в котором исполняла Валентина Толкунова.

Спрашивали: «А бобры на речке всё ещё водятся? А какая теперь школа? Какая дорога? Живы те-то и те-то люди?» Нескончаемый поток признаний в любви жителям и учителям!..

Минуют года, века, неузнаваемой станет жизнь, исчезнут многие сегодняшние профессии, но пока существует человечество, сохранится на Земле высокое звание – УЧИТЕЛЬ.

Школа и село Валентине Афанасьевне Мельковой обязаны многим: во-первых, научным обоснованием даты основания села – 1624 год, во-вторых, обоснованием даты открытия в селе церковно-приходской школы (всё по архивным материалам), в-третьих, детальным изучением с красными следопытами истории встречи половодовских ходоков с В. И. Лениным в феврале 1920 года, в-четвёртых, на её памяти ленинградцы в селе в годы войны и переписка с ними...

Вся жизнь отдана изучению истории родного края. Музей школы, музей села во многом основаны благодаря трудам этой удивительной женщины, красивой лицом и душой.

Словом, почётная энциклопедия жизни села с 1942 года – жизнь этой удивительной женщины, родившейся на Украине, но прожившей в Половодово (как было сказано) более 70 лет. Прекрасная судьба...

Филиппов Алексей Николаевич

Родился в 1957 году в городе Киржач Владимирской области. Здесь же учился в школе и машиностроительном техникуме, после окончания которого был призван в ряды Советской армии, где служил два года авиационным механиком. После службы работал два года слесарем механосборочных работ в отделе автоматизации и механизации киржачского завода «Автосвет», а затем поступил на химико-технологический факультет политех-

нического института.

Работал мастером, начальником технологического бюро, начальником цеха, заместителем генерального директора.

Сейчас работает специалистом по переработке пластмасс на заводе бытовой техники.

Свободное время посвящает литературному творчеству.

ПОДВИГ ЛЕЙТЕНАНТА ОСОКИНА

В конце декабря 1944 года советские войска замкнули кольцо окружения вокруг города Будапешта, но враг всё ещё ожесточенно сопротивлялся. На подступах к столице Венгрии фашисты развернули 13 танковых и две моторизованные дивизии. А в начале января для деблокирования своих армий, оказавшихся в окружении, германский генеральный штаб перебросил из Польши несколько воинских подразделений и в том числе танковую дивизию СС «Викинг».

Войска Красной Армии теперь проводили в Венгрии как наступательные, так и оборонительные операции.

Части 265-го полка 86-й гвардейской стрелковой дивизии находились во втором эшелоне наступающих на Будапешт войск. Когда в начале января на северо-западном участке фронта наступило относительное затишье, начальник инженерной службы полка вызвал к себе командира сапёрного взвода – младшего лейтенанта Василия Осокина.

– Вот что, Осокин, – не отрывая глаз от карты, ставил задачу командир, – возьми с собой с десяток бойцов и поезжай в деревню Чолнок. Помочь им там надо: крыши на домах подлатать.

От столь неожиданного приказа младший лейтенант часто заморгал и почесал затылок. А как его не почесать, если все готовятся штурмовать венгерскую столицу, а тебя отправляют в какую-то захудалую деревню крыши крыть.

– Тут дело политическое, – заметив замешательство подчинённого, оторвал взор от карты начальник инженерной службы, – ты должен делом доказать, что бойцы Красной Армии всегда готовы подставить плечо в трудную минуту. Короче, помочь надо, у них там после боёв разруха полная. Это приказ.

Приказы, как известно, обсуждать не принято, и 6 января одиннадцать сапёров 265-го стрелкового полка начали ремонтные работы в деревне Чолнок. Работы в деревне было невпроворот. Этот населённый пункт на некоторое время оказался на линии соприкосновения войск, а потому разрушения были здесь сплошь да рядом. Для начала сапёры решили взяться за починку крыш. Бойцы Осокина своё дело знали, а потому и командовать ими во время работы никакой необходимости не было. Младший лейтенант, не любивший сидеть без дела, резал ножовкой длинные доски в размер и тоскливо смотрел на рябь, которую гонял резкий порывистый ветер по многочисленным лужам. Погода стояла мерзкая, не так уж и холодно, но сыро и противно.

– Что это за зима? – размышляя Василий, аккуратно отмечая на доске химическим карандашом место разреза. – То ли дело у нас. Мороз так мороз, а тут...

И тут Осокину ясно представился холодный декабрьский день 1941 года, когда он вместе с другими мужиками из Бельково шагал ранним морозным утром к месту сбора призывников.

– Ничего, – вздохнул младший лейтенант, обрезав в размер доску, – сейчас добыём здесь фашистскую гадину, а там и до Берлина рукой подать. Знающие люди говорят, что к лету война непременно кончится... И домой... Первым делом дом себе начну строить... Жениться надо...

– Товарищ лейтенант! – прервал вдруг приятные мысли резким криком боец Прокопчук, крепивший черепицу на самом коньке крыши. – Немцы!!!

– Где?!

– На дорогу из кустов выходят! Человек пятьдесят! Рядом уже!

Размышлять стало некогда. Младший лейтенант бросил пилу, схватил оружие и, приказав бойцам следовать за ним, побежал к дороге. В деревню немцев никак нельзя было пустить. Не для того кровь проливали, чтобы за просто так сдать. Не то время!

Когда Осокин с бойцами выбежал на дорогу, до неприятеля оставалось уже не более ста метров. Чуть впереди виднелись воронки от снарядов, и именно там лейтенант решил устроить опорный пункт обороны деревни.

– Не отставай! – прохрипел Василий, ещё прибавив шагу. – За мной!

Но фашисты их уже заметили. Сразу из двух пулемётов ударили по выбегающим на дорогу бойцам Красной Армии. Осокин молодой, чуть больше двадцати, потому бежал быстро, а подчинённые его – люди мастеровые да степенные малость от него отстали. Когда их пулемётный огонь прижал к грязной земле, младший лейтенант уже прыгнул в воронку на обочине. Перед самой воронкой Осокин поскользнулся, а потому прыжок у него получился неуклюжий. Немцы приняли эту неуклюжесть за точное попадание пули и, стреляя на ходу, побежали к деревне. Когда Осокин открыл огонь из своего укрытия, немцы уже были в пятидесяти метрах от него. Кроткими очередями из ППШ он сразил не меньше пяти врагов остальные залегли в кювете на противоположной обочине дороги. Пулемётная стрельба на короткое время стихла, а потом занялась ещё яростней. Теперь немецкий пулемётчик бил по укрытию Осокина. Пули визжали, чавкали, зарываясь в грязь, казалось, что никому не будет от них спасения. После огневой подготовки противник вновь пошёл в атаку и ещё троих фашистов сразил младший лейтенант. Снова застрочил пулемёт и тут же Василий почувствовал резкий удар в плечо. Удар был настолько силен, что младшего лейтенанта перевернуло на спину и бросило на дно воронки. Всё тело горело огнём, левой руки Осокин не чувствовал, а потому следующую атаку отбивал, стреляя только правой рукой, положив дуло автомата на ком сырой земли. Ещё две вражеские пули достигли своей цели: одна угодила младшему лейтенанту в бок, а вторая сплющила затворную коробку и, срикошетив, застряла в мышцах груди. И хотя автомат вышел из строя, младший лейтенант не думал сдаваться. Превозмогая боль, Василий правой рукой достал из подсумка гранату. А немцы уже рядом.

– Сдавайся! – кричат они. – Сдавайся!

Стиснув зубы, едва не потеряв сознание от пронизывающей всё тело боли, Осокин бросил гранату в сторону врага. Силы героя были на исходе, а потому граната пролетела от силы метров пять, упав под ноги подбегавшим фашистам. Ещё два врага нашли здесь свою гибель. Не уберёгся от осколков и Василий: получив смертельное ранение, он умер, так и не оставив своего рубежа обороны.

За этот подвиг гвардии младший лейтенант Василий Алексеевич Осокин был награждён посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени.

Похоронили отважного воина на окраине венгерской деревни Чолнок.

В тот же день извещение о гибели сына было направлено в деревню Бельково Киржачского района Владимирской области Пелагее Даниловне Осокиной.

Степанова Елена Александровна

Родилась в Пензе в 2002 году. До 7-го класса училась в 35-й школе, потом поступила в Губернский лицей на химико-биологический профиль.

Всё свободное время посвящает чтению, особенно любит фэнтези.

Мечтает стать врачом, но надеется, что читать не перестанет.

Искренне благодарит Елену Владимировну Родикову, учительницу, за помощь в написании работы.

РАЗГОВОР С ДЕДОМ

– Посмотри, внучек. Видишь, какое небо синее? Слышишь, как плещется вода и шуршат камыши? Чувствуешь свежий ветерок?

Сашка встал с земли и подошёл к деду. Без особого пока интереса лёг рядом, задумчиво жуя травинку.

– Вижу, деда.

– И я вижу, – соглашается старик, жмурясь от ярких лучей солнца. – А мог бы и не видеть... Мог бы лежать здесь, в сырой земле. Мог бы, а не нет, лежу под яблонькой. А мог бы...

– А как бы ты в землю попал? – уже удивляется Сашка и пододвигается поближе.

Дед вздохнул и улёгся поудобнее, чуть хмурясь (он всегда так делал, когда собирался рассказать что-то длинное). Подложив под голову лопух, он начал:

– А знаешь ли ты, внучек, что не всегда небо такое синее бывает? Знаешь ли ты, что и под ногами, и под водой раньше таилась опасность?

– Какая же? – спрашивает Сашка, устраиваясь подле деда.

– Война, Сашенька.

Казалось, на мгновение замерли камыши, перестала плескаться вода. Солнце на секунду ушло за облако, и словно вся земля вокруг нахмурилась. Даже шестилетний мальчишка сумел уловить в этом слове нечто страшное и пугающее – как-то странно замер, поёжился и прижался к деду.

– Да, эти времена уже прошли, но отголоски их ещё раскиданы по нашей земле-матушке. Видишь? – мозолистой рукой дед разгрёб слой земли и вытащил что-то маленькое и блестящее. Сашка присмотрелся...

– Пуля, – с каким-то отвращением выплюнул дед. – Пуля, понимаешь?

Сашка немного понимал.

– Кого-то пытались убить или, может быть, даже убили этой пулей. Убили, понимаешь? Смотрел человек на солнце, на речку, на детей малых и вдруг – р-раз – темнота. И нет ничего...

– Страшно ты говоришь, деда, – снова поёжился Сашка. – А расскажи что-нибудь о войне!

– Что я тебе расскажу? – нахмурился ветеран. – Думаешь, радостно вспоминать это?

Сашка насупился. Дед посмотрел на него, вздохнул и проговорил:

– Ладно уж. Двигайся поближе. Было это, значит... уже не вспомню когда. Служила в нашем взводе девушка одна... молодая совсем, лет двадцать ей было. Катюшей звали.

– И что? – нетерпеливо перебил его Сашка.

– А ты слушай, раз уж спросил! – прикрикнул дед. – Значит, Катюша её звали. Ох, девушка-ветер была...

– Была?

– Да не перебивай! Лёгкая такая, значит, как ветерок, постоянно с улыбкой на лице ходила. Мы её во взводе Солнцем звали – любого подбодрить могла. И однажды послали нас к немцам, а они на холмах засели – даже окопы не спасали от обстрела сверху-то. Приходилось валы строить, да и те недолго держались.

– И что?

На этот раз дед словно бы и не заметил внука, полностью погрузившись в воспоминания.

– Прислали нам подкрепление с минами и гранатами. Построили, показали на ящики, на холмы и прямо спрашивают: «Кто?» И который первым вызвался? Катька наша. И ведь не отговоришь...

– Деда, а кто им нужен был?

– Добровольцы. Ночью должны были пробраться в лагерь и отвлечь противника, в то время как наши спереди напали бы.

– А их бы там убили? – по-детски наивно поинтересовался Сашка.

– Скорее всего, убили бы, – прямо ответил ветеран.

И пусть детский ум не способен в полной мере осознать смысл этих слов, все остальные проблемы уходят назад и в голове звучат лишь «Убили бы. Война. Смерть».

– Весь день мы незаметно для фашистов готовились к операции. Вечером Катюша и ещё трое наших ушли. И знаешь, Сашка, эти несколько часов перед битвой – самые страшные в своём бесконечном ожидании.

Мальчик на всякий случай кивнул.

– Через два часа мы услышали взрывы и побежали на холмы. Я был ответственен за боеприпасы и потому несколько отставал... и хорошо увидел это.

– Что?

– Я... Бегу я с грузом и вижу, как появляется прямо впереди меня на холме ладная фигурка – сразу видно, Катюша наша. Стоит, а вслед за ней поднимается немец в чёрном мундире...

– Фашист?

– Он самый, Сашка, он самый... поднимается, а дуло пистолета его, значит, прямо Катьке в грудь. Фашист кричит: «Бросайте оружие, вы проиграли!», а мы ни Катюху бросить не можем, ни операцию провалить...

– И что?

– Солнышко-то наша неглупая была. Мы её бросить не можем, а она... Сама – слышишь, сама! – прыгнула на немца, вцепилась в него, да только оружия-то у неё не было, а у него – пистолет...

Дед повернул голову к Сашке, и мальчик явственно увидел на его лице блестящие мокрые дорожки.

– Немцы за холмами замерли, а наши: «Ура! Ура! В атаку!» – да и бросились на холмы. Уже к лагерю подбегают, а немец тот изловчился, да и выстрелил...

Солнце снова зашло за облако. Казалось, сама природа сопереживает рассказу деда.

– ...в Катюшу...

Дед шмыгнул носом. Ещё раз. Ещё. Он плакал не стесняясь – горечь по павшим товарищам не то, чего стоит стыдиться.

– Наши как увидели, так и бросились в атаку, мол, за Катьку! А та перед смертью за немца уцепилась и с холма вниз... так вот... Знаешь, Сашка, мы ту операцию на «отлично» выполнили. Были раненые, но жертв, кроме Кати, не было. Героиня наша... Герой Советского Союза – орден ей присвоили. Посмертно.

Дед смолк, прикрыв влажные глаза. Стрекотали кузнечики, шелестели листья, и тихо плескалась вода. Солнце заходило, окрашивая небо – чистое мирное небо – в алые тона.

*Записано со слов моего отца,
Александра Александровича Степанова*

Талызин Николай Юрьевич

Родился в 1958 году на Дону в городе Цимлянске. Однако детство вплоть до окончания средней школы провёл на Русском Севере – в городе Инта Республики Коми.

После окончания Саратовского высшего военного инженерного училища химической защиты служил в Советской армии.

На гражданке уже много лет работает инженером на одном из заводов Саратова.

Иногда, когда душа молчать не может, пишет рассказы.

ПРЯНИКИ ДЛЯ КОБЫЛЫ

Сидим мы в курилке. На улице ещё темно, зима... Мороз сопли вышибает! Переодеваться в рабочую робу неохота, в цеху свежо. Мастер, вон, уже ругается, бухтит, пора, мол, планёрку проводить, а вы ещё все в чистом. Ну и, конечно, байки-анекдоты мужики травят...

А промеж нас молодых – раз-два и не обчёлся даже: Ренат да Серёга. Все остальные молодые в менеджерах, юристах-экономистах и супервайзерах. На завод хрен заманишь, даже достойной зарплатой: здесь же вкалывать надо. Про молодёжь я вот к чему: Василь Васильич уже восьмой десяток разменял, а всё трудится. Вдовец, дети-внуки разлетелись, вот он и прирос к заводу. Слава Богу, здоровье ещё позволяет ему у станка стоять.

А мастер шумит, что вот-вот рабочий день начнётся... И вдруг... затих. Пошлые анекдоты, пустые рыбацкие и охотничьи байки закончились... Василь Васильич заговорил.

– Эх вы, братцы. Скоро юбилей Великой Победы, а вы всё про баб и водку на рыбалке...

Кто бы другой это сказал, сразу же бы осекли:

– Хорош нам политинформацию читать, телевизор нашёлся!

А Василь Васильичу никто возразить не посмел. Даже мастер перестал гнать бригаду переодеваться.

– Так вот, братцы, – продолжал Васильич, – это было где-то лет через двадцать после майской Победы. То есть в середине шестидесятых, быть может чуть раньше...

– О, – подумало большинство бригады, – я даже не родился в это время. А я только в школу пошёл, а через пару лет мне на пенсию...

Василь Васильич, сделав паузу, продолжал:

– Был у завода подшефный совхоз или колхоз, я уж точно и не помню. И каждый год завод посылал на помощь селянам нас, рабочих, заводчан, на уборку урожая.

Отдел кадров отбирал, сколько требуется, людей: кто с тракторными правами, тот работал механизатором или водителем, остальные просто разнорабочими. Наш станочный цех как бы основное производство, поэтому редко кого от нас отправляли, обходились работниками служб предприятия и участков обеспечения.

Однако в этот год меня и Иваныча послали на помощь селянам. Я-то родом из деревни, только что устроился на завод, а Иваныч служил ездовым в артиллерии, то есть конями в войну управлял. О войне, о боях никогда Иваныч никому не рассказывал. Да и вообще молчун был. Мы даже не знали, женат ли, есть ли дети, внуки. Сам в себе, короче. Бирюк. Так его и звали. Да ну ладно...

Приехали мы на село, председатель расселил нас в спортзале сельской школы. Кому раскладушку, а кому и просто тюфяк с соломой на пол. Мы не в обиде. По-русски отметили местным самогонном новоселье, а утром – на работу! Не позорить же рабочий класс перед крестьянством!

Рано утром, чуть свет, да и рассвета-то ещё нет, повёл нас местный бригадир к месту новой нашей работы. Идём еле проснувшейся толпой, поднять-то подняли, да не разбудили... Бредём мимо какого-то забора, сарай слева. По запаху я, как бывший сельский житель, сразу определил – конюшня.

И!... И тут! О чём я вам и хотел рассказать!!! Тут... Словом не расскажешь. Тут какое-то не лошадиное, даже не земное ржание! Рёв лошадиный... Никогда такого не слышал. Мы-то, как бы с похмелья, сразу и не поняли, так переглянулись. Что-то случилось неестественное, не поймёшь.

А Иваныч остолбенел... Встал и ни шагу... Бледный какой-то, и лицо вытянулось, только зубы оскалились. Мужики ему, что, мол, испугался, что ли?

А он, израненный фронтовик, на забор, через забор, бегом в конюшню. Всё, думаем, спятил наш Бирюк!

Василь Васильич прервал свой рассказ, смахнул с лица как бы пыль или назойливую муху, взглянул на мастера. Тот молчал. И Васильич, пару раз глубоко вздохнув, продолжил.

Колхозный бригадир тоже растерялся и двинулся в обход через ворота на конюшню. Мы следом. В предрассветной серости стойла стоял на коленях Иваныч прямо в конском навозе и причитал:

– Ласточка моя, думал не свидимся. Родная моя. Дожили...

И ничто не нарушало тишину надвигающегося утра, даже ещё не проснувшиеся воробьи молчали, не нарушая разговор старой кобылы и израненного фронтовика.

Мы смущённо стояли, машинально лаская коней в соседних стойлах. Старая кобыла, которую Иваныч называл Ласточкой, положила свою огромную морду на неширокое плечо своего друга, пытаясь подломить одну из передних ног. Но, видимо, из-за солидного по лошадиным меркам возраста, ей это не совсем удавалось.

Знаете, говорят, что только человек может переживать и плакать. Слёзы бывают только у человека. Врут! По морде Ласточки катились огромные капли влаги. Лошадь плакала... Почти у всех мужиков тоже накатились слёзы.

– Пойдём, Иваныч.

– Бригадир, я потом вдвойне отработаю, отпусти меня сегодня, будь добр. Хотя бы до обеда...

Мы ушли на битву за урожай, а Иваныч, как потом рассказывали местные конюхи, весь день чистил свою Ласточку, сам водил её к реке на водопой, выгуливал по заливному лугу. И о чём-то говорил с нею, говорил, говорил... Потом сходил в сельпо, побрехал с продавщицей, требуя три кило самых свежих пряников.

Вечером Иваныч явился в школьный спортзал с закуской и выпивкой. Но не с местным самогоном, а с настоящей «Московской». Оббив сургуч с пробки, налил по, как он говорил, сто граммов фронтовых. Крякнув и занюхав горбушкой, наш Бирюк начал своё повествование. Первое и единственное:

«Служил я ездовым в артиллерии. За годы ярости и горя много сгинило жеребцов и кобыл. А тут, уже ближе к Победе, дали мне ещё не объезженную молодую Ласточку. Помучили мы друг друга, но притёрлись, примирились. Отчаянная кобылка, ничего на войне не боялась. Но, чтобы найти с ней общий язык, знаете, сколько сахара ей скормил? Всё своё нехитрое солдатское имущество на колотый рафинад сменял. Сладкоежка эта Ласточка. Но меня за полверсты узнавала: ржёт, радуется.

Так и стали воевать. И уж весна, вот-вот Победа! А тут фрицы откуда-то прорвались, шарахнули, я и не знаю чем. Батарея вдребезги! А мы, ездовые, как заряжающие трудились, расчёты-то неполные. Что дальше было – не знаю или не помню. Очнулся, страшные боли в ногах: перебило мне кости. И кто-то меня волочит, да так грубо, неаккуратно. Хочу крикнуть, мол, санитар, будь человеком, чай ещё не труп тащишь. Глаза еле продрал сквозь спёкшуюся кровь. А меня не санитар волочит... Это меня капризная и строптивая кобылка за поясной ремень зубами схватила и тащит. От жуткой боли в ногах я несколько раз «выключался». Очнусь, а она меня волочит. Хочу сказать ей: «Тпру-у, стой», а язык присох. И она, моя Ласточка, не отпускает ремень, тащит мои перебитые конечности, а я болтаюсь, как сноп овсяной...

Отвалялся я в госпиталях. Срослись мои молодые кости. А Победа уже без меня была завоёвана. Где Ласточка? Разве найдёшь? Тут-то людей теряли... Вот так мы и расстались-потерялись.

А сегодня... Она как заржёт! Вот моя спасительница! Моя Ласточка. Почуяла меня, узнала...»

Мы выпили. Говорить ни о чём не хотелось. Мужики вытерли рукавами мокрые глаза и тихо разошлись. Якобы спать. Но не сразу уснули... Война! Будь она неладна...

Иваныч работал на веялке на току. В дальние бригады его не посылали. Вечером он забирал из душевой конюшни свою Ласточку и уходил в ночное с ней одной. Наверное, им вдвоём было хорошо. Было о чём поговорить, что вспомнить израненному фронтовику и старой кобыле.

Закончилась уборка, мы вернулись на завод. А Бирюк, Иваныч, на работу не вышел. Уволился. Говорят, что уехал в село, к своей Ласточке.

После рассказа Василь Васильича планёрки не было. Все разошлись по своим станкам, молча, смахивая с глаз ладонью предательскую мужскую слезу. Да нет. То ветер колючий сопли вышибает...

Поэзия

Вашина Светлана Анатольевна

Родилась в 1964 году.

По образованию художник-модельер. Стихи пишет с детства. Автор-исполнитель песен собственного сочинения.

Замужем, есть сын. Издаёт книги для детей и взрослых. Член ВООИ.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Чтобы вспомнили всех поимённо,
На парад собирается полк,
И шагают потомки в колоннах
В тишине, даже ветер умолк...

И несут не цветы и знамёна –
Фотографии павших бойцов,
Что в домашних хранились альбомах,
Чтоб запомнил их каждый в лицо!

Этот полк называют «Бессмертным»,
Ведь нельзя нашу память убить!
Он проходит Парадом Победы,
Значит, каждый из них будет жить!

Каждым именем в сердце вращая,
Через год, через два, через пять
В День Победы – Девятого мая
Будет полк по планете шагать!

Мартынова Мария Геннадьевна

Родилась в 1998 году в городе Туле. В 2016 году окончила МБОУ СОШ № 54. В настоящее время является студенткой 1-го курса факультета экономики и управления организацией Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Тульский филиал).

Активный участник и неоднократный победитель всероссийских и международных литературно-творческих конкурсов.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

С портретов воины глядят,
В садах сирень цветёт.
И на победный свой парад
Бессмертный полк идёт.

По деревням и городам
Идут за строем строй:
Ефрейтор, маршал, лейтенант,
Майор и рядовой.

Мечтали каждый о своём
На страшной той войне:
Прийти к семье, в любимый дом
С Победой по весне.

Не все вернулись в край родной –
Мужья, отцы, сыны.
Всех тех, что отняты войной,
Сегодня вспомним мы.

С портретов воины глядят,
Их взгляд суров и светел,
Огромна доблесть тех солдат,
И подвиг их бессмертен.

От края в край большой страны
Бессмертье обретая,
В солдатский строй встают сыны
В победный полдень мая.

И в этот День, и в этот Час
В стране непобеждённой
Вдруг стало сразу больше нас –
На двадцать миллионов!

Пусть слышит враг победный шаг
И корчится от злости!
Шагает полк, чеканя шаг,
В бессмертье через годы.

Шумаков Владимир Николаевич

Родился 25 сентября 1973 года в городе Гурьевске Кемеровской области, но часть его детства и юности прошла в деревне Мунай Новокузнецкого района, на родине его матери.

В 1990 году, в своём родном городе, окончил среднюю школу № 15, после чего год проработал на предприятии «Запсибэлектромонтаж», где освоил профессию электромонтёра. С 1991 по 1993 год проходил службу в Советской армии.

С 2005 года его очерки, стихи и рассказы печатаются во многих Российских газетах и журналах о природе, таких как «Российская охотничья газета», «Охотник и рыболов Сибири», журнал «Рыболов», «Рыбачьте с нами».

С ноября 2010 года ведёт общественную работу.

СОЛДАТЫ РОДИНЫ МОЕЙ

Осколки разлетелись по земле,
Прижата пулемётами пехота.
На этой безымянной высоте
Как на ладони – вся вторая рота.

Свинцовый дождь, растерзана земля,
Распахана огнём из миномёта...
Радист кричит: «Звезда! Ответь, Звезда!»
Тяжёлый бой ведёт – вторая рота.

Всё ближе, ближе, ближе – вражий рой!
И брошена последняя граната.
Вперёд! В атаку! Рукопашный бой.
Штыки, ножи, сапёрные лопаты...

Свинцовый дождь, растерзана земля,
Распахана огнём из миномёта.
Радист кричит: «Звезда! Ответь, Звезда!»
Неравный бой ведёт вторая рота.

На бруствере, в окопе, на траве
Как звёздочки рассыпаны солдаты.
Лежат на безымянной высоте
Геройские, Геройские ребята!

Свинцовый дождь, растерзана земля,
Распахана огнём из миномёта.
Радист зовёт: «Звезда, ответь Звезда!»
Молчит «Звезда», молчит вторая рота.

Под мирным небом, да над высотой,
Звезда над обелиском замерцает.
Так с фронта не вернувшийся Герой
Живым о той войне напоминает.

Прольётся дождь, и зацветёт земля
В такой же тёплый день – другого Мая.
А ночью с неба упадёт звезда,
Моим солдатам почесть отдавая.

Янкова Ирина Васильевна

Родилась в Ленинграде в 1969 году. Живёт и работает в Санкт-Петербурге, мать двоих детей. Окончила Московский технологический институт.

Является автором сборников стихов для взрослых и сборника рассказов для детей младшего школьного возраста.

ПО СОСЕДСТВУ ДОМИК СТАРЕНЬКИЙ...

По соседству домик старенький, свет в окне.
И тропинка чуть виднеется при луне.
В садик, снегом запорошенный, я зайду.
Здесь сегодня день особенный, про беду.

Старикам не много надо – чуть тепла.
В этот дом гвоздики красные принесла.
Три сестры сидят за столиком, чашки в ряд.
Нарядились: платье синее, белый бант.

Защемило сердце что-то, подожди.
Белый бантик, бантик белый на груди!
Вспоминают про блокаду, голод, мор.
Холод в городе, бомбёжки, слёзы, боль.

Дети их, мужья и братья полегли.
Мать, отец, семья большая. Все ушли.
Стопки старых фотографий на столе.
Много женщины узнали о войне.

А сегодня день особый, да, январь.
В этот день блокаду сняли, вспоминай!
Столик, чистая скатёрка, чашки в ряд.
Защемило сердце что-то. Белый бант.

Герасимов Владимир Иванович

Родился 7 ноября 1955 года в Омской области, там и проработал более 25 лет. Окончил филологический факультет Ишимского пединститута им П. П. Ершова.

Работал учителем, директором сельских школ, на партийной работе, в коммерческих структурах.

Пишет сравнительно недавно, но плодотворно: за четыре года вышло пять сборников.

Лауреат премии имени выдающегося нефтяника страны В. И. Му-

равленко за 2014 год.

С 2000 года живёт в Тюмени. Возглавляет коммерческую службу зерновой компании, избран председателем Тюменского зернового союза.

ПРОВОЖАЮ С ГРУСТЬЮ ЖУРАВЛЕЙ

Солдатам-землякам посвящается...

Солнце на закат – пора с базара,
Как там дальше будет колея...
А сегодня память, как в подарок,
Вновь вернула в отчие края.

***

Крепких мужиков я видел в жизни,
До сих пор горжусь, что рядом был.
Вот кто не себя – любил Отчизну,
Только громких слов не говорил.

Рукава пустые гимнастёрки
Строго по-солдатски под ремнём,
Где-то там, в груди, ещё осколок,
Шёл солдат вперёд, забыв о нём.

Поражали мужество, сноровка,
Их терпенье на пределе сил.
Восхищало, как умело, ловко
Без руки тогда солдат косил.

Как он мастерски владел косою,
Неудобья, кочки обходил,
Быстро расправлялся и с копною,
Как подводы лихо он грузил.

Помню дядю Гришу-краснофлотца,
Всё себя балтийцем называл,
Он за эту жизнь умел бороться,
Песни всё о море распевал.

Как он споро на своих «обрубках»
Управлял подаренным конём,
Улыбался всем и сыпал шутки,
По бригадам успевая днём.

Жили мужики обычной жизнью,
Дел у них хватало и забот,
Спорили всё с дамою капризной,
Смерть не раз стояла у ворот.

Из себя не строили героев,
А ведь на груди – «иконостас»,
Но гордились ратною судьбою,
Журавлей в свой ожидая час.

***

И теперь, бывая в крае отчем,
Ухожу я в тишь родных полей
И смотрю всё в небо голубое,
Провожая с грустью журавлей.

Голубева Анна Ивановна

Родилась в Ярославской области в 1939 году. Окончила сельскохозяйственный институт в городе Костроме, после чего 15 лет отработала в сельскохозяйственном производстве, защитила кандидатскую диссертацию и перешла на преподавательскую работу в Ярославскую сельскохозяйственную академию, где и работает по настоящее время. В 1999 году защитила докторскую диссертацию, затем получила аттестат профессора и почётное звание «Заслуженный работник высшей школы». Стихи пишет с 17 лет. Свободное время посвящает литературному творчеству.

**РАЗГОВОР С ОТЦОМ –
ВСТРЕЧА У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ**

Небо хмурилось. Моросило.
Он стоял у могилы отца.
Слёзы сдерживал через силу,
Капли смахивал с шеи, с лица.

Старше был он отца намного,
Снег пробился в виски – седина:
Слишком долгой была дорога,
Где оставила след свой война...

Сын поведал отцу родному:
Что страдала семья без него,
Вместе было бы по-другому...
Но нельзя изменить ничего...

«Ты не знал, как выросли дети,
Да с годами старела жена...
Был ты лучшим ей в целом свете...
Всё ждала и осталась верна.

Грела сердце одна надежда:
Скоро с фронта вернёшься домой,
Будет в доме светло, как прежде...
Ждали все... Не сбылось, дорогой!..

Нас сразила всех похоронка:
Как подстрелена, вскрикнула мать...
Онемели от горя... Громко
Все рыдали... Как зло отогнать?..

Мать пришла в себя, огляделась:
Трое деток, старуха-свекровь...
Слёзы вытерла, притерпелась,
Хоть и стыла в отчаяньи кровь...

Образ твой семья сохранила,
Каждый помнил, что строил ты дом,
Нас любил...» Молчала могила...
Сын с отцом говорил о былом...

Григорьев Андрей Викторович

Родился в городе Лысьва Пермского края в январе 1967 года.

С 1985 по 1987 год служил в Советской армии – в спецназе ВВС.

В 2004 году создал Автономную некоммерческую организацию по профилактике наркомании и алкоголизма «ДиМак» (Реальность) и по сей день занимается с молодёжью. Написал и издал книгу «Кайф от первого лица».

Всё свободное время отдаёт спорту и поэзии.

ДРУГ

Была бомбёжка на земле Донбасса,
Вокруг рвалось всё, загорелся дом,
С семьёй хозяин от пожара спасся,
Котёнок лишь сидел в углу своём.

Овчарка на цепи исходит лаем,
Хозяин отцепил ей карабин,
А та не побежала за сарай –
Рванулась в дом через огонь и дым.

Ведь там пищал малюсенький котёнок,
С которым подружился этот пёс,
Пусть голосок его был слишком тонок,
Но жалко было котика до слёз.

Тянулось время, зарево пылало,
Не видно пса за огненной стеной,
Уже и перекрытие упало...
И вдруг сквозь дым выходит наш герой.

Он бережно в зубах несёт котёнка –
Как можно было друга не спасти?!
Так инстинктивно, мужественно, тонко
Он показал – как нам себя вести.

Гусев Игорь Юрьевич

Родился в городе Куйбышеве (ныне Самара) в 1962 году. Окончил общеобразовательную школу № 34 в посёлке Зубчаниновка. В 1979 году поступил в СПТУ № 21 по специальности электромонтёр. Окончив училище, работал на КМЗ им. Ленина (Металлург). В 1981 году был призван в ряды СА. Служил в городе Глазов Удмуртской АССР.

После службы вернулся в родной город и устроился работать в трест инженерно-строительных

изысканий.

В 2000 году переехал в село Долматовка Борского района Самарской области. Затем перешёл на работу в к/х «Шанс», где и работает по настоящее время.

Выпустил восемь сборников стихов. Является членом литературного клуба «Откровение», организованного Борской центральной районной библиотекой. Его стихи часто печатают в районной газете «Борские известия».

ДЕДУ

Всё проходит, меркнет в тишине,
Только память, в вечности звеня,
Не даёт забыть о той войне,
Что заочно ранила меня.
Отразившись в дедовских глазах,
Рок тех дней закрался в душу мне.
Его взгляд, подобный «образам»,
Отразил всю правду о войне.

Дед прошёл войну не кое-как,
Знал он вес медалей на груди.
Знать, в порыве яростных атак
Он не плёлся скромно позади.

Подорвав здоровье на войне,
Дед пожил средь наших мирных дней.
О войне рассказывал он мне,
Той, что часто вижу я во сне.

Дедовским рассказам в унисон
Предо мной, как в зеркале души,
Вой снарядов, взрывы, крики, стон –
Той войны всплывали миражи,

Слёзы горя вдов и матерей,
Похоронки вечно невпопад
На родных, мужей и сыновей,
Тех, которых не вернуть назад.

Много жизней унесла война,
Миллионы взрослых и детей
Потеряла каждая страна,
Втянутая в омут злых страстей.

Дед ушёл – всему есть свой предел,
До конца он выполнил свой долг,
Даже внуков повидать успел
И достойно навсегда умолк.

В День Победы – высшей из Побед –
Поминаю я его, скорбя,
Ильгачёв Ф. Ф. Спасибо, дед,
От души благодарю тебя.

Попова Вера Петровна

Родилась в селе Богдановка Нефтегорского района Куйбышевской (ныне Самарской) области в 1971 году.

В 1988 году, окончив среднюю школу, поступила в кооперативный техникум Куйбышевского ОПС. Свою трудовую деятельность начала заведующей магазином Нефтегорского райпо. Вскоре вышла замуж, в семье появились две дочери. После декретного отпуска работала библиотекарем в покровской средней

школе. В 2007 году вновь сменила место работы, став социальным работником.

Именно в это время стала писать стихи и рассказы, посвящая всё свободное время литературному творчеству. Неоднократно печаталась в районной газете «Луч», несколько работ опубликовано на международном сайте «Литературная губерния».

ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

В избе саманной, возле печки,
Свеча тихонько потолок коптила.
У иконы молча, без словечка,
Молилась женщина. Не за себя просила.

Ей было слышно сквозь окно,
Как вся деревня ликовала.
Как в репродуктор, словно гром,
«Победа!!!» – голос Левитана.

Победы радость омрачило чувство ревности,
Что у соседки муж пришёл живой.
А у неё бумага: «Пропал без вести...»
Кем суждено ей быть? Женой? Вдовой?

Вся жизнь вдруг пронеслась перед глазами –
Короткая. Лишь поженились, тут – война.
Четыре года умывалась лишь слезами
И первенца растила уж одна.

Как ей поверить в то, что больше нету
Любимых глаз и крепких сильных рук?
И от иконы ждёт она ответа
На все вопросы, что ей душу рвут.

И так всю жизнь. А в День Победы,
Ища покоя в образах,
И, не притронувшись к обеду,
Опять ложится спать в слезах.

И столько лет прошло
В труде, тоске и верности...
Уж не приходит он во сне.
А в памяти лишь строчки:
«Пропал без вести...»
И свадебное фото на стене.

Миронкин Юрий Васильевич

Родился 24 марта 1960 года в деревне Стаи Руднянского района Смоленской области. Окончил физико-математический факультет Смоленского педагогического института. 32 года проработал учителем.

Стихи пишет со школьного возраста. Публиковался в районной, областной и центральной печати, в ряде коллективных сборников и альманахах.

Составляет кроссворды и пишет афоризмы.

Проживает в городе Рудне Смоленской области.

***

Откопали немца у оврага
Городские поисковики,
Аккуратно кости бедага
Уложили в чёрные мешки.

А затем ответственные лица,
Гроб ему красивый прикупив,
Как героя хоронили фрица,
Братскую могилу осквернив.

Этот немец, фенрих Гельмут Гарти,
Кличка его хлётская – Дебил,
Дойную корову бабы Кати
Возле дома взял и застрелил.

А у бабы Кати мать больная
И детишки крошки малу-мал,
А фашист винтовкою играя,
Словно конь, на всю деревню

ржал.

Баба Катя в хлев и в руки вилы:
Будет и тебе, Дебил, капут!
И, собрав свои все бабы силы,
Тут же совершила самосуд.

Нет давно на свете бабы Кати,
На дворе иные времена,
И скатились жить мы до понятий,
Путая героев имена.

Рыкова Нина Алексеевна

Родилась в Ленинграде в 1936 году. После её рождения семья переехала в Иркутскую область, по месту работы отца. Окончила Еланцинскую среднюю школу Иркутской области Ольхонского района и Иркутский педагогический институт. Работала в школе 55 лет. С 1961 года проживает в Калининградской области. В настоящее время является пенсионером. Занимается общественной работой.

Я – «ЛАСТОЧКА»

Посвящается разведчице Анне Анисимовой, связистке.

1 часть

Дело было в 44-м.
 Так дрались – закипал металл ...
 Наш рассказ посвящён не мёртвым,
 А тому, кто бессмертным стал.
 Это им мы поклонимся низко,
 Тем, кто в самом неравном бою,
 И, не значась почти по спискам,
 Оставался в солдатском строю.
 Непростых сообщений с фронта
 Терпеливо ждала страна,
 Где за линией горизонта
 Грохотала во всю война,
 А до вражеской цитадели
 Нужно было ещё дойти.
 Здесь не птицы, а пули пели.
 И горели в огне пути.
 К Тапиау, в лесок из елей –
 Нынче Правдинский полигон,

Десантироваться сумели
Спецразведчики группы «Клён».
Населённые пункты недалеко,
А вокруг – лишь болотная грязь.
– Аня – «Ласточка», Аня – связистка,
Выходи со своими на связь.
У дорог мы устроим засады,
Проследим, как идут поезда,
Сообщим, что надумали гады,
Что составы везут и куда?
И повеяли ветры тише.
Над истоптанной смертью страной,
Чтоб точнее могли услышать.
Нашей Анечки позывной:
– Я – «Ласточка...», я – «Ласточка...», приём...
Но далеко её родимый дом,
И до Победы тоже далеко.
И быть в разведке очень нелегко.
И так жесток и беспощаден враг.
Он озверел в пылу лихих атак.
Пока издаст предсмертный страшный стон,
В смертельной схватке беспощаден он.
А «Клён» держался из последних сил,
Но всё-таки запеленгован был.
Связистка схвачена и брошена в подвал –
Он для радистки местом пыток стал.
И вот уже идёт такой допрос,
Что в душу пробирается мороз.

II часть

Пытки, пытки...
Такие пытки...
Их не каждый перенесёт,
От одежды остались нитки,
А от тела – лишь кровь и пот,
Да усталой души кусочек,
Да волос шелковистых прядь...
Да, фашисты, российских дочек
Вы умеете убивать!

А фашисты устали, видно,
Отдыхать куда-то ушли.
Так из жизни уйти обидно...
Ане будет лишь 23.
Но не выдаст под страхом пытки
Тех, кто с нею пришёл сюда.
Аня слышит, как бьют зенитки,
Где-то струйкой течёт вода.
Вот водички бы ей напиться:
Жажда страшная – силы нет.
И ещё, приподняв ресницы,
Перед смертью увидеть свет.
Неуместны при пытках речи...
Жизнь уходит... Молчит связист...
Ане грезится летний вечер,
Небосклон безупречно чист.
Так приятно общаться с мамой...
В повседневном кругу забот
Мимо дома проходит самый
Предвоенный счастливый год...
Ветер пыль по дороге крутит,
Безмятежно растут дубы.
Хорошо, что не знают люди
Поворотов своей судьбы,
Содержание той программы,
Что наметил им путь земной...
Таёт медленно образ мамы,
Исчезает, такой родной...
Умирает связистка Аня.
Не поднять ей уже ресниц...
Только слышит во вражьем стане
Щебет ласточек – милых птиц.
В стае радостной, в небе синем
И она летит над страной.
Хорошо кружить над Россией,
Повторяя свой позывной:
– Я – «Ласточка», я – «Ласточка»...
Приём... Прощай же, Родина,
Прощай же, отчий дом...

Эпилог

Восточно-Прусской операции
Сегодня семь десятков лет.
Нет старенькой радиостанции,
Да и самой связистки нет.
Но светлой памятью расцвеченный,
Остался образ, прост и мил...
Бывает так, что у разведчиков
Награда есть, но нет могил.
Погибшие не станут старшими,
Но в жизни помня каждый миг,
Пройдут уверенными маршами
По умным строчкам добрых книг.
Прохожий, задержись при случае,
Пусть сердце защежит тоска:
На здании, где Аню мучили, –
Мемориальная доска.
Оставь две алые гвоздики –
Так поступают испокон.
Ведь подвиг совершён великий
Разведчиками группы «Клён».
И мы поклонимся им низко,
Их помнить будем до конца.
И пусть в груди у обелисков
Веками бьются их сердца!

Белокобыленко Владимир Игнатович

Родился в городе Свердловске-45 (ныне город Лесной) в 1952 году. Благодаря маме, Евдокии Егоровне Белокобыленко, с детских лет увлекается литературой.

После окончания средней школы проходил службу в Группе советских войск в Германии.

После службы вернулся в родной город, поступил на заочное отделение института УПИ в городе Свердловске (Екатеринбурге), затем работал на комбинате «Электрхимприбор» (входящий в состав Госкорпорации «Росатом»), где и сейчас продолжает трудовую деятельность.

Его стихи публиковались в «Антологии поэзии закрытых городов», в областных газетах и журналах.

Из цикла «Память сердца»

ГЕНЕРАЛЫ

Мы говорим: «Бородино» –
И в блеске славы
Встаёт герой Багратион;
За ним по праву

И незабвенный, и лихой
Прорыв Брусилова,
И в сорок первом под Москвой –
Подвиг Панфилова.

Бывало всякое в судьбе
Героев наших.
И как ни вспомнить о тебе,
Бесстрашный Карбышев?!

Отчизны славные сыны
И командиры,
Огнём войны опалены
Ваши мундиры.

Чредой блистательных побед
На поле брани
Оставившие яркий след,
О генералы,
Нет выше мира на земле
Для вас награды!

Смирнова Маргарита

Родилась в 2003 году в деревне Старорямова Бердюжского района Тюменской области. Учится в 7-м классе сельской школы. В свободное время посещает творческие кружки и спортивные секции, увлечённо рисует.

Выражает благодарность Наталье Владимировне Журавлёвой, классному руководителю, за помощь в написании работы.

**ПЕСНЯ О ДОБЛЕСТНОМ ГЕРОЕ
ИВАНЕ МАРИКОВЕ**

В июне года 41 века двадцатого
фашистские силы тёмные
напали на Русь-матушку.
Они жгли огнем её,
Равняли с землёй,
убивали и грабили род людской.
И встал народ,
Поднялся народ
Постоять за родимую сторонushку,
И был среди защитников Иван Мариков
Родом из Останино, что в Бердюжской стороне
земли Тюменской.
И служил он верою-правдою командиром танка,
воевал на фронте Воронежском в 3-й гвардейской
танковой армии
триста пятого танкового батальона.
Подвиги славные совершил Иван Ефимович,
Он участвовал в битве на Днепре-реке –
Переправился первым на берег западный,
что звался
плацдармом Букринским.

Герой храбрый – Иван Мариков,
Группой танков командуя,
Отрезал противнику пути к отступлению.
В боях у села Григоровка области Черкасской
в стороне Украинской
в октябре года тысяча девятьсот сорок третьего уничтожил
врагов великое множество.
В тех боях погибли 30 000 бойцов,
и среди них наш земляк Иван Мариков.
За отвагу и мужество наградили посмертно
Орденом Ленина и званием Героя
Союза Советского.
Похоронен Иван Мариков в земле украинской,
Далеко от сибирских полей и лесов.
И не можем мы склонить головы
И к могиле его возложить цветы.
Но жива средь людей память о доблести,
О сильном духом Иване Ефимовиче.

Козлов Артём Александрович

Родился в городе Родники Ивановской области в 2005 году. Учащийся 5-го класса центральной городской школы. В свободное время посещает Православный просветительский центр «Радонеж».

Искренне благодарит за помощь в написании работы свою маму – Ольгу Сергеевну Козлову, которая выступила в качестве редактора.

Творчеством увлекается с детства, старается принимать участие в районных и областных конкурсах.

Представленная вашему вниманию творческая работа посвящена его прабабушке – Тамаре Ивановне Колосовой, которая в годы войны защищала столицу нашей Родины – Москву от фашистов.

ЧТО Я ЗНАЮ О ВОЙНЕ?

Что я знаю о войне?

Танки горящие, небо в огне.
Домов обгоревших пустые глазницы,
Слёзы детей и серые лица.

Залпы орудий, крики «Ура»,
Атаки противника в ночь до утра,
Рваные раны от грозной гранаты –
Всё испытало сердце солдата.

Боль матерей от погибших сынов,
Холод и ужас пустых городов.
Жалкие крошки серого хлеба,
Опилки древесные – остатки обеда.

Рёв самолётов, душа наизнанку,
В грозной броне обгоревшие танки.
Пыль гимнастёрок, уставших от боя,
После противника – минное поле.

Голод и ужас, боль, пустота,
Разруха и ночи без сна у окна.
Сирены тревожные, крики людей,
Дни ожидания у пленных людей.

Такого не встретишь больше нигде –
Вот, что я знаю об этой войне.

Тихонова Нэлли Сергеевна

Родилась в Красноярске в 1946 году. В 1969 году после окончания Сибирского технологического института приехала в город Байкальск на целлюлозный завод. Работала в научно-исследовательской лаборатории, а с 1979 по 2007 год – начальником лаборатории очистных сооружений комбината.

Со школьных лет выпускала стенгазеты, где и появились её первые стихи. В литературном объединении «Прибой» с 1993 года, и шестнадцатый год – его председатель.

В настоящее время на пенсии. Много занимается общественной работой в женсовете города и в литобъединении.

Пишет разные стихи и песни, которые неоднократно печатались в многотиражке комбината «Байкальский целлюлозник», в областных, районных и городских газетах, вошли в сборник к 70-летию Победы «Вечный мир на земле завещаем беречь Вам, живые...».

В 2012 году вышли первый авторский сборник «Страницы судеб» и фотоальбом со стихами «Разговор с природой».

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Минута молчания, минута молчания ...
Всё замерло в скорби, лишь сердце стучит.
Минута молчания, минута молчания ...
Набатов в груди наше горе звучит.
Минута молчания, минута молчания ...
Погибли у нас миллионы людей.
Минута молчания, минута молчания ...
Солдат, стариков, матерей и детей.
Минута молчания, минута молчания ...
Убиты, расстреляны и сожжены.
Минута молчания, минута молчания ...
Мы всех вспоминаем вас, жертвы войны.
Минута молчания, минута молчания ...
Все ужасы помним военных времён.
Минута молчания, минута молчания ...
Пылает немеркнущий Вечный огонь.
Минута молчания, минута молчания ...
Под траурным стягом застыла страна.
Минута молчания, минута молчания ...
Родные, нам помнятся все имена...

Поваляева Людмила Николаевна

Родилась в 1964 году в посёлке Тербуны Липецкой области.

После окончания школы поступила в Липецкий государственный педагогический институт на филологический факультет. Работает учителем русского языка и литературы в гимназии имени Героя Советского Союза П. А. Горчакова села Боринское Липецкого муниципального района Липецкой области. Участвует в творческих конкурсах. В 2015 году стала победителем областного конкурса «Читающий Липецк», который был посвящён Году литературы.

Вместе со своими учениками занимается краеведческой работой.

ОБЕЛИСК

Вечерет. И лучи заката
 Озаряют в парке обелиск.
 Скромная чугунная ограда,
 Красная, как кровь, звезда горит.
 Здесь лежат войны герои,
 Жизнь отдавшие за Родину и мир.
 Имя золотом – майор Петелько,
 Лётчиков отважный командир.
 Он с мальчишества любил полёты,
 Родину, простор и высоту.
 Пел он песню: «... Первым делом самолёты.
 Ну, а девушки?» – «А девушек потом...»
 Штурман улетел в ночь тёмно-синюю
 И со звёздами остался в небесах.
 Вы не ждите уж его, глаза любимые,
 Отыщите лишь орла, что в облаках.
 Вечерет. И лучи заката
 Озаряют в парке обелиск.
 Скромная чугунная ограда,
 Красная, как кровь, звезда горит.
 В синей вышине, где самолёты,
 Птица гордая с величием парит.

**Кожевникова Екатерина
Васильевна**

Родилась 1 марта 1963 года в посёлке Горноправдинске Ханты-Мансийского района Тюменской области. В настоящее время проживает в селе Нялинском.

После окончания 10 классов (в 1980 году) обучалась в Ханты-Мансийском педагогическом училище.

В 1982 году началась её трудовая деятельность: работала воспитателем, затем заведующей детским садом села Нялинского. Без отрыва от работы получила высшее педагогическое образование в Шадринском государственном педагогическом институте (специальность – преподаватель педагогики и психологии). Имеет второе высшее образование по специальности менеджмент в управлении образованием.

Общий стаж педагогической работы – 33 года.

Состоит в законном браке 33 года. Имеет двух дочерей, двух внучек и внука.

В свободное время любит читать. С 2015 года активный участник и призёр районных, областных и всероссийских литературных конкурсов.

О ВОЙНЕ

Вот закончился бой,
Ярко-красный закат
Словно солнца весеннего вспышка,
Замолчал автомат,
Сел на землю солдат,
На минуту опять передышка.

Гимнастёрка в пыли,
Кровоточит висок,
Медсестру подстрелил автоматчик,
Лейтенант ранен в бок,
В плен попал наш комсорг,
Жалко парня – совсем ещё мальчик.

До утра время есть.
Отдохнём – снова в бой,
Мы не пустим врагов к Ленинграду!
Хоть и трудно порой,
Если ранен, вновь в строй –
На рассвете мы снимем блокаду.

Но а тех, кто убит,
Помнить будем в веках,
Чарку выпьем на братской могиле.
И скупая слеза потечёт по щекам,
Ведь они нам Победу добыли.

Гаврилова-Мамонтова Галина Юрьевна, авторский псевдоним Галинка Мамонтова-Серпуховичка

Родилась в 1964 году в подмосковном городе Серпухове. Поэзией увлеклась ещё в школьные годы. В 1999 году окончила Московский государственный открытый педагогический университет (ныне Государственный гуманитарный университет имени М. Шолохова). С 2013 года постоянно публикует свои произведения на сайте «Стихи.ру». Принимает

активное участие во многих литературных конкурсах. С момента размещения своих произведений на авторской странице сайта «Стихи.ру» неоднократно становилась номинантом Национальной литературной премии «Поэт года» и литературной премии «Наследие».

Конкурсную работу посвятила землякам, погибшим в Афганистане.

«... Сегодня уже о каждом солдате, прошедшем дорогами Афганистана, можно написать целую книгу воспоминаний – о его боевом пути и жизни после Афгана. Но тогда, в 1980-х, о них не писали... Лишь в письмах матерям, подругам, любимым, сёстрам и друзьям они иногда рассказывали о жизни в далёком Афгане...»
(из авторского сборника «Недописанное письмо»).

А эта история – одна из немногих, которая так похожа на историю серпуховича-афганца Сергея Пимкина. Память о нём и других ребятах той войны живёт на аллее возле памятника «Чёрный тюльпан» в подмосковном Серпухове.

ЗА БРАТА

С Афганистана в «чёрном тюльпане»
Русский парнишка домой прилетел.
Плакала мама, невеста рыдала,
А младший братишка – тот жить не хотел.

Погост утром снежным звезда озарила –
Взлетел над могилой солдатской салют.
В свои сорок два сразу мать поседела,
И «чёрной невестой» девчонку зовут.

Ни много ни мало – промчалось три года,
И младшему брату срок вышел служить.
От матери скрыл – записался в Афган он,
Убийцам за брата решил отомстить.

Парнишка в учебке был первым в отряде,
В разведку не раз старшина отправлял.
Он долго искал место то, где в Афгане
Братишку его злой душман расстрелял.

И вот снова бой, снова жаркие ночи,
И снова душманы сжимают кольцо.
И вдруг он увидел внизу, как клокочет
Душман с пулемёта, скрывая лицо.

Нет, это не месть, это братская дружба
Прибавила сил и уверенность в том,
Что значит судьбе было всё-таки нужно,
Чтоб младший за старшего снова встал в строй.

Последние взрывы – разбиты душманы.
Победный февраль надевал ордена.
Вернулся младшой к своей старенькой маме,
Женился на той, что так брата ждала.

***

На площади Красной встречают рассветы
Герои Афганской прошедшей войны.
О «чёрном тюльпане» поют там куплеты
И слёзы роняют у Поклонной горы.

Крылов Валерий Степанович

Родился в 1941 году в рабочем посёлке лесорубов Новосибирской области. После окончания семилетки поступил в ремесленное училище в Новосибирске. Потом три года службы в армии в Германии. После увольнения в запас работал токарем на заводах Новосибирска и учился в вечерней школе, которую окончил с похвальной грамотой. Поступил в НГУ на исторический факультет, однако доучиться, к сожалению, по семейным обстоятельствам не довелось. Опять пошёл работать на завод. Ветеран труда, общий стаж работы 52 года. В настоящее время пенсионер.

Литературным творчеством занимается давно. Есть публикации в журналах, сборниках, издана книжка стихотворений и рассказов «Первое грехопадение».

БРАТ

«Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»
Эту песню я помню – её пел старший брат.

Возвратился он с фронта – сам идти он не мог,
Чьи-то добрые руки занесли за порог.

Мать шептала без звука: «За что Бог наказал?...»
И какую же муку выдавали глаза!

Кто-то внёс и поставил дорогой чемодан,
Брат мигнул мне: «А ну-ка, дай трофейный баян».

Долго я провозился с незнакомым замком;
Тихо люди входили, как к покойнику в дом.

Вдруг откинулась крышка – засияли лады!
Отшатнулись бабы от чужой красоты.

Брат слегка усмехнулся: «Что, красиво живём?
Хватит нынче печали, лучше песню споём!»»

Незнакомую песню спел тогда старший брат:
«Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...».

Подходили соседи – вдовы все в основном,
Угощали солдата табаком и вином.

Кто крутил самокрутку, кто вино подливал,
Брат кривился от боли, но играл и играл...

Не дожил до Победы – умер брат мой от ран,
И ко мне по наследству перешёл тот баян.

Я мелодию вспомнил, заиграл наугад:
«Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...».

Коваленко Валерий Александрович

Родился 5 декабря 1939 года в Белгородской области, в 1964 году окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета по специальности инженер физик-химик. Работал в Обнинском физико-энергетическом институте на разных инженерных должностях. С 1997 года – доктор философских наук, профессор Обнинского ИАТЭ. С 2004 года – член Союза российских литераторов, заслуженный деятель культуры и искусства. Стихи начал писать

с 9 лет, основные темы творчества – война и мир, любовь и дружба, жизнь и созидание.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Было это девятого мая, с утра,
Той весной сорок пятого года.
Только ночь пронеслась, как радист нам вчера
Возвестил завершение похода.

Но война есть война, хоть фанфары звенят –
И в Москве и в «чужом» Вашингтоне.
И по слову приказа идёт наш солдат
По разбитому рейху в колонне.

Путь лежал нам на Прагу, и было уже
Вёрст от силы с полсотни до цели,
До последних огромной войны рубежей,
До которых дойти мы сумели.

Вдруг вверху, впереди, в придорожных кустах,
Показались фашистские танки.
Всё застыло на миг. Лишь стучало в висках:
«Смерти ищут бандитов остатки».

Это значило: мир уничтожен опять,
Завоёванный страшной ценою.
Он в эсесовский мозг не хотел проникать,
Вот и вновь обернулся войною.

А уж бой загорался, но ротного крик
Всё вокруг заглушил на мгновенье:
«Бронебойщики, к бою!», и тут я приник
К пэтээру в привычном волненьи.

Впереди уж горело с десятков машин,
Не с людьми – с человеческим сбродом.
То ль на Запад путей он искал среди лошин,
То ль на небо спешил этим ходом.

И, прицелившись, бил я грохочущий ряд.
Тот окутался пламенем-кровью.
Но накрыл меня тут же немецкий снаряд.
И пропал я во тьму и безмолвье.

Слепота с глухотою на место венца?!
Нет, руками вокруг себя шаря,
Я наткнулся на руки другого бойца –
Старшина, свой, до гроба свой парень.

Взял из рук его связку большую гранат
(Был беззвучен вопрос: «Много ль смысла?»),
И, кровавым лицом оглянувшись назад,
Ощутил: там опасность нависла.

И, бессвязное что-то вопя и рыча,
Под звенящую гусениц сбрую
Я влетел с этой связкой. И «тигр» замолчал,
Словно врезался в глыбу стальную...

К вам, живые, сейчас обращенье моё:
Нам, ушедшим безвременно в бездну,
Извините, что с вами сейчас не поём,
В этот праздник наш общий, победный.

Корнилов Владислав Владиславович

Родился в городе Тюмени 22 июля 1965 года.

После окончания в 1987 году Тюменского индустриального института им. Ленинского комсомола преподавал на кафедре машин и оборудования нефтяных и газовых промыслов.

Стихи и песни на свои стихи пишет с 2005 года.

Лауреат различных степеней городских и региональных конкурсов авторской песни. Печатался в коллективных сборниках и газетах Тюмени, Петербурга.

В настоящий момент работает начальником бутафорского цеха в Тюменском драматическом театре.

В свободное время занимается поэтическим творчеством.

ДРЕССИРОВЩИК

Написано на основе реальных событий...

*За годы Великой Отечественной войны
собаки-камикадзе ценой своей жизни уничтожили
более 300 танков противника...*

Его призвали в первый день войны
Со всеми подопечными из взвода,
Он их дрессировал уже полгода
Для пограничных войск родной страны.

И тут война... Он получил приказ:
«Переучить собак, и месяц сроку!
От сыщиков сейчас не много проку,
Готовь бойцов! Бойцы нужны сейчас!»

Он их готовил для борьбы с врагом:
В бою бросаться с минами под танки:
Привязывал им на спину болванки,
Подкармливая после сахарком...

Они виляли предано хвостом,
Когда он гладил их рукой по холке
И говорил им в шутку: «Вы же волки!
А нежности телячьи на потом!» ...

... Они погибли в первом же бою,
Хозяину так беззаветно веря!
(Невелика, казалось бы, потеря:
Ну, отдали собаки жизнь свою).

Атака захлебнулась, кончен бой:
Дымятся восемь «тигров» у окопа,
Приехал штаб (с командующим) скопом,
Увидеть лично, что там за герой?

Он перед ними даже не привстал,
Сжав голову дрожащими руками,
И в блиндаже подсумок с поводками
Его питомцам памятником стал ...

... Он выл, как волк на полную Луну,
И ничего не ел вторые сутки,
Скрипел зубами с выраженьем жутким,
Ночную нарушая тишину...

Его решили «сплавить» в медсанбат, –
Душевная не заживала рана.
Обняв его, как брата, утром рано,
«Спасибо!» – прошептал ему комбат.

... Потом, когда закончилась война,
Он долго жил один в лесной избушке,
Вытачивая детские игрушки –
Собачек из кедрового бревна ...

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

*Жителям деревни Тюлькино
Егору Шибанову и Борису Загвоздкину...*

«Ну, что, Егор, рванём с тобой в субботу?
Братан звонил – обувку завезли!»
Егор в сторонку отложил работу:
«Да я, Бориска, нынче на мели!
Потратил на дрова всё до копейки,
А пенсию во вторник принесуть!»
«Так ты займи! У крестника Андрейки»
«Добро!» – «Бывай! Смотри не забудь!»
... С утра раскочегарив «инвалидку»
В райцентре закатились в магазин,
Вгоняя в краску продавщицу Лидку,
Бродили средь прилавков и витрин.
Ботинки долго-долго выбирали:
«Гляди, Борис, однако – в самый раз!»
«Егор, ты что, пойдёшь, спроси у крали,
А нет ли помодней чего для нас!»
«Молчи, дурак! Она уж нам не рада!
Мне эта пара по душе пришлась!
И взъём хорош! И кожа – то, что надо!»
«Взгляни на Лидку – вишь, как завелась?!»
«Егор! Егор!» – Борис не унимался:
«Тут мех теплее и шнурки толщей!
И наш размер точнёхонько остался!
Что зыркаешь глазами как Кощей!»
«Кончай бузить! Вон те берём! И точка!
Хорош кривляться, щас погонят нас!
Как говорится – денежки на бочку!
Не то, как в прошлый раз, получишь в глаз!»

... Вот так они и спорили до хрипа –
Ведь пару покупали на двоих.
У каждого – протез ноги со скрипом –
Вернулись с фронта на своих одних ...

*Проба
пера*

Савин Даниил Георгиевич

Родился в городе Малоярославец Калужской области в 2000 году. Проживает в городе Обнинске Калужской области.

В настоящий момент учится в 10-м классе МБОУ СОШ № 4 им. Осипенко города Обнинска Калужской области.

Искренне благодарит маму за поддержку в написании работы.

ПОСВЯЩЕНИЕ БЕССМЕРТНОМУ ПОЛКУ

Сегодня снова мы в строю шагаем,
Сегодня снова мы среди людей.
Свет Вечного огня нас воскрешает –
Бессмертный полк, полк «Белых журавлей».
Над нами небо чистое высоко.
Оркестров и медалей слыша зов,
Выходим мы, смыкая в строй колонны
Рот и полков, дивизий и фронтов.

Чеканят внуки шаг, гремят салюты.
Мы видим поседевших сыновей.
Живые мы, пока нас помнить будут, –
Бессмертный полк, полк «Белых журавлей».
Нас с каждым годом, к сожаленью, больше.
Упрямы Смерть и раны той войны...
Нас настигают пули и снаряды,
Которые послали в нас враги.

Звучат команды «Стройся!» и «Равняйся!».
Шагаем мы колонною своей.
И мы опять бойцы своей Державы –
Бессмертный полк, полк «Белых журавлей»!
Нам не нужны ни почести, ни слава,
Лишь только мир для Родины своей...
И крыльями Россию закрывает
Бессмертный полк, полк «Белых журавлей».

Григорьев Георгий Алексеевич

Родился в городе Березовский Кемеровской области в 2003 году. Учится в средней общеобразовательной школе №16 города Березовского Кемеровской области в 7-м классе.

Увлечён углублённым изучением физики, английского языка и математики. Но свободное от учёбы время посвящает литературному творчеству. Неоднократный победитель городского конкурса юных поэтов и прозаиков «Свой голос», призёр областного детского литературно-экологического конкурса «Зелёный листок» и общероссийского конкурса творческих работ детей и взрослых «Воины – защитники России!»

Искренне благодарен своей маме и учителю русского языка и литературы – Григорьевой Ольге Николаевне за помощь в написании работы.

ВОИН–ОСВОБОДИТЕЛЬ

Моему земляку Николаю Масалову посвящаю...

Солдат не мечтал, не гадал, не думал о славе. Хотел только скорее победу приблизить, а потом землю пахать, хлеб сеять, в мире и счастье детей растить. А о славе совсем не думал. Слава сама его нашла и подняла на пьедестале к самому небу.

Было это в последние дни войны. Уже не километры, а метры оставались до логова врага – центра Берлина. Берлин – огромный город. Сотни тысяч домов в Берлине. Каждая улица дышит смертью.

Солдаты русской армии готовились к последним боям. Среди них солдат с простым хорошим именем Николай, уроженец земли Кузнецкой.

Ждут солдаты сигнала к бою. Перед ними площадь, за нею Потсдамский мост. Мост заминирован и находится под огнём противника. Вот на этот мост, на тот берег скоро начнут солдаты атаку.

Масалов Николай Иванович

Притихли солдаты. Так всегда бывает перед штурмом. Где-то идёт стрельба, продолжаются бои. А здесь тишина. И вдруг тишину прорезал плачем детский голос. Вздрогнули солдаты от неожиданности. Неясно, откуда раздавался детский плач.

– Мама! Мама! – плакал ребёнок.

Теперь стало ясно, что плач шёл с берлинских развалин. Вышел вперёд Николай, подошёл к командиру:

– Разрешите спасти ребёнка.

– Разрешаю, – подумав, ответил командир.

Пополз Николай через площадь к мосту. И вот сразу же загредел и фашистские пулемёты, зашвистели снаряды вокруг. Прижался к земле солдат и ползёт от камня к камню. Слышит он только детский голос:

– Мама! Мама!

Вот уже полпути он прополз, вот две трети, осталось совсем немного. Поднялся он в полный рост, метнулся к мосту.

Потеряли солдаты его из вида, не видно Николая, и голос ребёнка утих.

Медленно, медленно тянутся минуты. Волнуются солдаты. Неужели погиб солдат и вместе с ним ребёнок?

И вот увидели они идущего от моста Николая. На руках у него немецкая девочка.

Чтобы прикрыть его, открыли огонь солдаты. Заговорили пулемёты, застрочили автоматы, ударили пушки.

Пришёл Николай к своим, принёс немецкую девочку.

Оказалось, что фашисты убили у девочки мать. Перебегала, наверное, она дорогу вместе с дочкой, вот и попала под пули.

Держит солдат на руках девочку. Года три ей, не больше. Прижалась она к солдату и всхлипывает. Обступили их бойцы.

Смотрят, пытаются девочку от слёз отвлечь. Кто сахар ей протягивает, кто козу на пальцах показывает.

Посмотрела девочка на солдат да и улыбнулась сквозь слёзы.

Отгремела война. В Берлине, в одном из красивых старинных парков – Трептов-парке – советским солдатам, всем тем, кто спасал и наш, и немецкий народ от фашистов, был установлен памятник.

Холм. На холме пьедестал гранитный. На нём фигура солдата, стоящего на обломках свастики. В одной руке солдат держит опущенный меч, а другой – поддерживает спасённую им немецкую девочку.

Вот так. Не думал солдат-сибиряк, не мечтал, не гадал. А вышло – бронзой поднялся в небо.

Он стоит, как символ нашей славы,

Как маяк, светящийся во мгле.

Это он – солдат моей державы –

Охраняет мир на всей земле!

Г. Рублёв. «Памятник»»

Вечная память отважным!

Вечная слава храбрым!

Памятник в Тязинском районе Кемеровской области

Кулпин Матвей Николаевич

Родился в городе Оса Пермского края в 2004 году.

Активный участник различных конкурсов, как творческих, так и интеллектуальных. Любит сочинять стихи. Считает, что человеку просто необходимо проявлять себя.

В настоящее время учится в 5 «А» классе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Осинская средняя общеобразовательная школа № 1 имени Героя РФ В. П. Брюхова».

Выражает искреннюю благодарность родителям: маме – Тамаре Александровне Кулпиной, учителю немецкого языка, и папе – Николаю Николаевичу Кулпину, работнику нефтяной области, – за помощь в написании работы.

ОН ДЛЯ ВСЕЙ СЕМЬИ – ГЕРОЙ

Посвящается моему прадеду –
участнику Великой Отечественной войны
Николаю Петровичу Кульпину.

Кто-то фрицев бил на суше,
Кто-то и на море бил.
Но ещё такие были,
Кто границу сторожил.
Чтобы Гитлеру японцы
Не смогли никак помочь,
Коля Кульпин ту границу
Охранял и день и ночь.
Пусть не мичман он, и что же?
Просто старший был матрос.
Воевал геройски всё же,
Хоть медалей и не воз.
Всё равно горжусь прадедом,
Он для всей семьи – Герой.
Ведь и он ковал Победу,
Чтобы мир был и покой.

Коновалова Марина Вадимовна

Родилась в городе Вологде. Учится на первом курсе Костромского государственного университета, получает профессию учителя русского языка и литературы. Начала писать в 17 лет. Пишет рассказы для детей и о детях, так как считает, что произведения именно этого жанра способны преумножить свет и любовь во всём мире.

Увлекается эстрадным вокалом и катанием на коньках.

Неоднократный победитель региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов и фестивалей. Печаталась в сборнике «Литературное творчество детей», в детской «Роман-газете».

ПОБЕДА

Маленькая Поля грустно качала головой, листая толстую книгу в сером переплёте. Её девочка нашла в комнате бабушки, Ивана Семёновича Разина, в старом шкафу.

«Только бы бабушка подольше не приходил, чтобы я успела всё приготовить!» – подумала Поля, оглядываясь на дверь. Нужно было спешить, ведь он скоро вернётся с прогулки. А бабушка не должен знать о её подарке.

Она закрыла книгу и положила её в стопку к остальным. Где же ей найти стихотворение, чтобы выучить его для бабушки ко Дню Победы?

Дед, Иван Семёнович Разин, ушёл на фронт в сорок первом. Его тогда сразу отправили на север, в Мурманск, защищать Белое море. С войны он вернулся в сорок четвёртом, когда его ранило в глаз. Дома ему сделали операцию и поставили протез.

Серые, похожие одна на другую книги уже начинали докучать ей, как вдруг среди неприметных книжек она увидела энциклопедию красного цвета, которая явно выделялась среди остальных. Она носила название «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.».

Бабушка часто рассказывал внучке о войне, поэтому, перелистывая страницу за страницей, девочка не была сильно удивлена, прочитав

такие слова, как «смерть», «голод», «фашисты», «концлагеря». Страшно ей стало тогда, когда она увидела чёрно-белые фотографии с фронта.

... вот смотрит Полина: на широком поле грохочут танки. Русские солдаты сражаются с фашистами. Девочка перевернула запылившуюся страницу и увидела этих же молодых солдат, лежащих на сырой земле. Они были мертвы. Поля мучительно всматривалась в их лица. Ничего, кроме боли и страдания, она не увидела на них.

Ещё страница – поле боя. Туман и множество смертей. А вот и матери погибших сыновей... они всё ждут, надеются и верят, что увидят своих детей. Их глаза полны страха и надежды.

Поля не могла пропустить ни одной фотографии. Со слезами на глазах девочка листала страницу за страницей, проникая в тяжёлые военные годы.

Она совсем не заметила, как быстро пролетело время. Вот и дедушка вернулся с прогулки, а она так и не нашла стихотворение! Как же она его поздравит? Девочка поспешно спрятала книги в ящик стола: вдруг дедушка заглянет в комнату. Поля ещё раз открыла красную энциклопедию. Нет, никаких стихотворений в ней не было. Девочка снова остановила свой взгляд на страшных военных фотографиях. Ах, если бы можно было всё изменить! Оживить погибших в бою солдат, которые с отвагой защищали нас, успокоить их матерей, нарисовать мирное небо над головой... нарисовать! Кажется, Поля знает, как поздравит дедушку.

Девочка достала из ящика стола свой любимый альбом для рисования и цветные карандаши.

Сначала Полина нарисовала то самое поле боя, фотографию которого увидела в красной книге.

«Ведь на этом поле погибло очень много солдат», – с грустью подумала девочка. Затем маленькая Поля нарисовала двух солдат, лежащих на сырой земле – на фотографии в книге они изображены погибшими, но девочка оживила их: она нарисовала раненых солдат в окружении врачей, которые обязательно спасут молодых людей. Солдатам она дала имена Алёша и Олег. На другом альбомном листе девочка нарисовала матерей, с трепетом и любовью встречающих сыновей, вернувшихся с войны, пусть ранеными, но живыми. Полина не забыла про чистое небо над головами и солнце, ярко раскрасив их в соответствующие цвета.

– Всё. Победа! – воскликнула девочка.

Лобанов Инполит Иванович

Родился 2 января 1951 года в деревне Немцево Горномарийского района Марийской АССР.

По профессии – учитель истории и обществоведения. Работал в школе, был вторым секретарём РК ВЛКСМ, инструктором райкома партии. Служил рядовым, офицером, замполитом роты в рядах Советской армии.

В настоящее время уже 35 лет работает журналистом, заместителем редактора газеты «Жера»

(«Восход») Горномарийского района Республики Марий Эл.

Он – член Союза писателей и Союза журналистов России, двукратный бронзовый призёр чемпионатов Европы в эстафетном беге, многократный чемпион России по бегу среди спринтеров-ветеранов спорта, кому за 35 лет и старше, заслуженный работник культуры Республики Марий Эл, победитель различных конкурсов.

МЕДСЕСТРА

*В честь ветерана войны и труда
Александры Егоровой.*

Уверенно, стремительно, как птица,
Она на лыжах мчится в дальний путь:
Подняться на овраг, потом спуститься.
Мороз. Холодный ветер. Не до смеха.
Но разве это может помешать?
Любая непогода – не помеха:
Её позвали, надо поспешать!
Мы всякий раз смотрели с восхищением:
Вот это лыжница! Попробуй-ка догнать!
Какие грациозные движенья!
Какая замечательная стать!
Мальчишки! Мы завидовали страшно.
Мы удивлялись, подражали ей.
Она казалась нам такой же бесшабашной,
Как мы, но только половчей.
Мы спорили – кто был ей педагогом,
Кто научил такой быть, как она?
А оказалось, что к умению дорогу
Ей показала страшная война ...
Она была на фронте медсестрою.
Под градом пуль, разрывами гранат
Ей приходилось часто с поля боя
Спасать в сражениях раненных солдат ...
Она Герой! Грудь в орденах, медалях.
Она скромна. И только светлый Май
Вдруг вспомнит о тех далёких далях
И скажет: «Берегите мир! Мир – рай».
Сейчас, когда уже я не мальчишка,
Её увидев, чую благодать,
И вновь готов, как в детстве, я вприпрыжку
Бежать за ней, спасибо чтоб сказать!

*Перевод с горномарийского
Игоря Акифьева*

Нестеров Андрей Андреевич

Родился в Ижевске в 1986 году. С 2003 по 2008 год обучался в Удмуртском государственном университете по специальности издательское дело и редактирование. Там же окончил аспирантуру. На данный момент заочно обучается в Академии госслужбы при Президенте РФ.

Является руководителем и управляющим активами *Nesterov Capital*. Профессиональный трейдер.

В свободное от работы время пишет стихи и рассказы. Много читает.

НЕБЕСНЫЙ ПОЛК

– Ваню. Ты куда прёшь?

– Да так, спешу немцев бить, – сказал молодой улыбчивый парень лет 25, с веснушками на лице.

И весь полк, услышав это, засмеялся. Простая сельская дорога, каких в России много. Полк, о котором здесь пойдёт рассказ, шёл к Москве. И именно этот полк, состоявший из разных ребят со всего Советского Союза, совсем не профессиональных военных, и сыграет важную роль в обороне Москвы. Спустя много лет этот полк прозовут – «Небесным».

Ваню, или Иван Степанович, – учитель истории в прошлом. В настоящем – балагур и душа полка, юморист, шутник, ну и рядовой, конечно. Армен Георгадзе, Стёпа Фрунзик, Виталька Мальцевич, Константин Георгиевич, Лёва Аферист, Петька Василёк, Димка, просто Димка, Андо Умник и много других хороших парней. Тех, кто этим утром шёл по простой русской дороге и ничего не боялся. Потому что это их земля. И не имело значения, что кто-то из них из села в Грузии, кто-то из Новгорода, Иркутска или Вологды. Это их земля, и их долг – прогнать врага, которого никто не звал сюда. «Небесный» полк, так уж сложилось, состоял только из хороших и честных парней. Не было среди них ни одного гнилого. Ветер дул им в спину. Солнце грело им лицо. Все как один улыбались, и спустя некоторое время над дорогой разлилась громкая мужская песня.

День 1-й

Ну вот и пришли. Позади Москва. Огни города. Ночное небо. Лучи прожекторов. Впереди через поле – немцы. Много немцев. Страшно – да. Со стороны немцев звучат смех и песни. Основная мощь германской армии сосредоточилась именно на этом участке фронта.

– Повезло, – как обычно, в своей манере отшутился Ваню.

А прямо тут – мы. В окопах. Полк устроился, и каждый чем-то был занят.

Армен взял свою губную гармошку и тихо-тихо напевал какой-то, только ему известный мотив, сидя на ящике с патронами. Димка вглядывался в темноту ночи, держа наготове автомат. Умник в блиндаже при свете тусклой лампы читал какую-то потёртую книжку. Забыл про всё. Как и всегда. Витка спал. Но как спал? Просто закрыл глаза и о чём-то мечтал. Ему можно мечтать – всего 18 лет. Константин Георгиевич – самый старший и по возрасту, и по званию из нас – целый майор, сидел на бочке и курил. Георгиевич нравился всем. Скала, а не мужик. Лёва Аферист обыгрывал в карты каких-то новичков. Ну вот зачем ему это? Завтра бой, а он всё о своём. Петька Василёк (Василёк, потому что глаза голубые) чистил своё ружьё и свистел что-то. Все занимались тем, что им было по душе. «Небесный» полк готовился к своей первой и единственной битве. Их время неукротимо истекало.

– Эй, Ваню! – крикнул справа Армен. – Давай шутку, а то завтра некогда будет смеяться.

– Армен?

– Да

– Знаешь, почему ты на войну взял с собой губную гармошку?

– Нет. Почему?

– Так жена-то дома осталась, а целоваться-то надо с кем-то, – крикнул на весь полк Ваню и засмеялся самым первым.

После над полем пронёсся смех целого полка.

– Эй, Гюнтер, скажи: нас в четыре раза больше, чем русских, а они смеются. Почему?

– Не знаю, Макс. Странные они. Видимо, верят во что-то. Поймаешь – спросишь.

День 2-й. Утро перед атакой

Мандраж. Ожидание. Армен сидит в блиндаже за столом и пишет письмо. Своё последнее письмо любимой жене:

«Привет Джасмин. Пишу тебе из-под Москвы. Скоро вернусь. Только отобьём немцев, и сразу обратно. По пути домой куплю тебе платок. Да. Хотел сказать – я тебя очень сильно люблю и...»

Письмо так и осталось лежать на столе незаконченным. Армен услышал сигнал к атаке и выбежал из блиндажа. Он так и не узнает, что ровно через 8 месяцев далеко от Москвы в небольшом селе любимой сердцу Грузии родится его сын и в тот же самый день его жена получит это письмо. И долго будут капать женские слезы на простой, но такой дорогой лист бумаги.

Выбегая из блиндажа, Армен, как обычно, услышал звонкий смех Ваню. Пора. Взгляд направо – Аферист даже в самый последний момент не изменяет своей натуре. Партия в карты была брошена в самом разгаре. Вот из другого блиндажа выбегает Умник. В руках книга. Целую ночь читал, видать. дочитал. Он кладёт её на бочонок и вглядывается вдаль.

– Ну что, Умник? Щас немцам напощаём, и завтра опять в библиотеку за новой книжкой? – спрашивает Ваню.

– Обязательно, – просто отвечает Умник.

Они ещё не знали, но догадывались, что не будет больше ни книжек, ни партий в карты, ни шуток Ваню. Главное – выполнить долг перед Родиной. Остальное уже не важно.

– Ребята, – крикнул Виталик, – это что?

– Где?

– Да вот, – указал он пальцем на бочку.

Взгляды устремились в направлении пальца. Изумление в глазах сменилось чем-то, напоминающим умиротворение. На бочке стояла обычная и в то же время не совсем обычная икона. Откуда она взялась? Найдите вопрос полегче. Но она вот здесь. Реальная. От неё исходило какое-то приятное на чувственном уровне свечение. У солдат, смотревших на неё, ни осталось ни страха, ни сомнений. Они в этот момент точно знали, для чего родились, учились, жили. Их жизни стали чем-то большим, нежели просто жизнь человека в понимании общества. Не имела значения уникальность Ваню как человека, ум Умника тоже отошёл на второй план. Хитрость Афериста больше не значила для мира ничего. Они все – весь «Небесный полк» – стали единым целым. Молотом, цель которого отодвинуть врага от Москвы. Час пришёл.

– Гюнтер, русские что, совсем психи?

– Почему?

– Смотри: у них нет танков, только ружья и автоматы. Нас в четыре раза больше. А они надели свои штыки и бегут на нас.

– Готовь пулемёты, осёл, – крикнул Гюнтер и сам не понял, как русские так быстро пересекли расстояние, отделявшее их.

В тот день половина пулемётов даже не выстрелила. Немцы клялись, что им в глаза било какое-то свечение. Тот день запомнился немцам как какое-то чудо, которое невозможно объяснить. Возможно лишь поверить. Никто из ныне живущих в этот рассказ так и не поверил.

Их было в четыре раза меньше. Но они знали, что победят. Не выживут, но победят. Армен, пока бежал, думал о своей жене. Добежав до окопа противника, он колоч и стрелял как никогда раньше. Патроны уже давно закончились. Штык погнулся. В руках нож. Вокруг гора немцев. Неживых. «Да и живыми эти мрази никогда и не были», – подумал Армен. Спустя минуту он ничего не почувствовал. Просто упал. На другой стороне боя Аферист думал о недоигранной партии. А у него были такие хорошие карты. Раненый и уставший, весь в крови он вбежал во вражеский блиндаж и увидел кучку офицеров с пистолетами, наведёнными на него. «Это конец, – улыбнувшись, подумал он. – Так уж карта легла». И выдернул чеку из гранаты. Взрыв был такой силы, что даже ангелы аплодировали ему на небесах. Не подвёл. Исполнил свой долг. Молодец. Умник, прыгая в окоп к врагам, думал о том, какую следующую книжку он прочитает: «Может быть, «О природе вещей». Автора вот сейчас только не вспомню». Бах-бах – ещё двое фрицев. Бежать, бежать вглубь. Забрать с собой как можно больше фрицев. Гранату туда, гранату сюда. Чище станет на земле без этой фашисткой падали. Взрыв. Прямо перед глазами. Всё. Финиш. Как говорили древние – черта не прохождения. Дальше пути нет. Ну и ладно. Долг выполнен.

Немцы бежали от страха и паники. Гюнтер бежал позади всех. Он решил оглянуться и увидел странную картину. Позади русских в небе светилась икона. Обычная икона. А на небо с земли уходила лестница. Лестница в небо. У самого её начала стоял весь полк русских. Никто из них в этой битве не выжил. Они стояли и как будто чего-то ждали или кого-то. «Кого?» – подумал Гюнтер и увидел, что чуть поодаль на холме храбро отбивался от ещё оставшихся немцев русский солдат. Это был Ваню. Последний из оставшихся в живых. На поясе висели четыре гранаты. И его окружили двадцать озверевших немцев. Последние остатки великой немецкой армии.

– С Новым годом, придурки, – как обычно пошутил Ваню. Подождал, пока они подойдут поближе, и взорвал гранаты.

Гюнтер видел, как спустя минуту тот же самый солдат, окутанный дымкой и непонятным свечением, спустился с холма и присоединился к своим товарищам. Гюнтер видел, как русские улыбались, хлопали себя по плечам и поднимались по этой лестнице всё выше и выше.

Прошли годы. Рассказ Гюнтера посчитали бредом. Спустя много лет он опубликовал свои мемуары под названием «Небесный полк».

После той атаки в окопы полка прибыло командование. Тишина. Ни одной живой души. На столе чьё-то недописанное письмо. Карты – кто-то так и не доиграл партию. Потрёпанная книжка валялась в окопах. Ни души. И никакой иконы.

– Эй, Ваню, куда прёшь?

– В новую жизнь, Константин Георгиевич. В новую жизнь. В этой я уже выполнил свой долг, – неожиданно, без обычного юмора, ответил тот, кого все звали просто – Ваню.

Сайфуллова Алсу Равильевна

Родилась в Саранске – столице Республики Мордовия 21 ноября 2000 года. Ученица 10-го класса гуманитарной гимназии № 20. Призёр и победитель многих муниципальных, республиканских и всероссийских творческих конкурсов.

Первое стихотворение написала в 6 лет. С 14 лет – член городского литературного клуба «Литер РМ».

Свою конкурсную работу – стихотворение «В нашем сердце – Победа!» посвятила прадеду Дмитрию Антоновичу Куторкину, который танкистом прошёл всю войну – до Берлина.

В НАШЕМ СЕРДЦЕ – ПОБЕДА!

В нашем сердце – Победа,
Русский дух – не сломить.
Я спросила у деда:
«Как ты смог победить?»»

Он молчал, вспоминая,
Дни начала войны,
Переправы Дуная,
Под Берлином бои.

Огнемётного взвода
Боевой командир,
Он ответил мне гордо:
«Мы сражались за мир!»

Сквозь огонь испытаний
Наша Родина шла,
Но от горьких страданий
Не погибла душа.

Не награды мы ждали,
Уходя на войну.
Потому побеждали,
Что любили страну!

Мы себя не жалели,
Защищая народ.
Мы тонули, горели,
Но шагали вперёд!

В час беды устояли
И смогли победить... »
Дед погладил медали:
«Русский дух не сломить!»»

И с заветами предков
Нам, их правнукам, жить!
В нашем сердце – Победа!
Русь нельзя победить!

Заболоцкий Фёдор Павлович

Родился в Казахстане в городе Шымкент в 1997 году. В 2014 году переехал на Кубань в город Краснодар.

В 2016-м с успехом окончил лицей № 64 города Краснодара и поступил на первый курс юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству и спорту.

Искренне благодарит своего наставника – Марию Викторовну Юрченко, репетитора по русскому языку и литературе, за помощь в написании работы.

ПРИЗРАКИ ВОЙНЫ

Я сломя голову летел на своём автомобиле по просёлочной дороге. «Дом, милый дом!» – назойливо вертелось в голове. Ещё бы! Сбылась моя самая сокровенная мечта – я приобрёл дом. Пусть старый, почерневший от времени, с заколоченными окнами, зато двухэтажный. Пусть на окраине деревни, зато мой, собственный. А потому я не обращал никакого внимания на то, что абсолютно безоблачное небо вдруг заволокло лиловыми тучами, сквозь которые причудливо пробивались солнечные лучи. Нетерпение нарастало. Наконец-то последний поворот – и вот он, дом, милый дом!

Сам дом я приобрёл за бесценок. Но когда поинтересовался у продавца, почему продаёт и почему так дешево, услышал: «Они мне не нужны!». Что за «они», я так и не понял, а переспросить позже забыл.

И вот я уже у обветшавшего забора, присматриваюсь к строению в глубине двора. Дом, мой дом, только слегка мрачноватый. Вокруг заброшенный сад. Выхожу из машины, открываю ржавую калитку и направляюсь по заросшей тропинке к парадному входу.

Наконец я перед дверью, вставляю старый золотистый ключ – «от всех дверей», как мне сказал бывший хозяин – в замок. Как вдруг зади послышалось:

– Уходите, пока не поздно, а то они и вас заберут!

Обернувшись, я увидел за калиткой одетого в залатанную одежду седого старика, который, прищурившись, смотрел на меня.
– Вы про что? – переспросил я.

Но тот ничего не ответил и, тяжело вздохнув, быстро зашагал прочь. Глядя ему вслед, я подумал: «Весёлые здесь местные, не соскучишься».

Провернув ключ в замочной скважине, я открыл дверь, которая пронзительно закрипела, словно остриё ножа прошло по стеклу. И тут же в нос ударили отвратительные запахи плесени, сырости, гнили в сочетании с моим любимым запахом старья.

Дом изнутри походил на склеп, в который еле-еле просачивались лучики света через щели в заколоченных окнах. Вся мебель вместо специальных чехлов была накрыта простынями. Давно не белённые стены и потолки почернели от времени, деревянный пол покрывал толстый слой пыли, сквозь который всё ещё можно было рассмотреть узоры, когда-то его украшавшие. Зато отчётливо была видна дорожка, оставленная лапками мышей (или крыс, точно не могу сказать, я в этом плохо разбираюсь), и следы, которые оставили мы с бывшим хозяином, когда я в первый раз осматривал дом.

Чтобы лучше осмотреться, я включил электричество, но толку было мало – лампочки оказались так укутаны пылью, что свет едва пробивался сквозь такое затенение. Не очень расстроившись, для начала я решил проветрить все комнаты, а после хотя бы чуть-чуть убрать, чтобы потом заняться самым интересным – изучением дома.

Взяв из машины молоток и гвоздодёр, я принялся за работу. Но тут возникла проблемка: окна были очень уж основательно заколочены, поэтому я провозился с ними до вечера.

Открыв наконец-то окна и вдохнув свежий воздух, я увидел за своей калиткой бабушку в красной косынке, которая держала в руке какую-то книгу и быстро бубнила что-то себе под нос, глядя то на дом, то в книгу. Заинтересовавшись, почему она стоит возле моей калитки, я решил спуститься и спросить.

На улице я направился прямо к ней и по дороге смог разглядеть книгу, которую она держала в руках. Это была потрепанная Библия. Увидев меня, старуха умолкла и пронзила меня взглядом, в котором были и страх, и ужас, и восторг одновременно.

– Берегись неупокоенных, они всё помнят, – зловеще прошептала старуха.

– Кто, что помнит? Про что вы?

– Господи, спаси и сохрани! – вскрикнула бабка, резко подняв руку и указывая пальцем в сторону дома: – Я вижу их!

Я обернулся, но ничего не увидел:

– Да нет там никого, кого вы увидели?

Но бабка не смогла ответить, она тряслась вся: плясали руки, державшие Библию, губы, которые не могли произнести ни слова. А я лишь заново повторил свой вопрос, так как мне всё это уже стало надоедать.

– Кого вы увидели? И что вам вообще от меня и моего дома нужно?

Бабка зыркнула на меня и, три раза перекрестившись, проговорила: «Господи, защити своих слуг от неуспокоенных душ», а после, развернувшись, короткими, но быстрыми шажками стала удаляться от моего дома. Я, хмыкнув и взглянув на солнце, которое всё же пробилось сквозь тучи, пошёл домой. Однако на крыльце остановился – дверь оказалась прикрытой. «Я же сам не закрывал дверь», – подумал я, а вслух произнёс:

– Совсем свихнёшься здесь с этими местными.

Весь оставшийся вечер я ел и долго готовил себе кровать для сна, выбивая из неё пыль. Перед сном я запер дверь на ключ, однако, взглянув на окна, понял, что это было не обязательно делать: если кто-нибудь захочет пробраться в дом, он легко это сделает через окна.

– Вот об этом я не подумал, но к чёрту! – махнул я рукой и, выключив свет, направился наверх.

Взгромоздившись на кровать в крошечной тьме и в одежде, я стал размышлять о сегодняшнем дне, но, сделав вывод, что здесь что-то нечисто, заснул.

***

Ночь, тьма. То тут, то там появлялись маленькие огоньки, пытавшиеся отогнать мрак, хоть немного осветить комнату. По стенам и потолку гуляли неожиданные вспышки, сопровождавшиеся далёким громом за окнами – война...

Но людей, находящихся в комнате, это, кажется, совсем не волновало – они были заняты другим. Шестеро немцев (которых я узнал по форме), стоя возле дверей, что-то бурно обсуждали, поглядывая на семью – несколько человек на коленях возле дальней стены. Две молоденькие девушки и их мать обнимали мужчину, лицо которого походило на одну сплошную рану. Плакать он не

мог, а губы его, сомкнутые до синевы, сдерживали то ли крик, то ли безумную ненависть.

Закончив обсуждение, немцы, улыбаясь, повернулись к несчастным. Один из фашистов, окликнув пленников, демонстративно поднёс большой палец к своей шее и провёл им дугу:

– За то, что вы сделали, – осклабился немец, – вас ждёт наказание!

Женщина и девушки смотрели на мучителей молча, а мужчина, подняв голову, яростно проговорил:

– Знайте, мы вернёмся за вами!..

Немцы тем временем решили не тратить зря патроны, а достали ножи и направились к несчастным. Они приняли свою смерть с достоинством...

***

Сильные хлопки, и я лежу с открытыми глазами, весь в поту, глядя во тьму. Приподнявшись, я смог разглядеть, что это закрылись окна. Отдышавшись, я встал и направился к выключателю, но сразу остановился – возле окна кто-то стоял...

– Кто вы?

Не дождавшись ответа, я тихонько потянулся к выключателю.

– Не надо... – тихим голосом, в котором чувствовались нотки ненависти, проговорил незнакомец.

Я отстранился, узнав голос (он был из кошмара), однако свет не включил.

– Мы давно ждали кого-нибудь, – продолжил призрак, – и вот явился тот, кто сможет нам помочь.

Я еле унял дрожь и, проглотив комок, застрявший в горле, проговорил:

– Помочь в чём?

Послышался лёгкий смешок, шелест платья, и тихий замученный голос женщины за моей спиной произнёс:

– Когда фрицы пришли, наши были готовы, но фрицев было много, а обещанное нам подкрепление не подоспело... Они сначала бомбили, а потом пускали своих кровожадных «тигров» с безжалостной пехотой. За считанные часы они вытеснили наших из города...

В темноте что-то промелькнуло, и возле окна остановились ещё две фигуры – это были девушки.

– Я им говорил, чтобы они уходили в отряд, к партизанам, –

здесь пощады не было. Но они не послушались, – вмешался мужчина, – они пожелали остаться со мной до конца.

Две мёртвые дочери обняли своего мёртвого отца, а покойница-мать за моей спиной продолжила:

– Фашисты уже были на окраине города, как вдруг прямо под окном нашего дома раздался оглушительный взрыв. Ты видел место, куда угодил снаряд, – там до сих пор лежит огромная ель... Когда я очнулась, во дворе раздавались автоматные очереди, мой муж лежал на полу без сознания. Его лицо превратилось в огромную рану, из глаз сочилась кровь, – тяжёлый вздох рассказчицы прервал её фразу, но через секунду она продолжила: – А после в дом ворвались фашисты, которые... дальше ты уже знаешь...

Прошло около минуты, пока я приходил в себя от услышанного.

– Я вам искренне сочувствую, но что вам нужно от меня?

– Ты должен сжечь этот дом!

Я онемел: «Как сжечь? Мой дом, мечту всей моей жизни! Я его купил, он мой, а эти призраки, которые, возможно, вообще мне снятся, предлагают его сжечь! Бред...»

– Это уже перебор, хватит! – крикнул я, резко включая свет. В комнате не оказалось никого.

– Прошу... – послышался женский голос сзади.

Я обернулся, но никого не увидел. Тогда я мигом помчался по лестнице, нажимая на все выключатели. Но как только я оказался возле входной двери, все лампочки разом лопнули, разлетевшись на мелкие кусочки. Я мгновенно достал мобильник и включил фонарик, который осветил то, что я меньше всего хотел видеть, – лицо с пустыми глазницами и синие губы, произносящие:

– Спаси нас, иначе останешься здесь на веки вечные.

Я попятился.

– Спаси, спаси, спаси...

Это слово, доносящееся из всех уголков дома, врезалось в голову, теребило нитки нервов, словно струны на гитаре.

– Хватит! – крикнул я, не выдержав, – спасу.

Настала тишина, которую прервал нежный девичий голос:

– Спасибо.

Делать было нечего, я направился на второй этаж, освещая себе дорогу фонариком.

– А что сами не сожгли-то?

– Мы не в силах, – послышался голос непонятно откуда.

– Ну да, не в силах, – усмехнулся я, – врываются в сны, закрыва-

ют окна, взрывают лампочки, а сжечь не в силах?! Интересно, почему?

Ответа не последовало. Когда я собрал все свои вещи, то спросил из любопытства:

– А что стало с теми немцами?

– Они вернулись сюда, когда их наши погнали. Они вернулись все... все шестеро. И мы отомстили – заперли их в этом доме на веки. Они пытались выбраться, они кричали, они молились, они рыдали... А мы проникали в их головы, будили все их страхи, заставляли бросаться друг на друга, когда у них кончились продукты... – тяжёлый вздох: – Они умерли в подвале в страшных муках. До сих пор там лежат их скелеты... скелеты тех, кто посягнул на Россию... Фашисты поплатились за свои грехи сполна, – подытожил мужчина.

***

Я сидел в машине и смотрел, как полыхал мой дом, к которому подъезжали пожарные машины. Но было поздно. Дом догорал, сжигая фашистов, врагов человечества. А они (несчастные, призраки, герои – называйте как хотите) были спасены.

Хирвонен Полина Андреевна

Родилась в Санкт-Петербурге 28 октября 2000 года. Учится в школе № 583 Приморского района.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству, музыке (окончила музыкальную школу по классу фортепиано), изучению иностранных языков. Стремится связать свою жизнь с профессией журналиста, писателя или филолога.

Искренне благодарит Елену Васильевну Жукову, учителя русского языка и литературы, за помощь в написании работы.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Эти записи делаю, сидя возле буржуйки в теплушке. Очень тесно в вагоне, но начала понемногу отогреваться. Состав с эвакуированными осторожно тащится по наскоро уложенным рельсам, тащится прямо по болоту. До места назначения ещё далеко... Я не сплю, а заставляю себя писать, чтобы не забыть, что было со мной... нами... в последние дни жизни моей в Ленинграде. Ведь память человека избирательна... Остаются в ней какие-то детали, а не кошмарные подробности... Стараюсь побыстрее записать то, что отчётливо отложилось в моём сознании. Может быть, впоследствии именно об этом расскажу новым жителям Ленинграда. Может быть!

...Кровать перетащили к самой двери комнаты ещё в октябре, чтобы, услышав сигнал воздушной тревоги, выскочить, не задерживаясь, на лестницу и спуститься в подвал дома. Но так было в октябре, а теперь в подвал я не спускаюсь вообще... Болят дёсны и зубы. Последние дни всё больше лежу на кровати, слушаю стук метронома и жду... жду... жду маму. Она теперь очень редко появляется дома. Принесёт продовольственные карточки, мои и... свои, скудные продукты, накормит меня и уходит на фабрику. Хоть и бомбят фашисты Ленинград, но швейная фабрика работает – шьют женщины фуфайки, ватные брюки и рукавицы для Красной Армии...

...Фашисты обстреливали город где-то на юге. Из-за ужасного мороза над нашим районом лишь покружило несколько самолётов, но они быстро исчезли. Наверное, немцам тоже холодно. Так им и надо! Никто их к нам не приглашал... Жду маму или известий от неё, глядя на мир через дырочку – глазок оконного стекла, даже угол одеяла подняла. Смотрю на дом, стоящий напротив. Двор-колодец позволяет увидеть, что в одном из окон, как раз на уровне моего этажа, человеческим дыханием сделан такой же глазок, и через него за мной (или мне это только кажется) кто-то наблюдает. Значит, ещё есть живые рядом со мной. Кто же это? Хорошо бы узнать. Спрошу у дворничихи, она старшая по дому, обходит раз в три дня все квартиры...

На следующий день я этого окна не обнаружила, как и самого дома. Остались одни развалины. А в доме этом был магазин, где люди отоваривали карточки.

...Сегодня на небе солнце. Значит, весь день будут летать над городом немецкие самолёты и бомбить нас. Пока тихо. Смотрю в дырочку, проделанную в одеяле, которым задрапировали окно, на Карповку. Дома напротив уже нет, поэтому видно эту реку, а ещё одинокий поваленный столб с оборванными проводами. Прибрежная полынья представляет собой нечто вроде коридора. С одной стороны её – пологий берег, с другой – стена из снега и осколков разбитого льда. По этому коридору, держась за провода, скользят, и пробираются люди к полынье за водой. Но саму полынью я не вижу. Вижу только несколько застывших с чайниками и ведрами в руках фигур. Мне кажется, что они никогда не начнут двигаться, и закрываю глаза... Мне ведь тоже надо спуститься за водой...

...На мне три вязаные кофты, укороченные ватные папины штаны, зимнее пальто, сверху повязана бабушкина шерстяная шаль. Где-то дворничиха раздобыла для меня старые серые валенки. Передвигаться по комнате невозможно, но надо, иначе незаметно и в тёплой одежде очоленеешь. Без хлеба холодной вдвойне. А ещё холоднее от одиночества. Где же мама? Почему так тихо в доме? Где люди? Люди!

...Мне ничего не остаётся, как ждать. Ждать маму или соседей по квартире... Ждать Нового года... Может, в 1942 году война окончится? Всегда, я помню, люди в новогоднюю ночь загадывали желания. Об этом мне рассказывала бабушка. Где же сейчас она? Ещё в мае, после моего тринадцатого дня рождения, она уехала в Ярославль к старшему сыну, брату моего отца. Мама надеется, что бабушка жива, хоть с лета не было от неё вестей, как и от папы... Под перинной становится холодно. Надо встать и подкинуть паркетных дощечек в печурку...

Паркет ещё не весь сожгли, но если будут такие морозы, его не хватит и до середины января. Надо экономить топливо, как и воду. Мама об этом говорила, когда уходила последний раз на фабрику... Когда это было? Позавчера? Вчера? Она обещала прийти домой 29 декабря. А сегодня... В школу я не хожу уже три недели. Из-за морозов уроки отменили. Да и до холодов занятия посещали всего лишь пять человек. Но зато нам давали суп, липкий, похожий на обойный клей. Полпорции я проглатывала, а вторую переливала в кружку с крышкой и уносила домой. Для мамы... Попытаюсь всё-таки встать...

... Дверь отворилась... Я увидела маму. А может, это её призрак?! Её вели под руки две женщины. Меня удивило, что она как-то странно согнулась. Маму усадили на кровать, которая сохранила след моего тела. (Ещё минутой ранее, услышав за дверью какое-то движение, мое тело, то есть я, выползло из-под перины, заменяющей одеяло, и спустило нижнюю часть свою, то есть ноги, вниз). Мама тут же заняла моё место. Придерживая что-то локтем за пазухой, она застонала и тихо, обращаясь ко мне, выдавила:

– Сейчас будет праздник.

Одна из женщин, стоящая рядом с кроватью, вытащила из-за пазухи мамино ватника пакет. В нём оказались четыре варёных картофелины, луковица, несколько чёрных сухариков и кулёчек с сушёным горохом. Я стояла, оступевшая, и не двигалась. Не верила, что вижу настоящую царскую еду. Так же как и я, не двигаясь и отчаянно уныло, на продукты смотрели мамины подруги (наконец-то я их разглядела: как и мама, эти женщины работали на швейной фабрике, а жили они в доме напротив, которого уже нет).

– Ешьте. Продукты выдали тем, кто завтра детей отправляет в эвакуацию. Детям в дорогу. Но завтра будет завтра, – мама отвернулась к стене и заплакала.

... Провожала меня до фабрики, где собирали детей для отправки в Вологду, не мама, а её подруга из дома, которого уже нет. Мама так и не смогла подняться. За пазухой у меня был кулёчек с сушёным горохом, что она принесла накануне, и его я крепко прижимала локтем.

... В товарный поезд нас, детей и подростков, эвакуированных из Ленинграда в январе 1942-го, загрузили только в марте. Состав осторожно тащится по наскоро уложенным рельсам, тащится в будущее. Людям будущего я должна рассказать о том, что знаю о блокаде.

Доильницына Дарья Александровна
Родилась в Санкт-Петербурге в 2002 году. Учится в школе № 583 Приморского района.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству, журналистике, изучению иностранных языков и стилистике. Стремится связать свою жизнь с профессией журналиста, писателя и филолога.

Искренне благодарит Елену Васильевну Жукову, учителя русского языка и литературы, за помощь в написании работы.

НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ, ГДЕ Б НИ ПАМЯТЕН БЫЛ СВОЙ ГЕРОЙ...

Рассказ-быль

Дом на Ждановской набережной. Спрятался внутри двора-колодца.

Дом этот многое помнит. Помнит он и воробья, жившего в печной трубе зимой 1941 – 1942 года. Каким ветром занесло пичугу в засыпанный битым кирпичом двор-колодец, к этому, тогда ещё двухэтажному зданию, никто объяснить не мог. Все птицы и звери исчезли из этих мест ещё осенью, когда бомбы и снаряды начали падать на город так густо, что от стен многих домов оставались одни развалины. Они как будто жаловались на горькую судьбу и советовали во время обстрела города зарываться глубже в землю, а не сидеть возле печных труб. Но каким-то чудом на крыше дома на Ждановской появился воробей.

... Воробей появился в тот момент, когда во двор вкатился грузовик. В кузове его среди ящиков с чем-то необходимым для госпиталя лежали раненые. Лежали, прижавшись друг к другу, чтобы как-то согреться, спрятав носы в поднятые воротники шинелей. Раненых привезли из-под Кировска, оттуда, где было страшнее, чем в городе, где в холодные зимние дни и ночи снег перемешался с чёрной землёй и человеческой кровью. Чуть живой, не чирикающей даже, воробей наблюдал за движением внизу. Сначала открылась дверь двухэтажного здания (да, да, в этом доме, на крыше которого пытался согреться

воробей, в блокадную зиму располагался госпиталь!), к машине «медленно подбежали» четыре девушки в телогрейках. Санитары-мужчины, сопровождавшие раненых, как-то неуклюже спрыгнули из кузова на землю. Они тоже окоченели за время пути. Наконец все собравшиеся возле машины начали «сгружать» раненых: одних, которые ещё могли двигаться, сразу же уводили, вернее – затаскивали, в здание; других или клали на носилки (их позже занесут в госпиталь санитары), или оттаскивали в сторону и укладывали, как дрова, в поленицу. Одного бойца с перевязанной какими-то тряпками грудью сняли с машины, положили рядом с крыльцом дома – приготовились так же, как и других умерших по дороге, оттащить в сторону...

– Санитар Иванов (пусть будет Иванов)! Помогите девушке! – раздался голос, видимо, врача.

Воробей, следящий за происходящим, нагнул голову, чтобы увидеть говорящего, и покатился с крыши вниз. Холод успел и с птицей сделать своё дело. Забрал из тельца последнее тепло. Покатился воробей с крыши вниз и как камень упал прямо на перевязанную грудь лежащего около крыльца «умершего» солдата. Рука «умершего» дёрнулась, поднялась к груди, и ладонь накрыла птичью тельце...

Так боец и воробей оказались в госпитале, где провели целых три месяца. Ели из одной миски, пили из одной кружки, спали на одной раскладушке, напоминавшей козлы с натянутым сверху брезентом. Ранение в грудь было очень серьёзным, и если бы не воробей, то рядовой Гусев Иван Александрович, так звали бойца, страдал бы от боли гораздо сильнее. Птичка окрепла быстро: отогрелась в палате, полакомилась найденной на полу хлебной крошкой – много ли надо пичуге! Каждое утро она садилась на грудь Ивана Александровича, что-то объясняла ему на своём птичьем языке, чирикавая, летала над раскладушкой. Словно психотерапевт, заставляла своим щебетанием верить в жизнь.

Как оказалось, воробей в госпитале всем стал нужен, просто необходим. Слушая чириканье воробья, тяжелораненые веселили и быстрее шли на поправку, несмотря на длинные холодные и голодные блокадные дни и ночи. И каждый старался от своего скудного пайка оставить несколько крошек для птицы.

Из госпиталя рядовой Гусев выписался в конце марта 1942-го, когда на улице стали таять сугробы. Медленно через разрушенные фашистами районы Ленинграда продвигался Иван

Александрович, ненависть к врагу от увиденного закипала в нём и заставляла ускорять шаг. Он шёл в сторону станции Ржевка, откуда на машине с другими защитниками Ленинграда должен был проследовать в свою воинскую часть, находящуюся между Мгой и Кировском. Боец шёл, а над ним, не отставая, кружила птица. Это был воробей, провожавший Гусева. До Ржевки он не долетел. Отстал. Видимо, не хватило силёнок.

О воробье жена и четверо детей Ивана Александровича узнали из треугольного письма, которое отправил Гусев в родную Вологду по возвращении в часть. Пришло оно в Вологду вместе с другим, казённым... В нём сообщалось, что рядовой Гусев Иван Александрович погиб смертью храбрых, защищая деревню Торталово Мгинского района Ленинградской области, в январе 1943 года.

Письмо, как и похоронка, хранятся у внучки Ивана Александровича – Лии Александровны Тихомировой. Каждый год Лия Александровна приезжает (теперь уже со своими внуками!) в мае в Ленинград (Санкт-Петербург), чтобы побывать около дома на Ждановской набережной, где три месяца вместе с воробьём «жил» её дед, которого она никогда не видела, но который «памятен» в её семье как герой. А ещё она обязательно посещает мемориал «Синявинские высоты». Там находятся братские захоронения защитников Ленинграда. На мемориальной табличке одной из могил высечено: «Гусев И.А., ряд.». Именно здесь, рядом с этой надписью, подолгу грустит женщина и радуется, когда на могилу с чириканьем прилетает воробьиная стайка. (А это всегда происходит!) Видимо, и потомки воробья из госпиталя хранят память об Иване Александровиче Гусеве.

Шнурикова Анна Викторовна

Родилась 7 февраля 2003 года в городе Ростове-на-Дону. Проживает в станице Кировской Кагальницкого района Ростовской области.

В настоящее время учится в 8 «А» классе МБОУ Кировской СОШ № 4, отличница, регулярно участвует в олимпиадах по русскому языку и литературе. Увлекается эстрадными танцами, модельным бизнесом, занимается спортом,

в свободное время пишет стихи и принимает участие в литературных конкурсах.

За помощь в подготовке конкурсного стихотворения искренне благодарит Ольгу Николаевну Комову, учителя русского языка и литературы.

ЕЁ ЗОВУТ ЁЛКОЙ

1.

Энда, Анка, Аня, Ёлка –
Как ни назови,
Главное – не что снаружи,
Главное – внутри.
Бегала в селе Серёжки
Девочка, как день.
На лице её веснушки,
От ресничек тень.
Волосы её в косичках,
Красный галстук. Всё ж
Пионер – это призванье,
Его не отберёшь.
Как нельзя забрать и чувство,
Что вокруг всё – дом.
Здравствуй, русская глубинка,
Мы с тобой вдвоём.
Улетают детства годы

И привычный мир...
Между взрослостью и детством
Случай захватил.

2.

Связывал мосток неединный
Крутые берега.
На одном брала посланья,
В сердце берегла.
На втором уж ждали наши:
Что же? Где и как?
Всё расскажет, всё покажет,
Победа – в их руках.
Между берегами рвётся
Юная душа.
На войне нет места страху.
Тихо, чуть дыша,
По мосту она крадётся.
Нужно передать
Капитану вести с фронта,
А потом уж спать.
Нет важнее этих миссий
В мире ничего,
И слились в тайных посланьях
Жизнь и смерть в одно.
Родина, отец и мама
Придают ей сил.
Рок ступает ей на пятки,
Схватит – отпустил.
Но везение не вечно.
Девичья нога
Там, где ранее ступала,
Сорвалась с клинка.

3.

Был такой же точно вечер,
Как другие те,
Что давали шанс ей встретить
Папу, а не смерть.
Было всё словно в тумане:
Смех фашистов, боль,

Вспышкой воспоминанья
О жизни мирной той.
Сама не зная, что ступает
Последние шаги,
С надеждой в памяти всплывают
Их с Лёнькою деньки.
Когда снаряды не гремели,
Росли они вдвоём
И, как два дерева, имели
В Серёжках мирный дом.
Вернуться в мир борьбы и крови
Заставил взрыв... и боль.
И каждый шаг девчачьих ножек
Горел на мостовой.
Убитая забавы ради,
От ненависти к нам.
Осколки цель достигли метко,
Прокравшись по пятам.
Не веря в собственную гибель,
Как некогда – в войну,
Одну лишь мысль твердила Ёлка:
«Неужто не дойду?»
Ни малодушья, ни слезинки,
Ни жалости к себе!
Все силы, даже в миг последний,
Всё отдала войне!
За её смертью будто кара
Обрушился и мост...
Вот – детский трупик, в речке – танки
И свет холодный звёзд...

4.

Но я скажу вам по секрету:
Она не умерла.
Хоть сложно подобрать мне будет
Достойные слова,
Поверьте же, что Ёлкин подвиг
Живёт и по сей день,
И вижу в лицах я подружек
Её веснушек тень.

Комаровская Юлия Владимировна

Родилась 25 апреля 2004 года, живёт в городе Перми. Учится в 6-м классе, любимые уроки в школе – литература и русский язык. С 6 лет успешно занимается в музыкальной школе по классу фортепиано, выступает на конкурсах и концертах. Увлекается литературным творчеством: сочиняет стихи, пишет рассказы и сказки. Участник Литературного клуба журнала «Кроссворденок», за успехи в поэзии награждена литературной премией. Лауреат

и дипломант международных, всероссийских, краевых литературных конкурсов.

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Посвящается пермскому военкору Валерию Дементьеву, погибшему в Нагорном Карабахе при исполнении профессионального долга.

«Горячие точки» – так звали
Баку, Ереван, Карабах ...
Что там происходит, мы знали
На деле, а не на словах.

Обстрелы, бомбёжки, засады ...
И строчки газетных полос,
О том, что войною не надо
Решать невоенный вопрос.

Не нужно напрасно мальчишкам
В сражениях кровь проливать,
О войнах читают пусть в книжках.
Зачем им друг в друга стрелять?

Прославиться мы не хотели,
За правду сражаться пошли,
Себя уберечь не сумели,
Но многие жизни спасли.

Мы больше другим не расскажем
О том, как ужасна война,
Но наши статьи, репортажи
Уже прочитала страна!

С высокого неба, безмолвно
Мы за новостями следим,
Доносят эфирные волны
Наш голос лишь самым родным:

Отцам, матерям, для которых
Опорой мы стать не смогли.
Не ждали они, что так скоро
Уйдём мы на небо с земли.

Нас много, мы не одиноки,
Все звёзды сияют для нас!
В лучах их горят наши строки,
Они вам светили не раз,

Когда ваша совесть решала,
Каким продвигаться путём,
А сердце пугливо молчало,
Как будто оно не причём.

Молчим мы, но вы – не молчите,
От вас ждёт планета ответ:
Живущие ныне, скажите
Войне своё твёрдое «НЕТ»!

Вольский Александр Иванович

Родился в 2005 году в Свердловской области. Учащийся лицея № 21 и художественной школы города Первоуральска.

Любит творчество, занимается вокалом. Рассказ на конкурс написан на основе реальных событий, по воспоминаниям бабушки – Галины Павловны Вольской – о прадеде.

ВОЙНА ОСТАВИЛА СЛЕД НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Шёл второй год Великой Отечественной войны. Потерпев поражение под Москвой, фашисты продолжали наступление на других фронтах. Новой целью Гитлер выбрал город Сталинград. Он рассчитывал захватить заводы и получить выход к Волге...

Это случилось в ноябре 1942 года. Битва за Сталинград была в самом разгаре. Мой прадед, Павел Петрович Кузнецов, тогда ещё девятнадцатилетний юноша, находился на линии фронта.

Пасмурным дождливым утром пехота двинулась в наступление. Рядовой Кузнецов, шлёпая сапогами по жидкой грязи, тянул за собой противотанковое орудие и цинк с патронами. Сержант Куликов, у которого Павел служил заряжающим, то и дело поднимал к небу измученное лицо. Очень хотелось спать, ноги не слушались. Но глаза солдат горели ненавистью, и они шли вперёд.

Павлу вдруг вспомнилось детство, дорога в школу. Он родился в Татарстане, в семье зажиточных крестьян – в доме даже тройка лошадей была. А потом родителей раскулачили. И в школу приходилось добираться пешком за восемь километров. Всех детей везли на санях, а дети «кулаков» такой чести не были достойны: привяжут верёвку к саням, берись за неё и беги всю дорогу! И спать тогда хотелось, как теперь, и так же ноги отказывались идти.

– Пашка, ещё повоюем! – вырвался из груди сержанта хриплый крик, прервав тягостные воспоминания.

Павел улыбнулся, и на загорелом, умытом дождём лице мелькнули первые натруженные морщинки. Где-то неподалеку рвались снаряды. В воздухе пахло гарью. И земля, казалось, стонала от жестокости, творившейся на ней.

Вдруг резкий свист оглушил рядового. Одним ударом пуля прошила ногу навывлет. Небо качнулось, и сражённое болью тело Павла рухнуло в грязь.

– Пашка! Ты что, ранен? – Куликов подскочил к напарнику, схватил его за руки и быстро стащил в окоп.

Павел истекал кровью. Тогда сержант одним движением снял с себя ремень и перетянул раненую ногу.

– Держись, друг! Не умирай!

Но этих слов Павел уже не слышал. В глазах потемнело, он потерял сознание...

Очнулся рядовой уже в госпитале. Первое, что он увидел перед собой, было красивое лицо молодой женщины в белом халате. За её спиной стоял высокий мужчина, тоже в белом. Помутневшее от нестерпимой боли сознание мешало Павлу ясно понимать, о чём они говорят.

– Вот-вот начнётся гангрена, надо ампутировать! – уверенно говорил хирург.

– Я уверяю тебя, ногу можно спасти! Нужно попробовать спасти! – настаивал женский голос.

Павел вдруг вспомнил наступление и резкий удар пули, лишивший его чувств, и понял, что ранение серьёзное, что в споре этих двух врачей сейчас решается его судьба. Неужели он останется калекой на всю жизнь?! Грудь сдавило, к горлу подкатил ком, и молодой крепкий парень еле сдержал слёзы.

На другой день была назначена операция. Ногу всё-таки спасли, раздробленную кость голени собрали по кусочкам.

Вскоре Павел пошёл на поправку. Правда, из-за ранения его комиссовали из армии. Домой он вернулся на костылях...

Прадед прожил 89 лет, и всю жизнь старая рана ноющей болью напоминала ему о той страшной войне.

Яковлев Денис Станиславович

Родился 9 января 1999 года в городе Санкт-Петербурге. Учится в школе № 189 «Шанс» Центрального района Санкт-Петербурга в 11-м классе. Увлекается боксом, медициной и литературой. В свободное время занимается химией и биологией. Становился победителем и призёром районных, городских, всероссийских и международных конкурсов литературного творчества.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Как-то раз пошёл я на мотокружок. По привычке рано выходить из дома я оказался в нужном месте за час до занятий. Дверь закрыта. Что делать?

Кружок этот в бывшем городском Дворце пионеров, ныне Дворце творчества юных. А там, за главным корпусом, есть небольшой сад, куда я и направился. Чтобы скоротать время, я стал наворачивать круги по залитым солнцем аллеям. А по одной никак не пройти – там старушка какая-то голубей кормит. Птиц около неё – тьма. С рук у неё едят. Разговаривает она с ними, благодарит за что-то... Только я не понял, за что. Странная какая-то старушка... И одета странно. Платок какой-то драный на голове у неё. На ногах носки шерстяные и туфли стоптанные, в носки треники синие заправлены. Пальто потёртое, от солнца выгоревшее, явно большего размера, чем нужно. Я остановился, хотел назад повернуть. А старушка на меня смотрит и говорит:

– Мальчик, можно я тебе стихи почитаю?

И, не дожидаясь ответа, принялась читать. И читает, и читает, читает и читает... Ну, думаю, попал... А уйти-то неудобно! А она что-то про Ленинград, про блокаду, что есть очень хотелось, что один сухарь на весь день, что мама обои варила, а потом у них у всех животы болели, и что мама её книжки в буржуйке жгла и плакала, и что письма с фронта ждали, а его всё не было, и что им значок с ласточкой какой-то раненый сделал, а потом и письмо пришло... А потом о том, что госпиталь на Суворовском разбомбили...

– Какой госпиталь на Суворовском? – спрашиваю я.

– Да вот, около Смольного-то. Знаешь?

Ещё бы я не знал! Я на него каждый день из окна смотрю!

– Так мы с мамой жили там во время блокады, – продолжает она.

– Мама санитаркой была. А вот садик-то знаешь между домами? У нас там огород был. Только поесть мы с него ничего не успели, бомба в него попала. Ямища такая огромная была! А уж в сам-то госпиталь когда попало, что было! Пожар там начался, так раненные из окон выпрыгивали, чтобы не сгореть. Горящие матрасы санитарки из окон выкидывали... Ох, и страху мы тогда натерпелись!

Стою я, слушаю её, а сам не знаю, что делать. Мне и послушать хочется, и на кружок уже бежать надо... А старушка будто мои мысли прочитала:

– Ты прости меня, мальчик, – говорит. – Иди по своим делам, заболтала я тебя совсем. Иди, иди....

Пошёл я на свой мотокружок, откатался. А по пути домой прошёл мимо того дома, о котором старушка говорила. Там памятная доска, а на ней слова выбиты: «Светлой памяти раненных, больных и медицинского персонала эвакогоспиталя, трагически погибших в этом здании 3 сентября 1941 года во время налёта вражеской авиации».

Кузнецов Владислав Сергеевич

Родился 5 мая 1999 года в городе Санкт-Петербурге. Учится в школе № 189 «Шанс» Центрального района Санкт-Петербурга в 11-м классе. Увлекается историей и литературой. Свободное время посвящает занятиям исторической реконструкцией, самопознанию и литературному творчеству. Становился победителем и призёром районных, городских, всероссийских и международных конкурсов литературного творчества и исследовательских работ.

Выражает искреннюю благодарность своему дедушке, Владиславу Александровичу Кутузову, за увлекательный рассказ о предках – участниках Великой Отечественной войны и маме, Юлии Владиславовне Кузнецовой, учителю русского языка и литературы, за помощь и поддержку в создании работы.

ДНЕВНИК КРАСНОФЛОТЦА ПАВЛОВА

10 мая 1941 года. Сегодня эсминец «Сообразительный», на котором я служу в должности комендора палубного (так называют рядовых и старшин артиллерийской специальности в военно-морском флоте) принят государственной комиссией.

Эсминец – это боевой быстроходный манёвренный корабль, предназначенный для борьбы с подводными лодками, самолётами и кораблями противника. Водоизмещение «Сообразительно-го» 2404 т, скорость 36 узлов (66,6 км/ч). Вооружение: 4130-мм, 276,2 мм и 737-мм орудий, 812,7-мм пулемётов, 2 трёхтрубных 533-мм торпедных аппарата, 2 бомбомёта. Мог принять на борт 58 якорных мин заграждения и 30 глубинных бомб. Экипаж – 271 человек. С конца 1940 года эскадренным миноносцем «Сообразительный» командует С. С. Ворков. До 25 сентября 1940 года корабль носил название «Прозорливый». Я горжусь тем, что я краснофлотец и служу на Черноморском флоте!

7 июня 1941 года. Над нашим эскадренным миноносцем подняли военно-морской флаг, и корабль официально вошёл в состав Черноморского флота.

22 июня 1941 года. Война! Орудия «Сообразительного» впервые открыли огонь, отражая налёт вражеской авиации на Севастополь.

25 июня 1941 года. Наш корабль двинулся в свой первый поход на Констанцу.

29 августа 1941 года. Последние два месяца эсминец занимается по большей части конвойной службой. Сегодня «Сообразительный» эскортировал следовавшие из Феодосии в Севастополь транспорты «Днепр» и «Чапаев». В 19.05 у мыса Ай-Тодор отряд был атакован двумя вражескими самолётами: торпедоносцем и бомбардировщиком. Эсминец открыл огонь из всех орудий. Самолёты удалось отогнать, хотя «Днепр» всё же получил повреждения.

Меня ранило осколком авиабомбы в правое плечо и контузило. Я не оставляю корабль. Идёт война, и каждый боец на счету. Буду служить, пока хватит сил, деля с командой все тяготы военных походов.

31 августа 1941 года. «Сообразительный» и «Днепр» прибыли в Одессу. В течение трёх дней эсминец поддерживал огнём наши войска, выполнив 13 стрельб по береговым целям. Мне становится хуже. Беспокоит рана, часто болит голова после контузии. Слабость, головокружение. Со своими обязанностями пока справляюсь, хотя с каждым днём это даётся мне всё труднее. Но я не жалею. Война!

7 сентября 1941 года. Последние два дня «Сообразительный» конвоировал из Феодосии в Севастополь транспорты «Армения», «Грузия» и «Украина». Это наш 18-й боевой поход.

23 сентября 1941 года. «Сообразительный» пошёл на помощь эсминцу «Беспощадный». Буксирный трос с «Беспощадного» завели на «Сообразительный», однако надломленный

А. В. Павлов (1921 – 1944). Фото 1939 г.

нос эсминца сильно мешал движению. В конце концов мешавшую часть обрубил вручную, и «Сообразительный» двинулся в путь с повреждённым «товарищем» со скоростью 7 – 8 узлов. Несколько раз над кораблями пролетали вражеские самолёты, но, к счастью, бомб не сбрасывали. Мне всё хуже. Видимо, придётся всё же лечиться на берегу.

24 октября 1941 года. Я помещён в Туапсинский лазарет. Прогнозы врачей неутешительные. Говорят, что я сильно навредил себе тем, что не лечился сразу.

28 ноября 1941 года. Я в Туапсинском военно-морском госпитале. Врачи говорят, что лечение предстоит долгое и чем оно кончится – пока неизвестно.

20 декабря 1941 года. Решением Туапсинской военно-врачебной гарнизонной комиссии я признан подлежащим увольнению в отпуск на 45 дней с последующим переосвидетельствованием через райвоенкомат. Мой отпуск начнётся 4 января.

24 января 1942 года. Я в деревне Дедково, где родился и вырос. Здесь я окончил 7 классов. Отсюда уехал в Ленинград, где жил на улице Железнодорожной. А потом – призыв весной 1939 года, служба, война...

Время от времени прихожу в Торжок в военкомат. Пытаюсь уговорить отправить меня на фронт. Каждый раз начищаю мелом пуговицы, отпариваю брюки и форменку, стараюсь выглядеть безупречно. Я моряк, а не тыловая крыса, и должен воевать, а не отсиживаться в тылу. Надеюсь в скором времени вернуться на «Сообразительный» и по-прежнему бить врага.

***

Это последняя запись в дневнике Александра Владимировича Павлова, комендора палубного эсминца «Сообразительный», призванного в ряды Вооружённых Сил Ленинским военкоматом РВК города Ленинграда в весенний призыв 1939 года.

За время войны «Сообразительный», на котором воевал Александр, провёл 56 артиллерийских стрельб, выпустив по позициям немецко-фашистских войск более 2700 снарядов главного калибра; уничтожил более 10 наземных батарей противника, до 30 танков и автомашин; 33 раза эсминец выходил в море для сопровождения транспортных судов и конвоев, проведя без потерь 59 судов, 37 раз проводил высадку подкреплений и эвакуацию раненых, женщин, стариков и детей.

Но этот славный боевой путь он прошёл уже без комендора палубного Александра Владимировича Павлова. Оправиться от ран ему так и не удалось. Александр не дожил до Победы. Он скончался в 1944 году от болезни, развившейся, по мнению военно-врачебной комиссии, «под влиянием ранения и фронтовой обстановки. Заболевание связано с прохождением военной службы». Думается, что если бы краснофлотец А. В. Павлов не остался на корабле, несмотря на ранение и контузию, а сразу направился в госпиталь, его жизнь могла бы сложиться совсем иначе. С другой стороны, история не знает сослагательного наклонения...

* В творческой работе мне помогли материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ), Центрального военно-морского архива, Центрального архива военно-медицинских документов и семейные воспоминания.

Данилкин Руслан Игоревич

Родился в городе Стародубе в 2000 году.

Ученик 10-го класса школы № 2.

Активно участвует в различных конкурсах на региональном и всероссийском уровне. С большим интересом читает книги о Великой Отечественной войне. Лауреат конкурсов «Читаем Альберта Лиханова», «Лучший урок письма», «Моя семейная реликвия». Является активным участником школьного театра «Дети Мельпомены».

Пробовал себя в роли экскурсовода и стал победителем регионального и Всероссийского конкурса «Тур по родному краю». С отличием окончил музыкальную школу по классу классической гитары.

Искренне благодарит учителя русского языка и литературы, Л. В. Пожарскую, за помощь в написании работы.

БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Сумрак спускается на притихшие улицы родного города. Ни души вокруг, даже не слышно лая собак. Стародуб уснул. И лишь щуплая, еле заметная тень проскользнула во двор заброшенного дома.

В гулкой тишине заброшенного дома каждый звук рождал эхо, перекатывался по пустым комнатам. Даже крадущиеся шаги в прихожей сразу же становились слышны. Но именно это и было важно – немецкая полиция не могла появиться неожиданно. Вот почему после долгих поисков подпольщики остановили свой выбор на этом пустующем доме по улице Трудовой. Ведь каждый шаг должен быть обдуманым, осмотрительным. Их пятеро, так распределились они по городу, знали в лицо друг друга лишь руководители группы. Иначе нельзя – конспирация.

Стрелка часов медленно ползёт к шести. Пальцы Аркадия Сосновского вращают рукоятку настройки старого приёмника, заимствованного у соседки бабы Веры. Немецкая речь, морзянка и вот долгожданные слова, от которых замирает радостно

сердце: «Говорит Москва... Слушайте нас, братья и сёстры за линией фронта».

Сводку Совинформбюро записывали сразу трое. А потом торопливо размножали. Десять, двадцать, тридцать листовок.

– На сегодня хватит, скоро комендантский час, – тихо шепчет Шура Рык. – Пора по домам.

Неприветлива вечерняя улица, вокруг тёмные развалины разрушенных зданий.

«А ведь совсем недавно здесь играли в футбол, а здесь – в лапту, и мама звала домой.. Каким это кажется сейчас далёким, и словно не с нами это было», – думал Миша Ребенок, шагая по такой знакомой и такой чужой улице.

Ребята подкрались к стене уцелевшего дома в центре города. Несколько движений – и на ней появилось белое пятно... На другом краю города то же самое делала вторая группа. Вскоре листовки развешаны по всему городу.

Утром горожане читали вести с Большой земли. Новости быстро распространялись по городу и наполняли сердца жителей надеждой. А ещё благодарностью тем, кто ради них рисковал жизнью. Именно благодаря этим белым тетрадным листочкам бумаги Николай Гаврилович Калманов, прибывший в город в первых числах октября по заданию органов Советской власти, понял, что в городе кто-то есть. И этот кто-то очень ненавидит фашистов. Как опытный человек, сотрудник НКВД, он стал присматриваться к тому, что вокруг происходит. Рядом с деревянным домиком Марии Семёновны, где он квартировал, был своим человеком, проживала семья Раечки Бушмы. После беседы с ней он пришёл к выводу, что она имеет отношение к тем листочкам бумаги, которые он видел в центре города на стене магазина. А беседа вечером лишь утвердила Николая в этом. Софья Семёновна, мать Раечки, на пути с базара заглянула к бабе Мане поделиться новостями, якобы услышанными на базаре. Глядя на неё Николай Гаврилович тихо, но с твёрдостью и тревогой в голосе сказал:

– Немцы продолжают решительное наступление на Москву!

– Ваша новость устарела, – вырвалось у Софьи Семёновны.

– А что, есть более свежие новости? – настаивал Калманов.

– Советское правительство выехало из Москвы, – чуть помедлив, она продолжила, – а Сталин остался в Москве.

Она немного замялась, а Николай Гаврилович достал из кармана рубашки лист бумаги, развернул и стал читать...

– Софья Семёновна, у вас есть дети, и я хотел бы с ними познакомиться.

Так стихийно возникшая подпольная организация обрела своего руководителя.

Листовки и вести с фронта – это важно, но что ещё мы можем? Этот вопрос часто задавал себе Василий Землянко, руководитель одной из групп подпольщиков.

Ребята добывали оружие, боеприпасы и прятали всё у Раи Бушмы, чтобы потом переправить в лес к партизанам. Твёрдо знали – пригодится. Никакой протест родных не мог их остановить, даже угроза смерти. С молчаливого согласия родственников оружие прятали по погребам, под картошкой, на сеновале.

Так, однажды Слава Филимоновский прибежал к подпольщице Нине Руденко. Его рубашка была разорвана и тело в ссадинах. Это был очередной «поход» отважного пионера в комендатуру. Слава пытался похитить ручной пулемёт, но часовой поднял тревогу, и пришлось довольствоваться пистолетом.

С соседних территорий, где шли бои, пробирались раненые красноармейцы. Оказались они в Стародубе. Но немцы в любой момент могли их схватить и расстрелять.

– Мы должны спасти их от гибели, ребята, – сказал Иван Египцев. Вернувшись из окружения, он работал приёмщиком хлеба в заготзерне, браковал зерно, то есть отправлял обратно крестьянам. Однажды кто-то донёс на него начальнику торгового общества «Восток». Начальник, рыжий откормленный немец, здорово избил Ваню. Ему чудом удалось избежать ареста.

Выбрали заброшенный дом с глубоким подвалом, на центральной улице, решили, что никто ведь не подумает, что здесь, под носом у немцев, будет склад. Гражданскую одежду доставали кто где мог, по всему городу, в неё переодевали красноармейцев, помещали в больницу и лечили. Однако нужны были лекарства, бинты и другие медикаменты для других. Достать их можно было только в немецком госпитале. Но как туда попасть? Немцы проводили перепись населения. По совету Калманова Шура Рык и Аркадий Сосновский устроились переписчиками, хорошо, что был знакомый на бирже труда!

Вот и самый ответственный момент. В голове мысли бегут одна за другой: «Вдруг не пронесёт? Как встретят врачи? Вдруг откажутся помочь?» Волнение и страх, но назад хода нет, в конце концов, что они, маленькие?

Решили разделить роли: Аркадий заполнял бланки, а Шура разговаривал с медицинскими сёстрами. Нина Линёва согласилась помогать. Через несколько дней она принесла всё необходимое: бинты, лекарства. А это означает, что жизнь раненых красноармейцев спасена. Через две недели они, окрепнув, ушли в лес к партизанам...

Но ребята не остановились на достигнутом.

– А что если попробовать переманить местный гарнизон полиции? – предложил кто-то Калманову.

Идея пришлась по душе. Нашли общий язык с начальником полиции Л. С. Генусом. Он использовал свою должность против гитлеровцев. Алик и Максим прошли в кинотеатр, где собралось много полицейских. Толкаясь среди них, ребята рассовывали по их карманам листовки и скрывались. Так делали потом не раз. Результат не заставил себя ждать: несколько человек ушли к партизанам, прихватив с собой оружие.

К сожалению, вскоре после этого Генус был арестован немцами и казнён. Это была первая, но, к сожалению, не последняя жертва.

Деятельность юных героев изрядно портила жизнь немцам в этом тихом и уютном городе.

Как трудно представить себе сегодня их жизнь, ведь она требовала от них особых качеств. Надо было привыкнуть к тому, что в тебе живёт два человека: один – это внешний, которого все знают и видят, а другой – человек, о котором должны знать немногие. Здесь не было тыла. Всякая ошибка ежеминутно могла стоить жизни. И жертв эта борьба требовала особых, немислимых. С непоправимой жестокостью её законы вошли в мир отношений самых близких людей, но желание ускорить Победу, помочь нашей родной Красной Армии было сильнее страха и желания жить. Именно это и давало силы бороться, а когда арестовали – выдержать допросы и пытки....

Здание тюремного замка, именно здесь содержали юных подпольщиков: Николая Калманова, Алика Рыжкова, Юрия Хомутова, Анатолия Молчанова, Владимира Филонова, Ивана Египцева, Василия Кулешова, – расстрелянных потом в урочище Вьюнки. Умирая, в последние секунды своей молодой, не прожитой ещё жизни они видели родное небо, слышали шум родных берёзок и пение соловья, и во всём этом им чудилась Победа, ради которой стоило жить, бороться и умереть.

Александров Иван Алексеевич

Родился в Москве в 2002 году. Начальное обучение получил в школе № 1947 города Москвы.

Сейчас является кадетом Первого Московского кадетского корпуса города Москвы.

Два года назад увлёкся фотографией и старается посвящать ей теперь всё своё свободное время. Иногда пишет стихи.

Искренне благодарит своих родителей за то, что они оказывают ему всестороннюю поддержку во всех начинаниях.

ПАМЯТЬ

Я прадедов моих в живых уж не застал,
И даже папа мой не видел своих дедов,
И вот черёд мне их судьбу узнать настал:
Как на войне они сражались за Победу.

Мой первый прадед – он войны не знал,
Он не дожил до тех времён суровых.
Второй же из руин заводы поднимал,
Чтоб армия нужды не знала в танках новых.

Мой третий прадед – рядовой солдат,
Связист – такая важная на фронте должность.
Всегда он первым был на острие атак:
К передовой доставить связь так сложно!

Под Малоярославцем ранен был в бою,
В село родное похоронка устремилась...
Но выжил он и жизнь дальнейшую свою
Всю детям посвятил, чтоб всё у них сложилось.

Четвёртый прадед штурмовал Рейхстаг
И всю войну прошёл – с начала до Победы,
И видел он, как водружали красный стяг,
Над городом, с которого начались беды.

Открылись новые страницы мне войны,
В которых прадеды историю писали,
Ведь миллионы жизней были отданы,
За то, чтобы спокойно дети спали.

Вот в мае через семь десятков лет
Плечом к плечу я с прадедами рядом
Иду по Красной площади в строю. Кадет!
Я очень горд! Нет лучшей мне награды!

Бессмертный полк – бессмертные страны:
На старых фотографиях родные лица.
Мы подвиг их в сердцах хранить должны,
Чтоб не смогла война ещё раз повториться.

Козельская София Романовна

Родилась в 2001 году. Живёт в городе Тольятти Самарской области. Ученица 9-го класса МБУ «Гимназия № 38». Увлекается литературным творчеством, историей и изучением иностранных языков.

В свободное время занимается плаванием, скалолазанием. Но больше всего любит сочинять небольшие рассказы. Является победителем регионального конкурса «Герои Самарской области» и лауреатом Всероссийского литературного конкурса

«Ратная слава России».

Конкурсную работу посвятила любимому прадедушке Анатолию Фёдоровичу Фёдорову. Искренне благодарит Тихонову Людмилу Михайловну, учителя истории, за помощь в написании работы.

ВОСПОМИНАНИЯ МОЕГО ПРАДЕДУШКИ

Мой прадедушка, Анатолий Фёдорович Фёдоров, добрый и ласковый, немного строгий и требовательный, но всегда справедливый. Сейчас ему 88 лет. Я благодарна судьбе за то, что могу услышать его воспоминания о той страшной войне, которая коснулась чёрным крылом нашей земли. Великая война – великая трагедия для нашего народа. Прадедушка часто рассказывает мне о том, что происходило на фронте, о своих фронтовых друзьях. Это самые трогательные минуты. Мне всегда хотелось, чтобы его не коснулась пуля, чтобы не было ранения, но оно было ... и первое, и второе, и даже четвёртое.

Семнадцатилетним мальчишкой попал он на фронт. Это был конец 1943 года. Красная Армия проводила широкомасштабные операции по освобождению Украины. Он вспоминает о тех днях: «Наконец поехали. Швыряет во все стороны, не уснуть. Остановка, близок Харьков, дальше дороги нет – разворочены рельсы. Звучит: «Становись, по порядку рассчитайсь...» – «Первый, второй...» – «Разойдись. Воздух!» А в небе такой вой и свист, душа в пятки ушла. И снова по вагонам, проехали ещё сколько-то километров. Опять выгружайся, пощи своим ходом. Месим грязь, ноги еле-еле волочишь, грязи налипло на ботинки по пуду. Слышу

команду: «Рядовой Фёдоров, марш вперёд, запевай». – «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» Привал. Через десять минут: «Подъём! Становись, шагом марш». Шлёпаем вторые сутки. Дождь не прекращается, шинель стала такой тяжёлой, что плечи ломит. Идём все молча, только грязь чавкает. На ходу грызём сухари, брикеты из пшена. Горячее, наверное, нескоро будет, кухня где-то сзади застряла. Винтовка постоянно сползает с плеч и такая тяжёлая, да и пустой котелок, кажется, весит килограммов двадцать. Уже стало слышно уханье фронта, проходим разбитые станции, сожжённые сёла – дико смотреть. Горит город Знаменка, бои за Кременчуг. Бежит немец, город в развалинах, смрад, дым. Ну ещё немного, ещё чуть-чуть, говорят, как возьмём Кировоград, так на отдых. 16 января 1944 года взяли город».

Официальные источники утверждают, что, освободив Кировоград и закрепив за собой районы северо-западнее, западнее и южнее города, советские войска обеспечили себе благоприятные условия для проведения Корсунь-Шевченковской наступательной операции. Прадедушка вспоминает об этих днях с болью и горечью. «Много наших полегло...» – говорит он, а в уголках глаз блестят слёзы. Тяжело ещё и от того, что ежедневно слышит он нерадостные новости о событиях на Украине. Как сводки с фронта. «Как же так, за что воевали?» – горестно вздыхает он.

Я уверена, что нацизм не имеет права на существование. Ненависть и злость несёт эта идеология, направленная против человечества. Это должны понять молодые люди, выкрикивающие фашистские лозунги. Это страшно. Миллионы людей погибли в войне против фашизма. Разве можно забыть тех, кто дал нам возможность жить, любить, творить? Разве можно забыть то, что сделали для нас наши деды и прадеды? Спасибо вам за всё, дорогие ветераны! Память о вас и ваших героических делах нам нужна, и она должна жить в каждом человеке вечно. Благодаря вам и вашим подвигам живём мы, ваши дети, внуки и правнуки.

Хочу рассказать ещё об одном интересном эпизоде войны, о котором мне поведал прадедушка. Пришлось ему быть и десантником. Он вспоминает: «Стемнело, самолёты поднялись в воздух. Сколько летели, не знаю. Старший ругался на лётчиков. Наконец-то распахнулась дверь, по команде стали прыгать. Мою верёвку зацепили за трубу. Кто-то ударил в спину, и я захлебнулся воздухом. Кто-то дёрнул за лямки парашюта, и больше ничего не помню. Очнулся под кустом, сверху парашют. Слышу: строчат автоматы, разговор немецкий, смеются. Я втиснулся в землю, притворился мёртвым, даже язык высунул. Прошёлся один очередью, избдбрывил парашют, меня не зацепило. Лежу. Что делать? Немцев не слышно, да и светает уже. Вылез из-под куста, парашют скомкал, засыпал листьями. Ещё до вылета ребята спра-

шивали, не умею ли я как-нибудь по-птичьи кричать. Я сказал, что умею каркать. Сижу, совсем рассвело уже, тишина – аж в ушах звенит. Я раза три каркнул, жду. Глядь, один появился, за ним другой. Собралось нас восемнадцать человек. «Молодец, – говорят, – ворона, а то бы нам не собраться». Пошли, на ходу я ещё несколько раз каркнул, но, видно, от батальона рожки да ножки остались, перестреляли, как куропаток, а часть солдат на земле добила. Спустились в заросший овраг, залегли до ночи. Судили, рядили: «Как же так получилось, что сбросили прямо на головы немцам: или лётчики ошиблись, или враги пронюхали, где будет десант сброшен...» Офицера ни одного нет, решили пробираться к своим. Шли, ползли ночами, днём отлёживались в укромных местах, паёк давно съели, перешли на подножный корм. На счастье наткнулись на убитую лошадь, отхватили каждый по одному куску и на ходу отрезали, глотали, не жуя, ведь костёр не разведёшь. За время движения только два раза встретили две небольшие группы немцев. Мы двоих потеряли, а двоих раненых тащили с собой, правда, только одну ночь – умерли бедняги, молча, крепкие были ребята, я даже стоны от них не слышал, только зубами скрипели. Сумел бы я вот так? Похоронили вместе, на дереве вырезали имена. Вот когда я по-настоящему рассердился на немцев: из-за них столько людей гибнет, страдает. Разные мысли приходили ко мне в голову, когда мы отлёживались в лесах и оврагах. Если ещё день-два не увидим своих, то нам каюк, ноги уже еле-еле тащим. Брюки насквозь протёр, ползая, обмотал обмотками. Остальные были в сапогах, так и они закрутили коленки обмотками. Наконец увидели зарево, стали слышны орудейные выстрелы. Наткнулись на нас разведчики, они и вывели за линию фронта, накормили и отправили в комендатуру. Целую неделю допрашивали как врагов. Не знаю, как остальных ребят, а меня отправили обратно в свою часть. Два дня меня «потрепали», а потом положили в палату подлечиться. Я сильно застудил ноги, ломило до скрежета зубов. Дней через десять меня выписали. Пришлось понюхать порошу сполна, насмотрелся досыта. Пять дней не дотянул до конца отведённого мне месяца, царапнуло ноги – извлекли одиннадцать осколков. В общем, освободился досрочно. Потом ещё немного пострелял – опять нога, и уже в звании сержанта лежал в госпитале Одессы и здесь же встретил окончание войны».

Вот такие они, военные будни... Сколько же ему пришлось пережить боли за свою Родину!

Я знаю, что мой прадедушка – замечательный человек. Горжусь им! Он для меня является примером стойкости и жизнелюбия. Хочу пожелать ему и всем ветеранам долгих лет жизни. Нам очень нужны и эта бесценная память, и правда о войне, чтобы не повторилось такое никогда.

Бабкина Марина Алексеевна

Родилась в посёлке городского типа Анна Воронежской области в 2001 году.

Ученица 9-го класса МКОУ Аннинской средней школы № 1.

Занимается лёгкой атлетикой и волейболом. В свободное время читает книги, особенно нравится классическая литература. Много времени посвящает литературному творчеству.

Искренне благодарит своего отца – Алексея Владимировича Бабкина и Елену Владимировну Понятовскую, учителя русского языка и литературы, за помощь в написании работы.

СОЛДАТ НЕБА

– Сынок, пора вставать. Просыпайся, Миша, собирайся в школу, – и тёплая мамина рука дотронулась до его головы, ласково потрепала вихры, нежно коснулась щеки.

– Ну мама, ещё хоть чуть-чуть. Я сейчас встану, – сонно пробормотал он, натягивая одеяло на голову.

– У-у-у, – вдруг раздался над ухом звук, раздражающий душу, – у-у-у.

И тут же исчез ласковый мамин голос, её мягкие ладони, исчез и вихрастый Мишка. Остался только вой, вой немецкого самолёта.

«Разведчик! – сразу определил, просыпаясь, штурмовик Михаил Бабкин. – Кружит над нашими позициями, фриц проклятый!».

В дверь просунулась голова Сашки Ефремова.

– Ты уже встал? Пошли. Комдив вызывает всех в штаб.

В тёмном просторном сарае сейчас было тесно. Здесь, похоже, собралась вся дивизия. Михаил с Александром остановились недалеко от двери. При свете керосиновых ламп хорошо были видны серьёзные лица товарищей-штурмовиков. Совсем ещё мальчишки, такие же, как и он, лет по двадцать. Нет, уже не мальчишки – мужчины. За плечами у каждого не один боевой вылет, не один подбитый самолёт, десятки уничтоженных танков, сотни вражеских солдат. На

лицах читалось нетерпение. Все видели фашистский самолёт-разведчик и понимали: неспроста собрали всю дивизию, да ещё и на ночь глядя.

Вдоль стен прошли офицеры, сели рядом с комдивом.

– Смотри, Мишка, командир истребителей. Порядок! Прикрытие будет! – возбуждённо сверкая глазами, прошептал Сашка.

– Тише. Сейчас начнут.

– Товарищи! Нашей дивизии поставлена ответственная задача: разгромить фашистскую авиацию на аэродроме Харьков – Алешки, – начал полковник Смоловик, остановившись у стены, на которой висела карта с маршрутами полётов.

Как обычно, он подробно перечислил очередь вылетов, направление атак и отступления.

– Если вопросов нет, можно идти на отдых. С рассветом – вылет! – закончил комдив.

– Ну что, зададим завтра жару немчуре? – спросил, устраиваясь на кровати, Пашка Терещенко, сосед Михаила.

– Да, как водится. Ты, главное, от прикрытия не отрывайся.

– Этот бой покажет. Главное – побольше этих гадов уничтожить, ведь они мою мамку и братишек... Ненавижу их. Бить буду до последнего. И за родных, и за друзей наших, которых уже нет.

– А мне вот опять мама сегодня снилась. Хорошо так. Будто я дома, и войны никакой нет. Ты знаешь, она мне всегда перед вылетом снится, словно оберегает.

И они замолчали, задумавшись каждый о своём.

А ребята в казарме быстро укладывались: до рассвета осталось всего несколько часов.

– Подъём! – раздался голос дежурного.

И сна как не бывало.

За окном ещё не рассвело, а все уже были готовы к вылету. На стоянках гудели моторы Илов – «чёрная смерть», как называли их немецкие лётчики. Рядом суетились техники и механики, готовя самолёты к вылету.

– По машинам! – раздалась команда.

И отважная шестёрка поднялась в воздух.

Уже через несколько минут Михаил увидел под собой тёмную стену леса, кое-где прорезанную пятнами болот. «Это хорошо, что такой маршрут выбрали. Деревень поблизости нет, значит, никто

нас не увидит. А внезапность – самое важное для успешной атаки», – думал пилот, уверенной рукой держась за штурвал. Сзади него напряжённо вглядывался вниз бортстрелок Иван Соловьёв, дядя Ваня, как звали его все молодые лётчики, потому что ему уже было 52 года. В дивизии рассказывали, что на фронт он ушёл в первые дни войны, а в июле 1941-го попал в окружение, с трудом дошёл до своих. Особист долго допрашивал его, хотел даже в штрафбат отправить, но Смоловик взял дядю Ваню к себе пулемётчиком.

– Скоро будем на месте, – сказал бортстрелок.

Илы шил на брющем, прижимаясь как можно ближе к земле. Истребители прикрытия летели чуть выше.

И едва рассвело – показался большой аэродром. Хорошо были видны взлётные полосы, ангары, самолёты. Между ними в панике бегали тёмные фигурки – немецкие солдаты, услышавшие приближение «чёрной смерти».

– Целься! Огонь! – скомандовал Михаил.

Через несколько секунд в воздух взвился столб огня и дыма, утреннюю тишину разорвал взрыв, а потом ещё один и ещё: все шесть самолётов сбросили бомбы точно в цель.

– Отходим! – раздался приказ по радию.

Крылатые машины единым строем полетели обратно.

А через несколько минут в наушниках вновь послышался голос командира:

– Вижу фашистскую колонну, там танки и машины. Будем атаковать.

Тут же Михаил наметил цель: головной танк. Максимально снизив самолёт, он сбросил вниз бомбу. Танк вспыхнул, завертелся на месте, идущие за ним машины затормозили, и вся колонна встала. Отличные мишени! Ил Бабкина уже пошёл на второй круг, когда пилот услышал голос Сашки:

– Миша, «мессеры». Вступаем в бой.

Но тот и сам уже увидел: немецкие самолёты, много, гораздо больше, чем их.

– Дядя Ваня, как у нас боеприпасами?

– Остались, но мало. И горячего – только до аэродрома долететь.

Но раздумывать было некогда, уже совсем рядом раздавались пулёмётные очереди. Михаил увидел, как самолёты товарищей врезались в строй противника. И вот уже один из «мессеров», оставляя за собой шлейф дыма, рухнул на землю. Бабкин успел рассмотреть, как, маневрируя, отстреливается Сашка Ефремов, и поспешил ему

на помощь. Но, разворачиваясь, заметил, что прямо на него несётся «Фокке-Вульф».

«Пугает, гад фашистский, думает, если скорость большая и манёвренность лучше, то голыми руками справится. Это мы ещё посмотрим». И Михаил направил свой самолёт в лобовую атаку.

– Не стрелять! – скомандовал он.

Секунда, вторая, третья... Вражеский самолёт уже так близко, что пилоту кажется, он видит торжество в глазах немецкого лётчика. Ещё чуть-чуть, и машины на полной скорости врежутся друг в друга. Но в последнее мгновение нервы у фашиста сдали, и он круто взмыл вверх.

– Огонь!

Короткая очередь – и «Фокке-Вульф», объятый пламенем, рухнул вниз.

Оглядевшись, Бабкин увидел, что «мессеры» быстро удирают. И тут только почувствовал, что правая рука плохо слушается. Рука была мокрой от крови. Ранен!

– Ты как? – услышал он голос Соловьёва.

– Кажется, правую руку зацепило.

– До наших дотянем или садиться будем?

– Нет, возвращаемся.

Левой рукой вести Ил было трудно, к тому же кружилась голова и темнело в глазах. «Руку бы перевязать, а то кровь не останавливается», – думал Михаил. А тем временем самолёт, взяв направление на советский аэродром, шёл проложенным маршрутом.

– Ты держись, Мишаня. Вот закончится война, детям своим будешь об этом бое рассказывать, как ты фрица без единого выстрела отступить заставил. Ты только держись, – слышал он голос бортстрелка.

И пилот Бабкин одной рукой вёл свой штурмовик туда, где был сейчас его дом.

Он ещё не знал тогда, в августе 1943-го, что пройдёт всю войну, что ещё не раз будет смотреть смерти в глаза, что будет на его счету много подбитых самолётов, уничтоженных танков, фашистских солдат. Не знал он и того, что 18 августа 1945 года «за мужество и героизм, проявленные при нанесении штурмовых ударов по противнику», старший лейтенант Бабкин Михаил Николаевич будет удостоен звания «Герой Советского Союза» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Работы
участников
конкурса,
отмеченные
жюри

Кузнецова Ольга Хабибулловна

Родилась в 1969 году в селе Крутиха Алейского района Алтайского края.

После окончания Барнаульского педагогического училища № 1 в 1988 году работала в Моховской средней школе Алейского района Алтайского края учителем начальных классов.

В 1998 году окончила филологический факультет Горно-Алтайского государственного университета.

28 лет непрерывного стажа в одной школе. В настоящее время совмещает работу учителя начальных классов с обязанностями заместителя директора школы по воспитательной работе.

Постоянный участник различных творческих конкурсов, конференций.

Публикации: на сайте в социальной сети работников образования, в сборнике материалов Второй международной научно-практической конференции «Дети, молодёжь и окружающая среда: здоровье, образование, экология-2012», в районной газете.

Замужем. Трое детей.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ОБЪЯВИЛИ ВОЙНУ...

Таська сидела на лавочке возле дома, ждала, когда отец выйдет на улицу. Эта, уже превратившаяся в традицию «процедура» – проводы папы на работу – в их семье исполнялась ежедневно и неукоснительно.

– Тятя! – обрадовалась она, увидев отца, и, прыгнув с лавочки, бросилась ему на шею.

Отец пробормотал:

– Ну что ты, дурашка, видишь, на работу спешу.

Поцеловав дочурку в щёчку, погладил её по головке.

– Я в кузницу, – ласково сказал он, ставя дочурку на землю.

Немного ссутулившись, Захар пошёл на работу.

... Когда Тасе было шесть лет, у неё умерла мама: женщина поло-скала бельё в проруби зимой и после этого слегла – простыла. Мучи-лась недолго. «Сгорела» за несколько дней. В памяти девочки о ней осталось одно лишь воспоминание – её мягкие, нежные руки, кото-рые часто гладили её по головке и прижимали к груди.

Отец вскоре женился на крупной, сварливой женщине, кото-рая всё время кричала по поводу и без, а ещё была тяжела на руку – не раз ввязывалась в рукопашную с соседками. А чаще всего от неё доставалось, конечно же, Таське, но бывало пере-падало и отцу. Захар был человеком очень робким, застенчивым и никогда не перечил новой жене. Вскоре та и вовсе девчонку выгнала из дому: «Нечего дармоедничать, на нашей шее си-деть, иди в няньки наймись, да зарабатывай сама себе на кусок хлеба».

Так и закончилось Таськино детство. Одна была радость: встречи с отцом. Но он так боялся жены, что никогда даже и не спрашивал, как живётся Таське у чужих людей! А ведь жилось несладко! Ей не хватало ласковых, ободряющих слов отца, его поддержки в трудные минуты...

Вот на днях очередная хозяйка сильно поколотила её – а это про-исходило частенько. На душе было горько, но некому было попла-каться, пожаловаться на свою судьбину, не от кого было услышать слов сочувствия... В тот день она ушла из этого дома.

... Ходила маленькая худенькая девчушка от двора ко двору, нани-маясь в няньки, ухаживала за малыши ребятами, нянчилась с ними. Бывало, дадут ей кусок хлеба или остатки со стола поесть, а бывало, и выгонят на улицу за просто так...

И вновь идёт Таська искать работу...

Попробовала вернуться домой, а мачеха в дом не пускает: «Не попадайся лучше на глаза! Пожалеешь!» – грозит она ей.

... Быстро повзрослела Таська. Стала миловидной девушкой: белолица, правильные черты лица, глаза – васильки, аккуратный ма-ленький носик, тяжёлые черные косы...

Но не к добру ей была красота эта! Не к добру! Понятно – за-глядывались на Таську мужики-хозяева домов, куда она приходила наниматься. Приставали, проходу не давали, делали непристойные предложения. А их жёны, обзывали её самыми последними словами

и гнали взашей. И несло ей в след: «Ведьма!» Ну как объяснишь людям, что никого не привораживает она. Красота и доброе сердце – вот и весь Таськин «приворот»! Но всё равно слава за ней шла недобрая.

...Солнце стояло в зените. Колхозники развязали свои скудные узелки: у кого бутылка с молоком, у кого яйца, хлеб да лепёшки. Наскоро перекусив, стали готовиться к работе. Трава нынче выросла высокая, душа радовалась на покосе. Копнили. Таська часто ловила на себе пристальный взгляд парня из их бригады – Митрофана. Видный молодой парень запал на красавицу. Поняла она это недавно и его любовь приняла с надеждой: наконец-то хоть кто-то будет рядом, хоть одна живая душа не даст теперь её в обиду...

Однажды Митрофан без лишних слов – не умел он красиво говорить – взял Тасю за руку и привёл домой. И была она в тот момент самой счастливой девушкой на свете!

Взявшись за руки, Митрофан и Таська переступили порог родительского дома.

– Вот... это... жена моя.... с нами будет жить... – робко произнёс парень, обращаясь к отцу.

– Ну, вам жить – живите... – как-то равнодушно ответил отец тот. Так стали Митрофан и Тася жить как муж с женой.

Семья у Митрофана была большая. Все жили в одном небольшом домишке, в бедности. Часто ругались. Братья Митрофана: Сергей, Васька и Алексей – были моложе его, а сёстры, Манька и Нотка, старше брата. От природы не только очень некрасивые, но и на редкость стервозные старые девы. С первых дней невзлюбили они красавицу невестку. Говорили ей всякие гадости, чинили ей подлости день за днём. Тихо по ночам в подушку плакала Тася, а её муж лишь тяжело вздыхал – ничего он не мог поделать со своими старшими сварливыми сёстрами.

Осенью Митрофан за хорошую работу в колхозе на комбайне получил большие по тем временам премиальные. Принёс домой деньги, положил перед Тасей:

– Строевы пятистенок продают, недорого, – коротко сказал Митрофан.

Она бросилась на шею мужу:

– Митрошенька, неужто вдвоём будем жить? Сами по себе!

Он подхватил маленькую Таську и закружил по избе. Таське вдруг стало дурно, она побледнела.

– Тасенька, что с тобою, родная? – озабоченно спросил Митрофан.

– Что, что? – передразнила его Тася и важно заявила: – Маленький у нас будет.

– Вот и хорошо! Как вовремя: домишко свой скоро будет!

Наскоро собрали кое-что из домашней утвари. Увёл Митрофан беременную жену в их новый дом, от злобных золовок подальше.

Вскоре молодые прикупили корову. Счастливо жила Тася, что ещё нужно юной семнадцатилетней девчонке.

Шёл 1939 год. Митрофана призвали в ряды Красной Армии, а Тася осталась ждать мужа. Дочку родила уже без Митрофана, назвала Машенькой. Подолгу смотрела Таська на своё сокровище: вот нос, как у Митроши – вздёрнут, вот глазки его – лупатые, а волосы – цвет в цвет.

Но иногда вдруг заноеет, защемит у неё сердце, расплачется Таська от тоски по любимому, прижмёт покрепче дочурку, и на душе становится легче.

Митрофан часто писал Тасе, признавался ей в любви, сообщал, что скучает по ней и дочке. Описывал подробно солдатские будни. Однажды даже посылку прислал. Служил он в Приморском крае, в городе Советская Гавань.

... Прошло почти два года. Тася у калитки ждала почтальона. Маленькая дочка держалась за подол матери. Каждый раз она с замиранием сердца ждала весточки от любимого. Вот наконец-то замаячила на пригорке Варя-почтальонка, которая через минуту была у Тасинога дома.

– Здравствуй, Таська, – весело защебетала она. – А ну-ка, пляши!

– Ох, уж давай скорее, Варвара! Мочи нет. Все глазоньки проглядела, – почти вырвала долгожданное письмо Тася. Подхватила Машку на руки и бегом – читать письмо.

На этот раз Митрофан как никогда порадовал своим письмом. Писал, что хочет остаться военным, служить дальше, а Тасю и дочь вызывает к себе. Митрофану выделили жильё, дали небольшую комнату в части, он даже одежду купил и жене, и дочке.

Тася начала собираться в дальнюю поездку. Продала домик, корову забрали в семью Митрофана: пришли Нотка с Манькой и увели кормилицу. Таська до отъезда жила в доме свёкра и свекрови.

В пятницу Тася поехала на станцию, нужно было получить разрешение на выезд в военную часть. Но начальника станции не оказалось.

– Придѣте на следующей неделе, – объяснили на станции Тасе. Таське стало аж нехорошо, она присела на скамью, посидела немного, приходя в себя. На сердце стало тяжело от какого-то недоброго предчувствия. Но особо расслаживаться некогда было: дома ждала её дочка.

... А в воскресенье объявили войну... Война!

Таська выла, голосила: когда теперь она увидит Митрофана, как и где жить ей теперь без своего угла? Мгновенно разрушилось её маленькое, семейное счастье, которое Таська и ощутить-то полностью не успела!

Манька и Нотка ежедневно издевались над несчастной Таськой. Частенько побивали её, таскали прямо за чёрные волнистые волосы. Опять несчастье вернулось в Таськину жизнь. И некому было вступить за неё...

Так протянула она зиму в семье мужа. А весной Манька и Нотка совсем озверели: взяли да и выкинули прямо в грязь Таськины вещи, а её саму с дочкой вытолкали из дома:

– Убирайся, курва!

Таське не привыкать оказаться на улице: вырыла она ямку, наложила сверху пластов земляных – получилось подобие крыши, постелила ветки деревьев на пол. И стала жить со своей дочуркой все лето.

Но на зиму оставаться в землянке было нельзя, Тася попросилась на квартиру к Семенихе. У той хоть и у самой детей орава – четверо, но пожалела молодую женщину с дочкой. Теперь новые соседки с утра до поздней ночи трудились в колхозе, оставив своих полуголодных детей дома. Мужиков в деревне не осталось.

Письма с фронта приходили очень редко. Митрофан писал, что надеется увидеть своих любимых жену и дочку. Писал, что не боится воевать и будет бить фашистов до последнего. Вскоре письма перестали приходить...

... В 1943 году под Смоленском шли ожесточённые бои.

Два года как Смоленск был оккупирован фашистскими захватчиками. Гитлеровцы придавали большое значение захвату Смоленска. На весь мир фашисты объявили, что почти достигли цели. Геббельс уже сделал заявление:

«Смоленск – входная дверь СССР. Германия открыла себе путь в Россию. Исход войны предрешён».

Все силы нашей армии были брошены на спасение Смоленска. Перед войсками стояла задача – разгромить группировку гитлеровцев, оборонявшуюся на Смоленском и Рославльском направлениях. Нужно было овладеть Смоленском, Рославлем и развить наступление на Оршу и Витебск.

...Митрофан состоял в ударной группировке Западного фронта. Не смыкая глаз несколько ночей, выполнял он вместе с боевыми товарищами поставленную задачу: перерезав железную дорогу, вышли на окружение Рославля. Завязались уличные бои. Потери были огромные! Всюду кровь, дым, смерть... Вот очередная атака!

– Ура! Ура-а-а! – ринулся вперёд сержант Митрофан Полухин и, не успев сделать пару шагов, резко, как подкошенный упал на землю. Прямо в сердце вонзилась дура-пуля. Быстро пролетело перед глазами воина и босоное детство, и Таська в нарядном платье, и дом, и пшеничное поле, и лицо дочери, которое он видел только на фотографии... Голубое-преголубое небо застыло в его открытых глазах. Бойцу было всего 25 лет...

Военная операция завершилась победой Красной Армии уже на следующий день. Боевые товарищи захоронили погибших товарищей в братской могиле.

В Москве был дан салют двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий за освобождение Смоленска и Рославля.

...Таську вызвали в сельсовет. Выдали молодой вдове два куса мыла, платок и ситцевое платье. Платье очень красивое, отделанное кантом. Никогда Таська не носила такого красивого платья. Но радости не было совсем, только горе непроглядное. Принесла домой. Положила в угол на полку, поголосила да ушла на работу. А платье так и пролежало всю её жизнь ни разу не надёванное...

Полухин Митрофон Митрофанович

1918 – 1943

Родился в Алтайском крае, Алейский район, д. Александровка. Воинское звание – сержант, помощник командира взвода. Кандидат ВКП(б). На фронт призвался Советско-Гаванским ГВК Приморского края. Убит 24 сентября во время ожесточённых боёв под Смоленском. Захоронен в братской могиле.

Шпакова Мария Андреевна

Родилась 30 ноября 2000 года. Учится в 10-м классе МБОУ гимназия № 34 города Ростова-на-Дону. Студентка I курса Ростовского колледжа искусств, отделения «Оркестровые струнные инструменты» по классу скрипки. Лауреат региональных и международных музыкальных конкурсов и фестивалей. Призёр регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по искусству (МХК). Участник ежегодной областной конференции гимназии «ОР АВНЕР-СВЕТ ЗНАНИЙ», «Вокруг света: путешествие по известным местам», лучшая исследовательская работа: «Путешествие по Европе с легендами классической музыки».

Победитель Всероссийского конкурса авторских стихотворений Союза городов воинской славы «Мой город – моя гордость».

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!
М. Ю. Лермонтов

О ЗЕМЛЯКЕ ИВАНЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ КАЛИНЕНКО

Страшным испытанием для нашей страны была Великая Отечественная война. За четыре долгих года она унесла больше двадцати миллионов жизней советских людей. Фашисты стремительно приближались к стенам Москвы – в их планы входил захват города. На защиту столицы стали грудью тысячи советских воинов и ополченцев. Это было одно из первых решающих сражений Великой Отечественной войны – осенью 1941 года, известное в истории как битва за Москву. Активными участниками битвы под Москвой

были и наши земляки-дончане. Особенно нам дороги эти события были в год 70-летия Великой Победы нашего народа над фашистской Германией.

Я хочу рассказать об одном герое обороны Москвы, нашем земляке, замечательном человеке – Иване Григорьевиче Калиненко.

Иван Григорьевич – известный донской учёный-селекционер, создатель высокоурожайных сортов сильных и ценных озимых пшениц, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный агроном РСФСР, академик РАСХН и академик Украинской академии аграрных наук.

1941 год

О замечательном жизненном пути и воинском подвиге Ивана Григорьевича мне рассказала дочь великого учёного – Валентина Ивановна Калиненко. Она бережно хранит фронтовые фотографии своего отца и книги донских писателей о славной жизни нашего земляка. Материалы об Иване Григорьевиче также предоставили мне в музее И. Г. Калиненко во Всероссийском научно-исследовательском институте зерновых культур.

Родился Иван Григорьевич Калиненко 28 ноября 1920 года в Донбассе в крестьянской семье. С раннего детства Иван познал тяготы крестьянского труда, пережил голодный 1933 год. В школе учился прилежно, особенно любил географию. Позже Иван Григорьевич окончил Марьинский педтехникум, работал учителем в сельской школе. Любил играть на струнных музыкальных инструментах: балаалайке, гитаре и мандолине.

Справа И. Г. Калиненко, 1939 год

Ещё до войны, в 1939 году, призвали Ивана Калиненко в армию – в 418-й стрелковый полк в Новосибирске. Там

определили в полковую школу, через шесть месяцев присвоили звание сержанта и назначили командиром отделения. Служил Иван добросовестно. В Алтайском крае около Бийска был определён в снайперскую команду.

В сорок первом году бойцы приехали в Бийск, поставили палатки в снайперском лагере, прожили там около недели – готовились к открытию полковых лагерей. Открытие было назначено на двадцать второе июня. Собрались в лесу праздновать. Музыка играет, вокруг полно бравых военных. И тут на трибуну раньше назначенного времени поднимается командир полка – музыка стихла, над поляной повисла зловещая тишина. Как вдруг: «Товарищи, немецко-фашистский враг напал на нашу Родину! Боевая тревога!» – звучат слова командира полка. Все построились, вернулись в лагерь, свернули палатки и ночью выехали в Новосибирск. Там обмундировались по походному, получили оружие и выехали на фронт.

– Шестого июля мы уже были на Бородинском поле. Да, да, на Бородинском поле!.. Вдохнули там исторического боевого духа у могил бойцов первой Отечественной войны, – вспоминал Иван Григорьевич.

Насмерть стояли бойцы и командиры на поле русской воинской славы. Здесь же, не щадя своей жизни, сражался с врагами своей Родины двадцатилетний Иван Калинин.

Потом их направили в Вязьму. Оборону заняли на Днестре, у моста по дороге к Смоленску. Затем их часть перебросили в болотистые и лесистые места за Калининым.

– Слышали вы про такие местечки, как Селижарово, Пенно, Соблаг и про Андреаполь у реки Западная Двина?.. В том районе действовал наш взвод разведки. Особых приключений не было. Обычная разведка со стычками с немцами. Как говорится, лес и болота хранили и хоронили нас, – уже в послевоенное время рассказывал, прямо как Василий Тёркин, Иван Григорьевич про свою «обычную» службу:

– Как, мол, что на войне было?

– Бывало всяко.

– Трудно всё же?

– Как когда.

– Много раз ходил в атаку?

– Да, случалось иногда...

Участвовал в боях под Москвой, под Рузой, у Звенигорода. Кстати, под Звенигородом больше недели были в окружении:

в лесах и в болотах, без хлеба, воды и соли. Там бойцы, голодные, истощённые, обнаружили брошенную свиноферму.

– Самоснабжались свининой. Ели её без хлеба и без соли. До сих пор вспоминать тошно. Здесь мы по-настоящему поняли, что такое хлеб! – о том тяжёлом времени вспоминал Иван Григорьевич.

По ночам бойцы пробирались на восток, к своим. В одну из ночей вышли из окружения в расположение своих частей.

– Дали нам по котелку пищи, и снова – в бой... Потом ещё два боя – ночной и... утром второго ноября сорок первого пошли мы в контратаку под деревней Шарапово Московской области. Вот там и ранили меня. Раздробили разрывной пулей локтевой сустав правой руки... Одно невообразимое, кошмарное я пережил под той самой деревней Шарапово... – вспоминал ветеран.

На рассвете наши бойцы пошли в контратаку. Бежали по лесу с пальбой, добежали до речушки, скатились с обрыва к воде. Сержант Калининко – помкомвзвода – подбадривал отстающих. Поднимается и видит: в пятнадцати – двадцати метрах от него, несколько сзади, в кустах стоит сытый, краснощёкий красноармеец в новенькой форме и целится в него из нашей, русской, винтовки. Иван и слова не успел выкрикнуть от потрясения: как же стрелять в своего?! – как тот успел выстрелить. Пуля просвистела мимо головы Ивана. Второй выстрел сбил каску с его головы. И тут Иван понял: это же ведь фашист в нашей форме.

– Ихтам, в зарослях, переодетых сволочей, куча! Они жмут нас огнём, кричу: «Залечь!» Все залегли. Посылаю бойца: «Передать командиру роты – с нами рядом «наступают» переодетые в нашу форму немцы! И по нас бьют прицельно, никому не поднять головы. Получаем приказ: «Развернуться вправо, отеснить немцев!» Мы поднялись, бросок в сторону врага. Нас встретили автоматным огнём... И вот в том бою мне и «обломилось», – так воевал доблестный воин, мужественный защитник столицы нашей Родины сержант Калининко.

Ратные подвиги Ивана Григорьевича были отмечены орденом Отечественной войны I степени, медалью «За Победу над Германией».

На фронте

Из-за тяжёлого ранения не смог Иван Григорьевич Калининко бить фашистов до конца войны. Но командирский талант, бойцовский характер советского разведчика и солдатскую выправку он сохранил. В феврале сорок второго года после лечения в госпитале Иван Калининко поступил в Саратовский сельскохозяйственный институт.

– Первый курс, – рассказывал Иван Григорьевич, – для меня был как марш-бросок с полной боевой выкладкой, впроголодь и без отдыха: я, как бы отставший от колонны, должен был успеть догнать её, прийти живым к месту назначения и занять выгодную позицию на высотке, в смысле, успешно сдать экзамены за курс и завоевать право на получение стипендии. Некому ведь было помогать мне... До начала мая занимались, а потом нас, студентов, направляли по колхозам, работали до самого ноября...

Такой жизненный девиз сопровождал Калининко всю его жизнь, где он достиг выдающихся результатов. Голодные дни битвы за Москву показали молодому сержанту, что хлеб – это главное в жизни. Поэтому Иван Григорьевич посвятил свою жизнь трудному, но благородному делу – выращиванию Большого Хлеба для своего Отечества. До конца своей жизни он оставался мужественным солдатом, с честью выполнявшим свой долг.

Иван Калининко ценил настоящую фронтовую дружбу – она поистине священна. Солдаты делились хлебом, самокруткой, а в бою каждый был готов подставить плечо или прикрыть однополчанина. Двери гостеприимного дома фронтовика были всегда открыты для друзей-фронтовиков. К нему приезжал Иван Васильевич Кузнецов, который тоже был ранен под деревней Шарипово, а после лечения в госпитале опять ушёл на фронт, закончил войну в Германии. Бывал в доме Калининко и Анатолий Самойлович Морговский, который рано умер от боевых ран.

...Всякие уловки и подлости применяли фашисты, чтобы завладеть Москвой – сердцем нашей Родины. Но это не сломило наших воинов, которые героически защитили честь и свободу своей Отчизны. Подвиг Ивана Калининко и всех защитников Москвы достоин подвига героев Бородина во время Отечественной войны 1812 года. Это поистине Кутузовы, Багратионы, Давыдовы, Волконские, Ермоловы 1941 года. Вечная им память!

Романова Анна Афанасьевна

Родилась 13 октября 1951 года в городе Якутске в семье фронтовика.

Окончила среднюю школу № 26 и поступила в Якутский государственный университет на историко-филологический факультет (отделение русского языка и литературы). Писать начала в школьные годы.

После окончания университета была принята на должность заместителя директора широкоформатного кинотеатра «Лена» города Якутска.

В системе кино Якутии проработала до 1994 года.

В 1991 году создала Ассоциацию деятелей кинообразования в городе Якутске.

В 1992 году поступила во ВГИК на курсы сценаристов – в мастерскую профессора Л. Н. Нехорошева (автора сценария фильмов «Михайло Ломоносов» и «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго»).

В 1996 году вернулась в Якутск – к дочери Изабелле и матери – и поступила на работу в школу № 13 учителем русского языка и литературы.

Пишет киносценарии и рецензии.

ЗАПАХ ПОБЕДЫ

Посвящается памяти снайпера-фронтовика
Героя Советского Союза
Фёдора Михайловича Охлопкова.

...Снег пах весной и гарью, но не смертью. Смертью пахло от сгоревшего дома, где заживо сгорели почти триста раненых бойцов Красной Армии. Фашисты, отступая, сожгли госпиталь. Во дворе среди пепелища осталась бельевая верёвка с постиранными бинтами и ещё мокрым обмундированием с незашитыми дырками от пуль и осколков, и покосившийся указатель: «Город Старица».

Фёдор именно на фронте научился различать запахи. Дома, в далёкой Якутии, он особенно не замечал того, как пахнет мирная жизнь. Помнил запах родной избы в селе Крест-Хальджай Томпонского района, помнил запах своей собаки Догоры Первой и любимого телёнка: от щенка пахло свежестью и немного молоком, а от телёнка – летним лугом и почему-то маслом.

Фёдору казалось, что его однополчане пахнут порохом, мужеством, немного сыростью и ядрённым солдатским потом. Ну, а фрицы пахли чужой страной, страхом и почему-то немного шоколадом и ещё чем-то непонятным, противным – жестокостью. Это он понял, когда в одной освобождённой деревне увидел лежащего на снегу затоптанного сапогами мальчика лет шести. Он был ещё жив, когда санитары унесли ребёнка, на снегу остались капли его крови. Он взял кровавый снег в руку и произнёс:

– Звери, не люди! Убивать их буду, без пощады и жалости! – это прозвучало как клятва. Клятва на крови.

И он уничтожал их, как бешенных псов, стараясь попасть врагу в глаз, как когда-то его научили в детстве охотиться на белок. Он стал невидимкой, он стал снайпером № 1. Слава о нём быстро распространилась среди фашистов. Они не знали, кто он, откуда, знали только фамилию и его меткий выстрел!

Однажды Фёдор увидел сон. Сон был необычным. Приснился ему брат Василий, убитый в бою. Василий сидел у костра и пил из кружки горячий чай с сухарями. Фёдор подошёл к нему и потрогал его за плечо:

– Вася. Ты живой оказывается? Здорово! Я тебя ведь тащил на себе. Значит, ты выжил? Да?

– Нет. Я живу в другом месте и сейчас не воюю. У нас там тихо и тепло. Я о тебе беспокоюсь, брат. Как ты? Воюешь? А я вот отвоевался... Да, брат. Поохотиться как следует не успел.

– Ну тогда после войны поохотимся? Да, Вася? Что ещё скажешь? Я по тебе скачаю, однако.

– Ты, Федя, слушай меня внимательно. Скоро будет бой. Тяжёлый бой. Для тебя. Берегись немца-снайпера. Он на дереве будет сидеть и тебя ждать. Слышь, брат. Берегись! Помни о своей клятве.

– А откуда ты, Вася, знаешь о моей клятве? А?

...Василий исчез, Фёдор по прозвищу Сержант без промаха проснулся в землянке и увидел своих друзей. Офицер Андрей

Николаевич, или просто Андрюха, пришивал белый подворотничок к своей гимнастёрке и собирался штопать белый комбинезон, который он называл в шутку «невидимкой». Андрей до войны учился в пединституте и любил читать. Особенно Уэллса.

...Фёдор очень ясно запомнил ту весну 1942-го. Было солнечно и уже пахло летом. «Очень хорошо пахнет берёза, как девушка, а сосна пахнет чем-то важным и строгим, наверно, так пахнет в Кремле», – думал он. Той военной весной он стал снайпером и поменял свой пулемёт на снайперскую винтовку. Он даже тряпочку мягкую завёл для оптического прицела. И когда после боя бережно и осторожно чистил свою винтовку, то его друзья слегка подшучивали над ним:

– Федя, ты так оглаживаешь её. Совсем как девушку любимую.

– Конечно! – отвечал он невозмутимо, а потом добавлял: – Снайпер должен любить, ухаживать за боевым оружием, как за девушкой – это точно!

Он любил свою винтовку и называл её про себя Рио-Рита. Фёдор любил необычные имена и необычные запахи. И даже деревню Ножкино Калининской области, где его меткость и винтовка спасли жизнь не одному солдату и офицеру, запомнил по названию. А ещё он запомнил запах одного фашистского пулемётчика. Фёдор попал в него, потому что «учуял» его по запаху. Тот фриц был молод и, наверно, полон сил. «Он встал, побрился и слегка побрызгался одеколоном, французским. А зря!» – подумал Фёдор, когда вражеский пулемётчик затих.

А потом стало так тихо, что зазвенело в голове. «Что? Что со мной?» – подумал он и увидел небо. Весеннее, голубое и совсем не военное небо. Он даже слегка прикрыл было глаза, на секунду. «Но как всё-таки хорошо просто жить и просто дышать!» – думал он, оглядываясь вокруг, чтобы увидеть своих ребят.

...Шло время. Тяжёлое, фронтовое, кровавое... Были и госпитали. И не один... Он почти забыл тот сон, в котором был его брат Василий, забыл и его слова-предупреждения.

Однажды, это было в лесистой местности, он вышел на задание. Хорошо было среди деревьев, почти как дома. Он лежал на земле и смотрел в бинокль, думал: «Если останусь живой, привезу своим деревенским этот бинокль. Такой мощный! Так видно всё хорошо! Вот они обрадуются!» И неожиданно увидел белку с рыжим пушистым хвостом, которая собирала грибы.

Немецкого снайпера он сначала не заметил. Тот сидел на сосне и ждал цель. Он тоже увидел белку, которая доверчиво собирала грибы и ягоды. Белка проворно прыгала по дереву, а два снайпера заворожено смотрели на неё и вспоминали свой дом и, наверно, своё детство. Это длилось мгновение, а казалось вечностью.

В лесу грянул выстрел, и немецкий снайпер упал с дерева. Он упал как-то неловко, навзничь, лицом к небу...

И белка, будто брезгуя им, обошла труп стороной и убежала далеко в лес: от войны, от беды, от убитого в лесу недочеловека. А лес зашумел, поднялся ветер, он застонал, завыл...

До Победы было ещё ой как далеко, но Фёдор впервые почувствовал её запах.

Дружинина Анастасия Игоревна

Родилась 13 ноября 1987 года в городе Нижний Новгород. С детства неравнодушна к поэзии и музыке. С 12 лет начала писать сама. В 2005 году окончила школу и поступила в НГПУ им. Кузьмы Минина. С первого по пятый курс принимала активное участие во внеучебном процессе университета, читала стихи собственного сочинения со сцен всех театров Нижнего Новгорода.

В 2008 году заняла первое место в поэтическом конкурсе «Течёт река Волга», награждена дипломом I степени.

С 2015 года делает первые шаги в новом для неё жанре – прозе.

Я ВЕРНУСЬ...

Есть прошлое,
И мне о нём болейт
И подниматься из траншеи в атаки...
А росные, ликующие маки
Пускай цветут, не ведая про смерть.
Пусть только мне далёкая война
Ночами снится, все её тревоги,
Да женщине, что в марево дороги
Ещё глядит с надеждой из окна.

Николай Петропавловский

Любая война – это не набор каких-то абстрактных понятий, а смерть и страдания людей.

Великая Отечественная война одна из самых страшных войн в истории нашей страны и истории человечества.

Существует большое количество книг, мемуаров, рукописей, архивных данных и иных документов, рассказывающих о тех нелёгких днях и годах. Но, к сожалению, с каждым годом всё меньше и меньше остаётся ветеранов – непосредственных участников войны, тружеников тыла, тех, кто может рассказать о войне. Хотя те, кто изо дня в день смотрел в глаза смерти, наверное, не очень любят об этом рассказывать, вспоминать.

Таким же был и мой дед. В детстве я часто расспрашивала своего деда о войне, больше из любопытства, чем от какого-либо понимания всей масштабности данных вопросов. Срабатывало детское любопытство. Особое обострение этого любопытства наступало в канун Дня Победы, когда дед надевал парадный костюм с медалями и шёл на главную площадь города – площадь Минина – встречаться со своими однополчанами. Когда я спрашивала о войне, ставя вопрос некорректно, например: «А как там, на войне?», или «А что ты там делал?», или «Было страшно?» – дед как-то по-мхатовски молчал, и на глаза наворачивались слёзы. Позже мне запретили задавать деду подобные вопросы. Спустя годы я очень поверхностно поняла почему.

Так и жила, и выросла. И дед жил, но с каждым годом всё чаще болел. И мои вопросы, которые выросли вместе со мной, так и остались бы без ответа, если бы однажды я не услышала скупой рассказ о моём деде из уст бабушки, тоже участницы войны, точнее – труженицы тыла.

Итак, мой дед – Владимир Анатольевич Красильников родился 4 июля 1923 года в городе Горьком, тогда ещё Горьковской области. Когда началась война, ушёл на фронт добровольцем, подправив дату рождения, чтобы получился призывной возраст. Был направлен в артиллерийские войска. Боевым товарищем его была «сорокопятка», как он ласково называл 45-мм пушку – М-42.

За время войны дед был ранен в голову осколком снаряда, что повлекло за собой контузию, госпиталь и побывку домой, демобилизацию. По словам бабушки, очень тяжело было деду вернуться обратно в строй... Уйти из тёплого дома, от матери в неизвестность... Но со словами: «Я вернусь» – ушёл продолжать своё маленькое ратное дело, свой маленький подвиг, приближать свою Победу. Победу над собой. Победу для огромной страны.

Мой дед прошёл всю войну – от начала до самого конца. Получил звание младшего сержанта. Был в Польше. Участвовал в сражениях за Кёнигсберг. За что впоследствии и был награждён.

Но, наверное, наибольшей наградой стало то, что четыре года кошмара вскоре были окончены. Дед дошёл, дожил до Победы, которую спустя годы назовут Великой. Не менее важной наградой явилось и то, что дед сдержал слово, данное матери, – он вернулся.

**Пивульская Анастасия
Вячеславовна**

Родилась 22 августа 2007 года в городе Москве.

Проживает в городе Королёве Московской области.

Ученица 3 «Е» класса школы № 760 города Москвы.

Увлекается большим теннисом, эстрадно-спортивными танцами, рисованием и прикладным искусством. Обучается в музыкальной школе по специальностям сольное пение, гитара, хор.

Неоднократный дипломант и призёр международных конкурсов по сольному пению; пятикратная победительница по лыжным гонкам Мытищинского района; бронзовый призёр открытого первенства Мытищинского района по художественной гимнастике, победитель и призёр международных и российских конкурсов по эстрадно-спортивным танцам.

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Расскажу про своих Героев: прабабушку Фаню и прадедушку Гришу, а также дедушку Витю.

Мои прабабушка Фаня и прадедушка Гриша были партизанами и воевали против фашистов. Они жили в лесу и вместе с ними были их маленькие дети (5 лет сыну и 5 месяцев дочке).

Прабабушка была разведчицей и помогала кормить партизанский отряд. Еды было очень мало, и они собирали ягоды, грибы, сами пекли хлеб. Сажали картошку. Время было очень тяжёлое. Однажды бабушка пошла на задание и была ранена фашистами, но ей удалось убежать, и она осталась жива.

Прадедушка был разведчиком-подрывником. Взрывал фашистские поезда, мосты, дороги, машины. Помогал прабабушке. Когда они были на заданиях, за их детьми присматривали другие партизаны.

Однажды партизанский отряд окружили фашисты. Мои прабабушка и прадедушка с детьми и другими партизанами смогли уйти только через болото. Папа рассказывал, что им предлагали бросить

детей и спастись самим. Но они их не бросили и смогли выйти из окружения.

Дедушка Витя рассказывал, что, когда ему было 4 годика, он поджёг сарай фашистов. Фашисты хотели увезти его и его маму в Германию, но им удалось спрыгнуть с поезда.

Когда мне кажется, что мне тяжело и не хочется ничего делать, я сразу вспоминаю прабабушку Фаню, прадедушку Гришу и дедушку Витю. Вспоминаю, как им было тяжело, но они выдержали. Очень жалко, что их уже нет. Я ими горжусь!

Спасибо прабабушке, прадедушке и дедушке за Победу!

Пивульский Вячеслав Викторович

Родился 30 июня 1971 года, в Витебске. Проживает в городе Королёв.

Заместитель директора ФГБУ «Центр стратегического планирования в сфере агропромышленного комплекса». Награждён памятным знаком «266-й экипаж Краснознамённых подводных сил Северного флота», «25 лет 24-й дивизии атомных подводных лодок Краснознаменных подводных сил Северного флота», памятным адресом командира тяжёлого

авианесущего крейсера (ТАВКР) «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов».

Факелоносец эстафеты олимпийского огня «СОЧИ-2014».

Научные интересы: история российской внешней разведки; коррупция – природа, проявления, противодействие; национальная безопасность России.

В государственном кадровом резерве правительства Москвы. Увлекается футболом, хоккеем, русскими шашками, журналистикой.

Женат, воспитывает двух дочерей.

НЕУЛОВИМЫЕ

Бабушка Фаня трагически погибла, когда мне исполнилось 5 лет. Мои папа и мама почти не разговаривали про войну. Мама очень переживала, когда не стало бабушки. Дедушка умер от многочисленных ран в 1952 году. Я знал, что бабушка и дедушка воевали, но эта тема не развивалась. Вся информация о войне у меня была из книг и кинофильмов. Мы играли в партизан во дворе дома, в пионерских лагерях. Я был разведчиком и подрывником, взрывал склады и пускал поезда под откос, рядом со мной были железнодорожный вокзал и мост... Иными словами, я был настоящим «неуловимым партизаном».

70-летие Победы! Мне 43 года. Невероятно. Я как будто вернулся в прошлое. Прозрел! Моя бабушка Фаня была разведчицей, а дедушка Григорий разведчиком-подрывником в партизанской бригаде «Неуловимые»!

Бабушке было 29 лет, когда началась Великая Отечественная война. Дедушке 46 лет, прошёл две войны. Он воевал на Западном фронте в Первую мировую войну, в 1916 году получил Георгиевский крест и ранение. В 1918 – 1922 годах воевал в рядах Красной Армии, получил ранение и вернулся в город Полоцк. Работал на предприятиях города Полоцка. Стал помощником директора кирпичного завода. 20 декабря 1937 года родился его сын – Владимир. Жизнь только начиналась. И как гром среди ясного неба – дедушку арестовали в 1938 году. Бабушка осталась одна с малолетним сыном. Но уже в 1939 году он был оправдан.

Сложная, тяжёлая и очень интересная судьба семьи. Началась война. У них уже был маленький сын Володя – 4 года, 22 марта 1942 года родилась дочь Тамара – моя мама.

Война в самом разгаре. Весной 1942 года Михаил Сидорович Прудников возглавил группу из 28 опытных пограничников-чекистов и был заброшен в тыл врага на территорию Витебской области Полоцкого района. Сначала был командиром специального отряда, затем командиром партизанской бригады «Неуловимые». Бригада объединяла 16 действующих отрядов (2500 партизан), которые развернули диверсионную деятельность на железной дороге по направлению из Полоцка в Витебск, Даугавпилс. Бригада имела связь с Верховным Главнокомандованием Красной Армии и штабом партизанского движения Беларуси. Штаб бригады, благодаря тщательно замаскированному пункту сбора сведений (гнездо Аиста), знал ежечасно, что делается в отрядах и мог в любое время дать необходимые указания.

Мои бабушка, дедушка с двумя детьми в августе 1942 года стали бойцами партизанской бригады «Неуловимые» под командованием М. С. Прудникова. Стали выполнять ответственные задания БШПД (Белорусского штаба партизанского движения). Бабушка стала разведчицей. Неоднократно направлялась в город Полоцк с целью доставки и добычи разведывательных сведений. Предатели выдали её, и при очередном выполнении задания она попала в засаду, была ранена в бок. Её вместе с родной сестрой, партизанами и местными жителями закопали. Чудом ей удалось выбраться и вернуться в отряд. Так же, как и все партизаны, занималась заготовкой продуктов питания для партизан. Пекла хлеб, сушила сухари, собирала ягоды. В характеристике бабушки сказано: «служила примером для остальных».

Мой дедушка – разведчик-подрывник. При активном участии бабушки и дедушки партизанская бригада «Неуловимые» эвакуировала детей из детского дома (немецкие медики уже начали проводить опыты на детях) на Большую землю. Освободили заложников из тюрьмы (разведчики действовали под видом команды СС). Произвели взрывы немецких складов, мостов, поездов. За полтора года боевых действий на белорусской земле «Неуловимыми» было убито и ранено свыше 51 тыс. немецких солдат и офицеров, пущено под откос 511 эшелонов, выведено из строя 104 моста, 45 предприятий, уничтожено 10 самолётов, 12 бронепоездов, более 80 автомашин, 6 складов.

В нашей семье вспоминают одну героическую историю и один из самых тяжёлых дней для отряда. Бригада «Неуловимых» в конце 1942 года попала в окружение. Единственный выход – прорыв. Но где? Разведчики доложили командиру – выход только через болото, где отряд никто не ждал. Надо было уходить. Дедушка в передовом отряде разведки. Бабушка с двумя детьми. Все на эмоциях. Ей говорили – брось Томку, Вовку в болото. Уходи сама. Бабушка не сдалась – не бросила маму и дядю Володю. Выдержала!

Когда в октябре – ноябре 1943 года освободили город Невель и Красная Армия подошла к Витебску, бригада «Неуловимые» совершила переход в Западную Беларусь.

Бабушка, дедушка и двое детей (моя мама и дядя Володя) остались восстанавливать разрушенные дома, предприятия и налаживать жизнь в разрушенном городе Полоцке, а затем и городе Витебске. Бабушка и дедушка за совершённые подвиги были представлены к правительственным наградам: медалям «Партизан Отечественной войны» 2-й степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и другие.

26 июля 1945 года у них родился 3-й ребёнок – сын Виктор. Назвали его в честь Великой Победы! Виктор – значит Победа! Спасибо дедушка. Спасибо бабушка. Спасибо за маму и папу. Вы были настоящими героями. Мы гордимся Вами. Вы выстояли и победили. Спасибо за Великую Победу!

Овдиенко Илона Альбертовна

Родилась 15 ноября 1959 года в городе Нежине Черниговской области, что на Украине.

С 1979 по 1984 год училась в Нежинском государственном педагогическом институте им. Н. В. Гоголя на филологическом факультете. В июле 1985 года переехала в посёлок Серышево Амурской области к новому месту службы мужа. Работала в школе, библиотеке, в детском саду.

Она автор православных стихов, а также стихов о семье, для детей и о детях, загадок для детей в стихах. С 2005 года принимает участие в разных литературных конкурсах. Печатается в районной газете «Сельские новости», а в 2005–2007 годах – в газете «Амурская неделя». В 2007 году получила диплом участника конкурса на лучший текст к гимну ОАО «Дальневосточная энергетическая компания».

СКВОЗЬ ГОДЫ

Когда-то мать историю рассказывала мне
Про брата своего. Он был тогда солдатом.
И находился он в то время на войне.
И дожил до победы в сорок пятом.

Шёл бой, и лес горел,
И лишь один он уцелел.
Фашисты шли по следу,
И окружить пытались,
Но многие из них на минах подорвались.
Живые шли вперёд, надеясь на победу.

Земля гудела под ногами чужаков,
И лес стонал под сапожищами врагов.
Но наш солдат, собрав всю силу воли,
Придумал новый ход.
От ран не чуя боли,
Не стал идти в обход.

Решил солдат: «Я в бочку буду бить! –
И, оглядев холодное железо,
Сообразил: – Фашистам путь отрежу!
Нельзя врага к деревне подпустить!»

И вот из-за ветвей враг показался,
Но наш солдат совсем не испугался.
Оружием по бочке стал стучать
И громко в бочку стал кричать.

Своих друзей погибших называл,
И голосом он каждого из них изображал,
И мерзость вражью уничтожить призывал:

– Ура-а-а! Вперёд! За Родину! За мать!
– Эй, Саня, фрицев слева не пускать!
– А ты, Ваню, давай – за пулемёт!
– А вы, друзья, вперёд!
– Эгей! Петро, Серёга, Лёва, справа заходите
И клятого врага с лица земли сотрите!

И так до хрипоты кричал.
А враг смутился, трусил, побежал,
Подумав: «Сколько же их там? Выходит,
Отряд противника числом нас превосходит...»

... Мой дядя выиграл тот бой.
И мысленно он брал друзей с собой,
Пройдя сквозь огненные годы,
Сквозь боль, потери, ужасы, невзгоды...
Контужен был и госпиталь прошёл,
Но к дому своему он всё-таки дошёл.

Так помните же, люди, их!
Прошедших дым, огонь... Живых
И тех, кто не пришёл из боя,
Жизнью своей спасая нас с тобою,

Погибших, выстоявших – победивших!
И спасших нас, и землю окропивших
Горячей кровью. Им «Спасибо!» говорим
За мирный труд и солнце в небе ясном. Слава им,

Кто землю нашу завещал грядущим поколениям.
Склоним мы голову и преклоним колени,
И память их минутою молчания почтим.

Биографии
участников
конкурса,
отмеченные
жюри

**Щербакова
Елена Евгеньевна**

Родилась 17 января 1972 года. Имеет высшее литературное образование (2014 году – окончила литературный институт имени А. М. Горького).

Член Академии российской литературы, Союза писателей России, Союза независимых авторов и издателей. Имеет 26 наград, 3 благодарственных письма, 3 медали (медаль им. М. Ю. Лермонтова, медаль «60-летие Союза писателей России», медаль им. Н. П. Огарёва). Издала 26 книг, в которые вошли новеллы, очерки, рассказы о севере, сказы, сказки, лирика и пьесы, а также биографические и литературные дневники.

Публиковалась в 16 альманахах, 4 журналах, газетах.

**Кашин
Вячеслав Иванович**

Родился в 1939 году в селе Саминский Погост (Самина) Вологодской области в семье крестьян. С 1946 года живёт в Карелии. Окончил медицинский факультет Петрозаводского государственного университета в 1966 году.

Врач, кандидат медицинских наук, доцент, действительный член (академик) Российской академии медико-технических наук, заслуженный работник здравоохранения Республики Карелия, лауреат Республики Карелия 2000 и 2012 года, депутат Петрозаводского городского совета XX, XXI, XXIII, XXIV, XXVI и XXVII (2011 – 2016 гг.) созывов. С 2005 года избирается первым заместителем председателя Совета ветеранов Республики Карелия (перевыборы в 2009 и 2014 году).

Автор более 100 профессиональных работ. С 2005 года публиковал очерки о ветеранах Республики Карелия. В 2015 году издал книгу «Ветераны Карелии в лицах».

**Долгушин
Юрий Семёнович**

Родился 28 февраля 1954 года в рабочем посёлке Чаны Новосибирской области в семье учителя.

В 1977 году окончил физико-технический факультет Томского государственного университета по специальности инженер физик-баллистик.

До 1980 года работал в оборонном институте.

С 1980 года был призван в Советскую армию. В 1984-м экстерном окончил Сумское артучилище. Службу закончил в Туркестанском округе в звании майора. После увольнения в запас продолжил работу. Занимал различные должности от начальника цеха до директора завода.

Основное увлечение – литература. Имеет много публикаций. Отмечен правительственными наградами СССР и РФ. Ветеран труда. Участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Женат. Двое детей. Двое внуков.

**Сухих
Дарья Евгеньевна**

Родилась 26 сентября 2006 года. Учится во 4 «Р» классе гимназии № 44 имени Деева города Ульяновска.

Занимается в ДШИ имени Балакирева: с 2011 года – на отделении народного фольклора, с 2013 года – фортепиано.

Является участником ансамбля народной песни «Забава».

Конкурсный рассказ писала вместе с мамой – Эльвирой Кисметовной Сухих.

Мезенцева**Юлия Михайловна**

Родилась в 2000 году в селе Орлов-Гай Саратовской области Ершовского района. Учится в Орлов-Гайской средней школе. Является президентом школы. Мечтает стать учителем младших классов. Свободное время посвящает творчеству. Любит читать, собирает родословную своего рода. Выражает искреннюю благодарность Елене Юрьевне Сычёвой, заведующей Трудовской сельской библиотекой, за помощь в написании работы.

Бажина**Валентина Георгиевна**

Родилась в деревне имени В. И. Ленина Тюменской области Абатского района в большой семье Десятовых – была седьмым ребёнком в семье. Училась в ленинской средней общеобразовательной школе, после окончания которой поступила в Тюменское педагогическое училище. В 1987 году была направлена по распределению в коневский детский сад «Солнышко».

В 1994 году пришла работать в Чумашкинский сельский клуб. Проработала до 2011 года. В 2012 году вновь вернулась в коневский детский сад «Солнышко» на должность воспитателя детского сада, где и работает по сей день. Работа очень нравится. Считает, что воспитание детей – очень нужная профессия.

Замужем, имеет дочь.

**Мильгунова
Алина Юрьевна**

Родилась 6 февраля 2001 года в городе Воронеже.

Проживает в посёлке 1-го отделения совхоза «Масловский» Новоусманского района Воронежской области.

С 2003 по 2007 год посещала никольский детский сад.

В 2007 года поступила в 1-й класс МКОУ «Никольская СОШ».

В настоящее время обучается в 10 «А» классе.

В 2016 году успешно окончила детскую школу искусств по специальности фортепиано.

Увлекается музыкой, военной историей и изучением родословной. Любит рисовать и фотографировать.

Принимала участие в конкурсах различного уровня. Имеет много почётных грамот и дипломов. Среди них: диплом за 2-е место во Всероссийском конкурсе «История моей семьи», почётные грамоты за 1-е место в областном конкурсе сочинений «Мир заповедной природы» и за 1-е место в районном конкурсе творческих работ по пожарной безопасности.

Печаталась в сборнике Общероссийского союза военных писателей «Воинское содружество» г. Воронежа «ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ. Чтобы помнить...» в рубрике «Наши гости».

Чемерис**Алина Владимировна**

Родилась 7 апреля 2000 года в селе Ирбизино Карасукского района Новосибирской области. Учится в 9-м классе Ирбизинской СОШ. Увлекается танцами и рисованием.

В 2012 году окончила МБОУ ДОД ДШИ Карасукского района Новосибирской области по специальности хореографическое искусство. В 2013 году окончила МБОУ ДОД ДШИ Карасукского района Новосибирской области по специальности фольклорное искусство.

В 2015 году окончила МБОУ ДОД ДШИ Карасукского района Новосибирской области по специальности декоративно-прикладное искусство. В 2015 году участвовала в конкурсе «Память жива...», посвящённом 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, на лучшую творческую работу среди школьников 9–11-х классов Новосибирской области в номинации «Подвиг отцов – сыновьям в наследство». Была награждена почётным дипломом III степени Законодательного собрания Новосибирской области.

**Всероссийский литературный конкурс
«Герои Великой Победы»**

*Сборник работ победителей Всероссийского литературного
конкурса «Герои Великой Победы»*

Литературный редактор **О. И. Рябов**

Дизайн и верстка **Е. В. Рябова**

Корректор **Е. А. Северная**

Подписано в печать 01.09.2017. Бумага офсетная. Формат бумаги
84x108/32. Способ печати офсетная. Усл. печ. л. 2,5. Заказ № .
Тираж 1000.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Полиграф-ЮГ».
385000, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок: 8 (8772) 52-23-92.
E-mail: guripp2@yandex.ru